PG 3450
.A1 B34
1870

LIBRARY OF CONGRESS
00000103433

Class PG 112

Book B 30

YUDIN COLLECTION

БАЛЕТНЫЙ МІРОКЪ

ЖИВЫЯ КАРТИНКИ.

(МАТЕРІАЛЪ ДЛЯ ХАРАКТЕРИСТИКИ НАШИХЪ НРАВОВЪ).

(Безъ предварительной цензуры).

Цѣна **одинъ** руб. сер.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Въ типографіи М. О. Эттингера (б. мѣщ. д. № 14—37).
1870.

Объ изданіи «ПЕТЕРБУРГСКАГО ЛИСТКА» въ 1870 г.

„ПЕТЕРБУРГСКІЙ ЛИСТОКЪ“

ВЫХОДИТЪ ПО ВОСКРЕСЕНЬЯМЪ, ВТОРНИКАМЪ, ЧЕТВЕРГАМЪ и СУББОТАМЪ.

ГОДЪ СЕДЬМОЙ.

„Петербургскій Листокъ“ имѣетъ главнѣйшею цѣлью служить органомъ общественной жизни Петербурга, не упуская вмѣстѣ съ тѣмъ и характеристичныхъ фактовъ, совершающихся какъ въ Россіи, такъ и заграницею. Согласно этой цѣли **„Петербургскій Листокъ“** дѣлитъ свою программу на слѣдующіе отдѣлы:

1) **Передовыя статьи,** касающіяся, какъ городскаго хозяйства, такъ и всѣхъ нуждъ и потребност. жител. столицы.

2) **Хроника,** заключающая въ себѣ всѣ **новости дня:** сюда входитъ обзоръ дѣятельности всѣхъ существующихъ обществъ, дневникъ происшествій, театральныя обозрѣнія, отчеты объ увеселеніяхъ вообще, уличная жизнь столицы, распоряженія, касающіяся Петербурга, слухи, вѣсти и проч. Назначеніе этого отдѣла состоитъ въ томъ, чтобы дать читателю полную картину жизни Петербурга.

3) **Судебная хроника**— заключаетъ въ себѣ замѣчательнѣйшіе процессы, встрѣчающіеся, какъ въ уголовной, такъ и въ гражданской судебной практикѣ, а также сцены у мировыхъ судей.

4) **Отовсюду:** отдѣлъ этотъ заключаетъ въ себѣ внутреннюю и заграничную почту. Какъ та, такъ и другая часть, занимая небольшое мѣсто въ газетѣ, заключаютъ въ себѣ самые выдающіеся факты внутренней и заграничной жизни.

5) **Фельетонъ** — содержитъ въ себѣ повѣсти, разсказы, очерки, стихотворенія, преимущественно изъ Петербургской жизни.

Существуя **СЕДЬМОЙ ГОДЪ**. «Петербургскій Листокъ» не имѣетъ надобности толковать о своемъ направленіи, такъ какъ оно достаточно выяснилось передъ читателями. Число подписчиковъ истекающаго года, ежедневно прибывающее, даетъ намъ возможность **увеличить форматъ газеты** и кромѣ того давать **ежемѣсячно прибавленія** отъ 1-го до 2 печатныхъ листовъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ.

БЕЗЪ ДОСТАВКИ:

На мѣсяцъ.	На 3 мѣсяца.	На полгода.	На годъ.
65 к.	1 р. 75 к.	3 р. 25 к.	5 р. 50 к.

СЪ ДОСТАВКОЮ НА ДОМЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

77½ к.	2 р. 12½ к.	4 р.	7 р.

СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ ВО ВСѢ ГОРОДА ПО ПОЧТѢ:

Почтовый расходъ	13)	85р.	35)	2р. 32 к.	70)	4 р. 40 к.	1р. 10к.	7р. 50к.
Бандер. и упаков. (*)	7)		22)		45)		90к.	

*) *Примѣчаніе.* Назначеніе платы за бандероль и упаковку было необходимо потому, что цѣна *собственно за изданіе* осталась таже, какъ и въ предъидущемъ году.

Baletnyi Mirok.

БАЛЕТНЫЙ МІРОКЪ.

1028
291

(ЖИВЫЯ КАРТИНКИ).

«Дѣла давно минувшихъ дней,
Преданье старины глубокой.»

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Въ типографіи М. О. Эттингера (б. мѣщ. д. №14—37).
1870.

PG 3450
.A1 B34
1870

Изданіе редакціи «Петербургскаго Листка».

104837
'97.

gp 57
88-115988
2/29/88

БАЛЕТНЫЙ МІРОКЪ.

№ 1010 77

ГЛАВА I.

—

Будущая звѣздочка.

Какъ-то давно, лѣтъ двадцать тому назадъ, въ Большомъ театрѣ давали балетъ «Дріада». Кумиромъ сезона была знаменитая танцовщица Ферраристъ. Всѣ петербургскіе ґандены и весь beau monde присутствовалъ на этомъ представленіи, восторгаясь неимовѣрными техническими трудностями пріѣзжей балерины...

Въ галлереѣ пятаго яруса, сидѣла сред нихъ лѣтъ женщина съ небольшой черноглазой дѣвочкой... Еслибы хладнокровный зритель отвелъ свой бинокль съ ногъ знаменитой представительницы хореграфическаго искусства и взглянулъ на галлерею пятаго яруса, то конечно долго бы и внимательно остановился на прелестномъ античномъ личикѣ и на парѣ замѣчательныхъ глазъ, совершенно впившихся въ сцену... Лице оживилось... Глазки блистали... Дѣвочка вся высунулась за барьеръ... Дыханіе ея было неровно... Казалось, если-бы неожиданно закричали «пожаръ», то на это не обратило бы вниманія за-

интересованное юное созданіе и не оторвалось бы отъ сцены, прикованное къ ней всѣмъ существомъ...

Но на дѣвочку никто, кромѣ матери, не обращалъ вниманія; ни одинъ изъ театральныхъ завсегдатаевъ и не подозрѣвалъ въ этой дѣвочкѣ будущей хореграфической звѣздочки...

Наконецъ спустили занавѣсъ...

Партеръ загрохоталъ. Лысые старики, безбородые petits crevés и мѣднолобые юноши (крайнія грани завзятыхъ балетомановъ) захлопали... Послѣдовали безконечные вызовы балерины... Слово «браво» раздалось по залѣ на разнообразныя манеры: одни кричали изъ всѣхъ силъ «браво!»; другіе же, покровительственнымъ тономъ, едва выговаривали «бррэво, бррэво!;» наконецъ третьи гнусили въ носъ «бррэ! бррэ», не давая себѣ труда договаривать послѣдняго слога... Въ эту минуту, они забыли обо всемъ: одни о своихъ дѣлахъ съ надписью «экстренное» и «весьма нужное»; другіе даже о томъ, что назавтра на нихъ подаются векселя ко взысканію...

Для хладнокровнаго и не причастнаго къ балетнымъ таинствамъ зрителя весьма занятно было смотрѣть на лица обожателей. Посмотрите на этого дряхлаго господина: лице вытянулось, оловянные глаза, въ которыхъ не осталось и слѣдовъ бывшаго огня, растраченнаго съ помощью большихъ денегъ на извѣстныхъ дамъ Дюма-сына, казалось, хотятъ выскочить изъ орбитъ... Сладострастно спущенная

верхняя губа какъ-то шамшаетъ... Слюни текутъ по подбородку... Колѣни трясутся и крупныя капли пота блестятъ на оголенномъ черепѣ.

Скверенъ этотъ живой трупъ! Скверенъ тѣмъ болѣе, что его position sociale заставляетъ не малое число людей мучиться и изнывать за работою, проводя безсонныя ночи, согнувшись за перепискою или составленіемъ бумагъ, которыя на утро даже и не удостоятся быть подписанными, отъ того, что какая нибудь X или Z не соблаговолила взглянуть на него благосклонно...

А вотъ еще господинъ, одинъ изъ возсѣдающихъ въ первомъ ряду креселъ; сотворенъ на подобіе козла, потому и носитъ козлиную бородку; обутъ въ бѣлые ботинки; въ глазу—неизмѣнное стеклышко; не смотря на свои 60 лѣтъ—вѣчно юнъ духомъ и сердцемъ; это балетный мотылекъ, которому уже неоднократно обжигали крылышки. Чѣмъ же онъ занятъ? Свиститъ, весь вѣкъ свиститъ и только...

Изъ юношей обращаетъ на себя особенное вниканіе невысокое черноглазенькое твореніе. Хотя личность эта и носитъ названіе благороднаго металла но свойства души его и поступки далеко не оправдываютъ этого названія... Это—фактотумъ постоянно находящагося въ отсутствіи богача-генерала. Это — евнухъ столичнаго генеральскаго сераля, обязанный вывозить въ свѣтъ и оберегать цѣломудріе прелестной, бѣлокурой, балетной корифейки,

получающей жалованье, но не участвующей ни въ одномъ балетѣ... Посѣщеніе театра ничего не стоитъ Черномазенькому; всѣ выѣзды совершаются на генеральскій счетъ. А уже какой онъ мастеръ говорить: олицетвореніе тонкой деликатности! заслушаешься!.. Съ русскимъ языкомъ, онъ какъ будто не знакомъ: изъ устъ его только и льются французскія рѣчи...

Но самый интересный экземпляръ изъ длинной когорты балетныхъ habitués, представляетъ собою— Антонъ Банкометовъ; фамилія довольно рельефно обрисовываетъ профессію этой личности. Это балетный Боско, магъ и волшебникъ. Главная задача его жизни—связать себя узами Гименея съ кѣмъ-либо изъ балетныхъ, предвидящихъ или составившихъ уже себѣ артистическую карьеру съ приличнымъ жалованьемъ. Но бѣдный Антонъ, хотя и дѣлаетъ ежегодно предложенія различнымъ танцовщицамъ, до сихъ поръ не нашелъ еще себѣ подходящей богини... Всюду одинъ отвѣтъ: «презрѣніе—на дерзкія слова!» Ничто не помогаетъ: ни вызовы, ни рукоплесканія; ничто не смягчаетъ сердца жестокихъ. Справедливо называлъ Наполеонъ всѣхъ женщинъ «кружевныя души!» восклицаетъ Антонъ; имъ любви не нужно, а подавай только argent, argent!.. Но и въ этомъ онъ сильно ошибается: будь у него и презрѣнный металлъ въ изобиліи, отвѣтъ былъ-бы тотъ же! Перекинулся онъ было на иностранные

таланты; скакалъ за ними въ Парижъ; обѣды, parties de plaisir устраивалъ, деньгами сорилъ безъ конца!.. Нѣтъ! ничего не помогло!.. Теперь взялся за умъ и началъ *поддерживать* родные русскіе таланты... Но, повидимому, успѣха также не предвидится. . Перекидывается съ одной стороны на другую, не зная на чемъ остановиться... не смотря на то, что онъ, какъ человѣкъ, одаренный умомъ, рѣзко отличается отъ прочихъ безголовыхъ балетныхъ завсегдатаевъ.

Старцы успокоились, вызвавъ балерину разъ десять. Банкометовъ, Черномазенькій и разные юноши отправились въ маленькую, грязненькую комнатку около буфета выпить бутылку шипучки. У старцевъ пошла рѣчь о тонкостяхъ сложенія той или другой корифейки и о блюдахъ, бывшихъ за обѣдомъ у того или другого высокопоставленнаго лица.

Юноши съ жаромъ разсуждали о ногахъ танцовщицъ, о статьяхъ своихъ рысаковъ, о сидящихъ въ ложахъ крашенныхъ француженкахъ, о содержанкахъ и о подлецахъ кредиторахъ... не желающихъ ждать болѣе долгу...

Дѣвочка пятаго яруса по прежнему сосредоточенно смотритъ на занавѣсъ. Лице ея, не оживленное болѣе никакою страстью, задумчиво... По временамъ только, на немъ является то улыбка, то грусть, то торжество и снова возвращается выраженіе какой-то затаенной думы.

— Что-же это, мама, долго не начинаютъ?

— Подожди, Катя, ишь какая ты нетерпѣливая!

— Да долго, мама... долго...

— Ну смотри-же; вотъ сейчасъ! Видишь!..

Дѣйствительно занавѣсъ взвился... Роскошныя группы полунагихъ нимфъ, наркотически дѣйствующихъ на нервную систему, подъ нѣжную музыку, понеслись по сценѣ. Долго танцовали онѣ, но вотъ музыка замираетъ... раздаются только звуки одной скрипки: играютъ соло... и въ бѣломъ, какъ снѣгъ, платьѣ, съ длинной распущенной косой, въ граціозномъ, обольстительномъ видѣ влетаетъ на сцену знаменитая балерина. Едва касаясь полу, подносится она къ рампѣ, потомъ быстро кружась изчезаетъ въ разнообразныхъ группахъ, окружающихъ ее нимфъ, потомъ снова подлетаетъ къ рампѣ и останавливается въ самой обольстительной позѣ...

Дѣвочка пятаго яруса замерла... ротикъ ея полуоткрытъ; глазки мечутъ искры; потомъ, вдругъ, она поблѣднѣла. Сильный наплывъ ощущеній, соединенный съ неимовѣрной духотой, произвелъ на малютку большое впечатлѣніе: у нее закружилась головка... она склонилась на руки матери.

— Ну, пойдемъ... пойдемъ Катя; уйдемъ отсюда!

— Нѣтъ, мама, это пройдетъ; подожди. Здѣсь очень хорошо!..

Однакоже мать съ дочерью уѣхали.

Партеръ-же еще долго не расходился, ожидая

окончанія всего балета, чтобы, собравшись толпою у оркестра, вызвать разъ двадцать свою «diva», такъ что шумъ отъ криковъ, рукоплесканій и неистовыхъ вызововъ еще долго раздавался въ ушахъ выходящей изъ зрительной залы публики. Наконецъ начали тушить лампы и сторожа приступили къ опусканію грязныхъ, холстинныхъ занавѣсей на бархатъ и золото, украшающіе ложи. Балетные хлыщи, гурьбою, направились къ театральному подъѣзду, съ тѣмъ, чтобы на другой день разсказать пріятелю—хлыщу, что вчера съ подъѣзда взяли такую-то балетную и «безъ разговора, mon cher» повезли ее ужинать!..

— Да вѣдь ты съ *этой* не былъ знакомъ!

— Все равно, mon cher... онѣ всѣ меня знаютъ... захочу и кончено!..

Но, понятно, хлыщъ вралъ и немилосердно вралъ...

ГЛАВА II.

Катя-танцовщица.

По возвращеніи домой, мать тотчасъ-же бережно уложила въ кровать свою дочку; но дѣвочка не спала почти всю ночь. Ей все грезились: слава, букеты, сцена, декораціи, рукоплесканія...

На другой день, утромъ, блѣднолицая, съ истомленнымъ личикомъ, Катя подошла къ матери и сказала:

— Мама, голубчикъ, сдѣлай то, что я попрошу.

— Что тебѣ, отвѣчала Прасковья Ивановна, что тебѣ, родная? говори...

— Выучи меня танцовать.

— Ишь что вздумала, глупенькая!

— Да такъ танцовать, продолжала дѣвочка, чтобы я была лучше всѣхъ, чтобы на театрѣ танцовала.

— Полно, дитятко, полно! Богъ съ ними съ этими плясами; ты еще не знаешь, какъ это трудно...

— Ничего, мама; буду учиться, буду стараться; что тебѣ, мама? лучше будетъ! Я на все для тебя готова...

— Нѣтъ, Катя, заработывай лучше хлѣбъ руками, а не ногами; можно жить... вотъ видишь, я работаю, слава Богу, живы и съ голоду не помираемъ...

— Мама, голубчикъ, согласись! сквозь слезы, проговорила, малютка.

— Полно! полно, дурочка! куда намъ съ тобой на сцену пускаться?

Дитя залилось слезами...

Но дѣвочка не унялась; каждый день приставала она къ матери съ тою-же просьбой.

— Да выбрось ты эту дурь изъ головы, съ сердцемъ проговорила Прасковья Ивановна; слышь, я тебѣ говорю, перестань объ этомъ и думать; сиди лучше, учись шить, вотъ ужъ недѣля какъ и иголки въ руки не берешъ! Баловница, право!

— Да ты послушай меня только! Когда я буду большая, буду на театрѣ танцовать; тамъ мнѣ будутъ давать букеты съ дорогими лентами; а зимой, ты сама говорила, цвѣты дороги.. Мы будемъ ихъ продавать и разбогатѣемъ...

— Да кто тебѣ вбилъ этакія глупости въ голову? Слыхала я про эти букеты и видала жизнь балетчицъ. Куда какъ не приглядно! Вонъ, надняхъ, твой-же родня, еще дядей приходится, удавился и оставилъ семью, жену и четверо дѣтей; по міру должна бѣдная идти съ малыми ребятами; все перезаложила! А кажись, служитъ также при театрѣ, тоже въ балетѣ. Четырнадцать съ полтиной, говоритъ, въ мѣсяцъ получаетъ. На это не разговѣешься. Дровецъ подъ часъ нѣтъ! Сидятъ въ холодной каморкѣ! А цѣлый день за работой: то на репетиціи, то въ школѣ, то въ театрѣ! А ребята одни!.... Жалованья-то, едва на башмаки хватаетъ!.. Знаю я этотъ балетъ; насмотрѣлась! Радости немного.. А выйдетъ какая изъ нихъ въ люди, такъ не жалованьемъ живетъ, а пробавляется на счетъ пріятелей... Знаю я горемычную жизнь этихъ балетчицъ... Либо безъ хлѣба, либо въ золотѣ... одно изъ двухъ!..

Какъ ни силилась Катя доказать матери всю несостоятельность ея доводовъ, однако Прасковья Ивановна оставалась непреклонна. Наконецъ слѣпой случай рѣшилъ судьбу Кати.

Прасковья Ивановна уже нѣсколько лѣтъ какъ лишилась своего мужа; она содержала, въ одной изъ глухихъ улицъ Петербурга, небольшой модный магазинъ и болѣе никакихъ средствъ къ жизни не имѣла. Практики у нее было достаточно, такъ что она существовала съ своею дочерью, единственнымъ наслѣдствомъ, оставшимся послѣ покойнаго мужа, хотя и не роскошно, но особыхъ лишеній не терпѣла.

Однажды въ ея магазинъ зашла съ заказомъ не богато-одѣтая дама; это была одна изъ воспитательницъ Театральнаго училища. Увидавши случайно въ магазинѣ Катю, прислуживавшую матери, личико ея приглянулось классной дамѣ.

— Это вѣрно дочька ваша? обратилась она къ Прасковьѣ Ивановнѣ. Красоточка!..

— Дочька, сударыня, дочька! да баловница такая, что упаси Господи!

— А что?

— Да все на театръ просится, продолжала Прасковья Ивановна, улыбаясь.

— А какъ тебя звать, душенька?

— Катя! отвѣтила дѣвочка покраснѣвши какъ маковъ цвѣтъ.

— Въ театръ хочешь, Катя! что-же, доброе дѣло!.. Дѣвочка ваша прехорошенькая; она мнѣ очень нравится. Скромная,—намъ такихъ и нужно. Хотите, я вамъ протекцію окажу; я служу при театрѣ; устрою такъ, что дочьку вашу примутъ на казенный счетъ въ Театральное училище. Подумайте хорошенько; раскаяваться не будете... Запишите мой адресъ....

Заказавши что было нужно, барыня, заявившая о своей любви къ *скромнымъ*, уѣхала.

Этотъ день былъ роковымъ днемъ въ жизни Кати. Жребій былъ брошенъ и черезъ короткое время дѣвочка поступила, на казенный счетъ, въ Театральное училище.

Немедленно по поступленіи въ школу, бѣдная Катя, изъ которой, при дѣльномъ развитіи, могла бы выдти практически полезная женщина, старательно продѣлывала подъ наблюденіемъ учителя различные па, ронжаны, батеманы, аттитюды и прочій хореграфическій винигретъ.

Излишне разсказывать эпизодъ воспитанія Кати въ театральной школѣ. Читателю, вѣроятно, не безъизвѣстна система тамошняго воспитанія. Короче сказать: Катя танцовала, танцовала и только... И если умственное развитіе не подвигалось особенно быстро, благодаря недалекому развитію ея учителей, изъ которыхъ нѣкоторые были, до занятія кафедры, разорившимися аферистами, сыроварами и содержателями билліардныхъ, за то ноги ея развивались

чрезвычайно скоро, то есть обратно пропорціонально развитію ея юной головки.

Ежегодный выпускъ изъ Театральнаго училища составляетъ эру для балетныхъ завсегдатаевъ. Большинство воспитанницъ еще до выпуска изъ школы имѣетъ уже своихъ поклонниковъ и обожателей. Конечно, главную роль тутъ играетъ не талантъ окончившей курсъ артистки, а ея смазливенькое личико или *пріятное тѣлосложеніе*.

Въ 18.. году Катя была корифейкой выпущена на сцену. Для непосвященныхъ не лишнее замѣтить, что изъ воспитанницъ училища однѣ выпускаются прямо солистками съ приличнымъ окладомъ жалованья, другія въ корифейки и наконецъ третьи, танцующія *у воды*, въ кордебалетъ съ самымъ ограниченнымъ жалованьемъ, т. е. четырнадцать съ половиной въ мѣсяцъ. Въ послѣднее же время, вошло въ обыкновеніе выпускать воспитанницъ прямо на первыя роли, чего прежде никогда не бывало; впрочемъ такихъ избранныхъ, вознесенныхъ и возвеличенныхъ судьбою, очень немного...

— Ты изъ насъ самая счастливая! говорили Катѣ воспитанницы одного съ нею выпуска.

— Я не понимаю васъ! отвѣчала скромная Катя.

— А какже? у тебя куча любезниковъ уже и теперь! Посмотрите, дѣвицы! какая Катя у насъ недотрога! ничего не понимаетъ? все притворяется!

— Нѣтъ, дѣвицы! возражала еще болѣе смущен-

ная Катя; я не хочу быть такою, какъ остальныя; хочу работать, трудиться, служить искусству; у меня мать старуха...

— Полно вздоръ городить! перебила ее бойкая Любушка.

— Ты все надсмѣшничаешь надо мною! Нѣтъ, право, мнѣ ничего не надо! я никого не полюблю!..

— Полюбишь! пустяки! возразила выпущенная на драматическую сцену Ершова. Небось, въ каретахъ ѣздить захочется; пріятно также ходить въ шелкахъ, да бархатѣ.

— Напрасно, дѣвицы, вы такого обо мнѣ мнѣнія! Это вы нарочно!.. чтобы *язвить* мнѣ...

— Всѣ мы, голубушка, такъ говоримъ при выпускѣ, продолжала Ершова, а потомъ глядишь и сорвалось!.. Да и непремѣнно надо обзавестись кѣмъ нибудь изъ друзей; и начальство на нихъ смотритъ иначе, всегда благосклоннѣе!

— Не думаю, отвѣчала Катя; если я буду учиться и мнѣ будутъ давать роли!..

— Ты я вижу еще очень молодая, неопытная, подхватила Маша Алексѣева. Послужишь съ наше, другое запоешь! Вонъ Мотинька Рукавицына больше году не танцовала, а ей все платили жалованье, да препорядочное! А все почему? Молодчина! Плюнула на Банкометова; а ужь онъ за ней ухаживалъ, дѣвицы, страсти! Ну и связалась съ тѣмъ, кто по-

лучше; сама хворала, ревматизмомъ... а жалованье получала...

— Да что Мотинька? прервала ее другая заступница за мелкихъ сестеръ. Эта покрайней мѣрѣ талантливая, да добрая и привѣтливая!.. А мало ли у насъ такихъ, которыя на сценѣ не показываются, а жалованье получаютъ... Другія же за нихъ трудятся и вмѣсто того чтобы въ балетѣ быть занятою одинъ разъ, да иуѣхать домой... нѣтъ, заставляютъ ихъ по десяти разъ танцовать въ вечеръ. А незанятыя благодушествуютъ, благодаря пріятелямъ...

— Нѣтъ, я такою дурною не буду...

— Повѣрь, Катя, моей опытности! У насъ въ балетѣ, кто побойчѣе, той и лафа! Ты все городишь про какое-то искусство! Вздоръ! развѣ наша публика ѣздитъ въ балетъ для искусства? Пустяки! Найдешь двухъ, трехъ любителей и обочлась... а остальные добиваются только, чтобы мы имъ *отвѣчали*...

— Но я не затѣмъ поступила на сцену, чтобы *отвѣчать* кому нибудь...

— Постой, голубушка, перебила снова Катю, Маша Алексѣева, послужишь, сама увидишь! Да что толковать?.. Многія ли изъ балетныхъ вѣрны искусству и много ли изъ насъ вышло за мужъ?..

— Правда, правда, Маша! продолжала Любушка. Что намъ нужно? вѣнки, букетики... а отъ бѣдняковъ развѣ получишь что нибудь?..

— Да, разумѣется много! поспѣшила отвѣтить

Катя; вотъ Вертунцева замужемъ, обожаетъ мужа и дѣтей; Загоновы обѣ замужемъ, да одна изъ нихъ преважная; а московская Гусева тоже сошла со сцены и вышла за богача — счастлива! бывшая солистка цирка тоже за мужемъ, даже корифейка Ширина за однимъ *сочинителемъ* замужемъ!

— Ну, продолжай же дальше!..

Катя замялась.

— Ну, а теперь я насчитаю тебѣ много-ли изъ насъ не замужемъ, а, какъ нынче называютъ, гражданскимъ бракомъ сочетались... Не конфузься, Катя!.. Очень много, голубушка; всѣмъ намъ почти одна дорожка... Поневолѣ летишь въ пропасть. Пока дослужишься до пенсіи, отъ работы отвыкнешь, и останешься съ семьей, не пивши и не ѣвши... Что-же выходитъ?.. И выходитъ то, что намъ и даютъ такое воспитаніе, чтобы незамѣтнымъ образомъ и легче было-бы переносить и свыкаться съ тою грязью, въ которой мы купаемся!.. Дали бы какое нибудь развитіе, тогда, пожалуй, безъ балета бы остались!.. Вотъ почему насъ въ школѣ, кромѣ одного ногодерганія, почти ничему и не учатъ...

Долго еще продолжался разговоръ въ томъ же духѣ и тонѣ. Въ головкѣ молоденькой Кати сдѣлался какой-то сумбуръ; ее начали уже преслѣдовать какія-то неотвязчивыя мысли, одна другой страннѣе.

Послѣ этого разговора, происходившаго между юными служительницами искусства, невольно при-

ходится воскликнуть: бѣдная русская артистка!.. бѣдная женщина!.. Неужели довольно тебѣ однихъ вызововъ, однихъ вѣнковъ и одобрительныхъ стиховъ твоихъ поклонниковъ!.. Неужели не волнуетъ тебя положеніе твоихъ низшихъ собратій и собратокъ!.. Наивны были бы сантиментальныя обращенія съ рефреномъ: «проснитесь, проснитесь!».. Не вамъ надо проснуться... Ваше положеніе есть слѣдствіе многихъ хитро запутанныхъ причинъ... Но неужели, никогда, хоть доля сознанія неполной, цѣлостной жизни, ненормальнаго, часто недобраго отношенія ко всему, что можетъ и должно заставить забиться сердце и расшевелить умъ — неужели, повторяю, никогда это сознаніе не закрадывалось въ ваши сердца?

Отвѣта нѣтъ... или глухое молчаніе, или однѣ насмѣшки «вотъ нашелся учитель»... и снова батеманы, улыбки и поклоны. Но вѣра остается въ молодыхъ. Быть можетъ, искренняя строка и врѣжется въ сердце молодой артистки и у нее на столѣ явятся книги вмѣсто завядшихъ букетовъ и завалявшихся комплиментовъ въ раздушенныхъ запискахъ.

ГЛАВА III.

Дебютъ Кати.

Тотчасъ-же по выходѣ изъ училища, Катя переѣхала къ своей матери. Радость Прасковьи Ивановны при встрѣчѣ съ дочерью была непомѣрная. За

время разлуки было пролито не мало слезъ. Въ продолженіи довольно длиннаго періода обученія танцовальному искусству, старуха видалась съ Катей только по воскресеньямъ и то въ стѣнахъ училища, потому что домой ни одну изъ воспитанницъ этого закрытаго заведенія не пускаютъ для свиданія съ родными. Свиданія же въ училищѣ были весьма кратковременны и приносили очень небольшую пользу для нравственнаго развитія Кати; старуха-мать никогда не успѣвала дать своей дочери добраго родительскаго совѣта или нравоученія; свиданія ихъ ограничивались исключительно одними ласками и поцѣлуями...

Прасковья Ивановна, эта любящая старуха, у которой единственная отрада и утѣшеніе въ жизни была ея неоцѣненная Катичка, употребляла всѣ усилія, чтобы на дочку, во время пребыванія ея въ школѣ, было обращено болѣе вниманія, чѣмъ на остальныхъ воспитанницъ. Послѣдніе крохи и гроши, собранные ею путемъ многихъ безсонныхъ ночей и постояннаго, неусыпнаго труда, тащила она въ школу, чтобы задобрить учителей и учительницъ.

Наконецъ всѣ хлопоты ея о нѣжно любимомъ дѣтищѣ не остались безплодными. Старанія ея увѣнчались желаннымъ успѣхомъ: Катя была выпущена изъ школы прямо на окладъ въ 400 рублей.

Прежняя десятилѣтняя Катя превратилась въ красоточку. Чудные, блестящіе глазки, полные жиз-

ни и огня, постоянный румянецъ на щечкахъ, гибкій станъ, густая черная коса — дѣлали ее вполнѣ симпатичною семнадцатилѣтнею дѣвушкой. Въ лицѣ Кати балетный цвѣтникъ обогатился новымъ, роскошнымъ цвѣткомъ...

Ко дню переѣзда Кати, Прасковья Ивановна постаралась по возможности лучше убрать комнатку своей дочери; она уставила ее недорогими цвѣтами, прикупила подержанной мебели, устроила чистенькую постель, такъ что комнатка хотя и не отличалась роскошью и богатствомъ, но видно было, что заботливая рука матери приложила не мало хлопотъ для приведенія ее въ настоящій порядокъ...

— Спасибо, голубушка мама, спасибо!—скороговоркою сказала Катя, осматривая свою комнату и бросилась на шею матери. Какъ здѣсь хорошо! Боже, какъ я счастлива! какъ я счастлива! — повторяла она.

Прасковья Ивановна плакала, но это были слезы радости и умиленія... Долго еще не могла старуха придти въ себя и успокоиться.

Наконецъ, послѣ первыхъ изъявленій восторга, Катя обратилась къ матери:

— Ну, вотъ видишь-ли, мама, помнишь, ты говорила, что не надо мнѣ учиться танцовать? Выучилась—и теперь буду 400 рублей въ годъ жалованья получать... а потомъ прибавятъ... навѣрное приба-

вятъ... Посмотри, какъ мы заживемъ! Чудо!.. Ну, а иголкой развѣ бы я столько заработала?

— Давай Богъ! отвѣчала Прасковья Ивановна. Одного только боюсь, какъ-бы ты не...

Старуха не договорила своей мысли.

— Чего-же ты боишься? говори, мама!

— Вѣдь театръ, — а въ особенности балетъ,— это такой омутъ; ну, долго-ли до грѣха...

— А, я понимаю, что ты хочешь сказать! Но не бойся, мама, я тебѣ вѣрно говорю: не буду такою, какъ другія,—увидишь!

— Давай Богъ, давай Богъ!—повторяла старуха. Тутъ, за иглой, ты все-бы со мною вмѣстѣ сидѣла; ну, а на театрѣ... дѣло заглазное! За тебя-то, впрочемъ, не боюсь... Народъ-то тамъ ужъ больно бѣдовый; такъ и наровятъ, какъ-бы вскружить голову...

— Нѣтъ, мама, еще разъ повторяю: не буду похожа на другихъ,—увидишь!

Хотя Катя и говорила, что не будетъ такою, *какъ другія*, но въ душѣ она чувствовала совсѣмъ не то, что высказывала матери. Слова ея были далеко не искренни. Школьное воспитаніе, гдѣ ее почти насильно пріучали къ неискренности и лжи, и, кромѣ того, постоянныя столкновенія съ балетнымъ міромъ значительно подѣйствовали на ея юное воображеніе...

Духъ школьныхъ стѣнъ, гдѣ она въ теченіи семилѣтняго, безвыходнаго пребыванія не слыхала ни одного теплаго, нравственнаго слова, не прочитала

ни одной дѣльной книги, гдѣ ее по цѣлымъ днямъ заставляли носить личину и улыбаться въ то время, когда на сердцѣ было далеко не весело,— началъ уже вѣять на питомицу Терпсихоры...

Въ теченіи всего лѣта, Катя отдыхала и не разставалась съ своей матерью. Прасковья Ивановна развлекала ее, какъ могла; ѣздила съ нею на кладбище, на гулянья, но все это доставляло Катѣ мало удовольствія. Привыкнувъ быть постоянно въ обществѣ подругъ и лишенная въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ всякихъ сношеній съ ними, она начала скучать, но не высказывала этого матери...

Наконецъ, наступилъ зимній сезонъ. Начались репетиціи. Катя ожила. Назначенъ былъ ея дебютъ въ одномъ изъ балетовъ, на сценѣ Большаго театра. Хотя Катя и выпущена была корифейкой, но благодаря услужливости балетмейстера, она, при первомъ дебютѣ, должна была протанцовать небольшое «соло».

Заколыхались балетные habitués... Замѣчательная, симпатичная наружность и природная грація Кати сразу дали ей бездну поклонниковъ... Заегозили, заговорили на множество ладовъ разные платоническіе и неплатоническіе обожатели...

Первые ряды креселъ и инфернальная ложа пришли въ волненіе... Самъ м-сье Плошка, не смотря на свою дородность, привскочилъ съ кресла; Тарковъ забылъ о завтрашнемъ докладѣ; какъ страстный по-

клонникъ прекраснаго пола, онъ заранѣе пріятно и съ самодовольствіемъ облизывался... Башмачниковъ, хотя и самый платоническій изъ всѣхъ балетомановъ, сталъ припоминать свою ежегодную ренту и сколько къ слѣдующему представленію можно нарѣзать букетовъ въ его оранжереяхъ. Храмой Баскаковъ только приговаривалъ: вотъ этой буду класть, буду жарить... (техническое выраженіе балетныхъ, означающее: хлопать.) Банкометовъ пожиралъ глазами всѣхъ зрителей, подмѣчая кому болѣе всего понравилась дебютантка: онъ уже соображалъ различныя финансовыя комбинаціи... А Лопуховъ (не герой романа: «Что дѣлать?») бѣгалъ изъ ложи въ ложу; онъ подумывалъ о подпискѣ на подарокъ и... ужинъ, на которомъ, какъ необходимый атрибутъ, должна была присутствовать извѣстная всѣмъ балетнымъ дѣвица, на счетъ которой онъ уже давно влачилъ свои дни. Хореграфическій рецензентъ Душиковъ приготовилъ до пятидесяти обворожительныхъ строчекъ о вновь восходящемъ свѣтилѣ, наполнивши эти строки никому не понятными техническими терминами. Pètites batteries, entre chat six royal, pirouettes renversèes.. не были забыты.

Словомъ сказать, разные графы, князья и нетитулованные богачи приготовились къ ухаживанію. Ихъ, конечно, плѣнило не искусство, не талантъ начинающей Кати, а ея хорошенькое, смазливенькое личико.

Извѣстно, что большинство всѣхъ этихъ господъ,

носящихъ общее названіе балетныхъ хлыщей, по несчастію, или лучше сказать, по недозрѣлости, имѣетъ взглядъ на танцовщицу въ принципѣ не лучше взгляда жителя Ново-Каледонскихъ острововъ на представительницъ прекраснаго пола; они смотрятъ на балетъ, какъ на разсадникъ красивыхъ женщинъ, изъ которыхъ каждый, соображаясь съ своими средствами, можетъ дѣлать выборъ. Замѣчательно, впрочемъ, то обстоятельство, что если кто-либо изъ хлыщей начинаетъ ухаживать за балетною и добивается взаимности, то всѣ остальные перестаютъ обращать вниманіе на избранную, не желая быть помѣхою и только по просьбѣ «ухаживателя» стараются *поддерживать* (рукоплесканіями) артистку.. Это своего рода esprit de corps, хотя очень многіе изъ хлыщей знаютъ другъ друга только по фамиліи и встрѣчаются только въ театрѣ.

Я бы охотно пріударилъ за Курцъ или за Брысь говоритъ новичекъ, обращаясь къ своему знакомому, закаленному балетному завсегдатаю.

— Нельзя, братецъ, обѣ заняты! отвѣчаетъ хлыщъ. Присмотрись къ другимъ, къ молоденькимъ... Тутъ онъ начинаетъ перечислять имена нѣкоторыхъ *незанятыхъ* и наконецъ юноша останавливаетъ на комъ нибудъ свой выборъ и начинается ухаживаніе, т. е. метаніе букетовъ, посылка въ уборную конфектъ отъ неизвѣстнаго и постоянное обращеніе бинокля въ ту сторону, гдѣ танцуетъ избранный

субъектъ. Объ любви, или другомъ какомъ-либо нравственномъ, человѣческомъ чувствѣ тутъ и рѣчи нѣтъ, да и быть не можетъ.

Всѣ ухаживанія за балетными ничѣмъ не отличаются одно отъ другаго; пріемы всегда одни и тѣ же и два индивидуума сходятся, не имѣя предварительно другъ о другѣ ни малѣйшаго понятія. Главный же стимулъ, въ этомъ случаѣ, съ одной стороны погоня за модой или удовлетвореніе самолюбія, что, вотъ дескать, всѣ будутъ говорить «*я живу съ такою-то*»; съ другой же стороны—желаніе, по возможности, пристроить себя и обезпечить дальнѣйшее существованіе.

На четырнадцать съ полтиной не прокормиться, думаютъ артистки, и потому, вѣроятно, никто и не осмѣлится бросить въ нихъ камня за ихъ паденіе.

Дѣйствительно, если посерьезнѣе вникнуть въ это дѣло, выводъ окажется крайне грустный. Кто виноватъ, что почти у всѣхъ балетныхъ одна складка? Виновата, разумѣется, прежде всего предварительная подготовка, гдѣ на нравственное и умственное развитіе не обращается никакого вниманія; понятно, что эта причина и породила цѣлую когорту балетныхъ хлыщей, не требующихъ отъ танцовщицы никакихъ разсужденій, кромѣ, кромѣ... извѣстно чего! А можетъ и на оборотъ—эти самые хлыщи создали типъ современной танцовщицы...

Впрочемъ, объ этомъ довольно...

Катя дебютировала съ огромнымъ успѣхомъ; вызовамъ и крикамъ не было конца...

ГЛАВА IV.

Искушеніе.

Успѣхъ Кати отуманилъ ея юную головку.

Въ сопровожденіи матери, она возвратилась домой и тотчасъ же легла въ постель. Долго пыталась заснуть, но сонъ не смыкалъ ея глазъ. Воображеніе рисовало ей сцены одна другой страннѣе. Ей мерещились рукоплесканія, вызовы и завистливыя поздравленія подругъ «*съ успѣхомъ...*»

На другой день Катя лежала еще въ постели, какъ къ ней вошла кухарка.

— Васъ, барышня, спрашиваетъ кто-то!

— Мущина?

— Да, мущина! говоритъ, изъ театральныхъ!

— А, какъ его зовутъ?

— Не говоритъ фамиліи! очень, дескать, нужно.

— Скажи, чтобы подождалъ, пока мамаша вернется.

— Ему васъ нужно, а не мамашу!..

Катя подумала, что къ ней пришелъ кто нибудь изъ театра, по службѣ, потому поспѣшно одѣлась и велѣла просить пришедшаго «*театральнаго*»..

Въ комнату вошелъ Безумовъ; имени и отчества

его никто не зналъ; звали-же его всѣ, просто, Безумовъ! Личность эта играла въ балетѣ весьма двухъ-смысленную роль въ качествѣ блюдолиза и коммиссіонера богатой молодежи... Это былъ артистъ въ переносномъ и фигурантъ въ буквальномъ смыслѣ этого слова... Главное занятіе его были—водка и коньякъ; впрочемъ и отъ другихъ винъ онъ не отказывался; всѣ балетоманы жали ему руку при встрѣчѣ, почти каждому изъ нихъ онъ неоднократно оказывалъ различныя услуги и получалъ за хлопоты мзду, въ видѣ синенькихъ или красненькихъ бумажекъ... Ни отъ одного порученія, какого-бы страннаго оно ни было свойства, фигурантъ не отказывался и постоянно исполнялъ его съ должнымъ рвеніемъ и усердіемъ.

Не смотря на раннее еще утро, Безумовъ уже былъ навеселѣ. По его словамъ, нельзя было начинать ни одного дѣла, не продернувши, по меньшей мѣрѣ, трехъ или четырехъ красауль...

— Для куражу, говорилъ онъ, надо наспиртоваться...

Безумовъ держалъ въ рукахъ записку и небольшой свертокъ.

— Катеринѣ Андреевнѣ, имѣю честь кланяться!

— А, Безумовъ! вотъ не ожидала! что это вы такъ рано? здравствуйте!

— По порученію-съ, и по очень пріятному-съ!

— Отъ режиссера, что-ли?

— Какое, отъ режиссера?.. Дѣло, изволите-ли видѣть, довольно щекотливое.

Безумовъ замялся; однако онъ скоро оправился и продолжалъ:

— Никого, здѣсь нѣтъ? можно говорить съ вами откровенно?

— Говорите! но у меня кажется секретовъ нѣтъ никакихъ.

— Хотя мнѣ и приказано поговорить сначала обинякомъ, но я не могу-съ; это не въ моемъ характерѣ! На чистоту, такъ на чистоту!..

— Да, въ чемъ дѣло? я васъ, до сихъ поръ, не понимаю!

— Такъ, вы позволите, Катерина Андреевна, бобовъ не разводить, а прямо къ дѣлу. Пожалуй еще мамаша вернется, тогда хуже! Видите, князь Тобольскій ужъ очень въ васъ влюбившись!..

— Да помилуйте, я совсѣмъ его не знаю!

— Это все равно-съ! у насъ на этотъ счетъ въ балетѣ просто! Узнаете послѣ! А князь, смѣю вамъ доложить, человѣкъ солидный и богатый!..

Катя начинала понимать цѣль визита Безумова. Не желая болѣе слушать продолженія этого разговора, она попросила своего незваннаго гостя немедленно оставить квартиру.

— Теперь, я понимаю, зачѣмъ вы пришли! Оставь-

те меня въ покоѣ! Ступайте къ другимъ! Вы вѣрно ошиблись, не туда попали, куда нужно.

— Да полноте гнѣваться, Катерина Андреевна! вѣдь я ни въ чемъ не виноватъ; я не отъ себя пришелъ!

— Я и знать не хочу, отъ кого вы пришли! Слышите, уходите, я вамъ говорю!

— Но Безумовъ не унимался.

— Князь говоритъ: надо предупредить остальныхъ, а то уже очень много публики собирается ухаживать за вами. Ну, я и взялся исполнить его порученіе. Надо-же чѣмъ-нибудь питаться!..

— Не смѣйте мнѣ говорить про князя! Еще разъ вамъ повторяю: оставьте меня! Уйдите отсюда.

— Примите отъ князя хотя этотъ подарочекъ и записочку, продолжалъ фигурантъ, подавая Катѣ свертокъ.

Кровь хлынула въ лице оскорбленной артистки; она начала задыхаться отъ сильнаго волненія...

— Не нужно мнѣ подарковъ! не надо!.. не надо! повторяла она.

— Князь приказали оставить это здѣсь! не переставалъ Безумовъ, кладя свертокъ на столъ.

— Если только вы вздумаете оставить *это* здѣсь, я тотчасъ же выброшу все за окно... Слышите-ли! бросьте эту записку въ лице князю; скажите, что я его презираю...

Въ передней раздался звонокъ. Прасковья Ивановна возвращалась съ рынка. При видѣ старухи, Безумовъ, не говоря болѣе не слова, взялъ со стола нераспечатанную записку и свертокъ, и вышелъ на улицу.

— Вретъ! думалъ онъ; такъ только ломается! не долго проживетъ въ этихъ палатахъ; и не такихъ видали; всѣмъ одинъ конецъ...

И отчасти Безумовъ былъ правъ.

Всѣ подробности этого посѣщенія были переданы Прасковьѣ Ивановнѣ. Обѣ залились горькими слезами и проплакали почти цѣлый день.

Старуха все время ходила по комнатѣ и только приговаривала:

Вотъ до какого сраму, мы съ тобою дожили...

Разставаясь съ дочерью на ночь, богобоязненная мать долго и усердно молилась предъ иконою Божьей Матери, со слезами прося заступничества за свою сиротку: Владычица, подкрѣпи ее, подкрѣпи! не оставь своими милостями... Боже, Боже! сжалься надъ ней... спаси ее! Не попусти ее до ихъ когтей... Спаситель! я во прахѣ предъ Тобою... сохрани мою сироту!.. заступись...

— Спаси ее, спаси ее! все повторяла старушка, ложась въ постель.

Разговоръ Кати съ Безумовымъ произвелъ на нее глубокое впечатлѣніе. Что мнѣ дѣлать? что дѣлать? думала бѣдная артистка. Неужели-же слова моихъ

подругъ справедливы? Неужели спасенія нѣтъ! Одинъ исходъ, говорятъ онѣ!.. Неправда, неправда! И Катя старалась отогнать неотвязчивыя мысли, которыя какъ пчелы жужжали ей въ уши.

«Хорошо жить въ холѣ, да въ нѣгѣ! шепталъ ей какой-то голосъ. Въ каретахъ, на рысакахъ будешь ѣздить! Оглянись кругомъ: бѣдно! очень бѣдно! А то заживешь въ квартирѣ съ зеркалами, бронзами..»

Катя оглянула свою комнату.

«Дѣйствительно бѣдно! подумала она. Но нѣтъ, никогда! никогда! лучше смерть, чѣмъ позоръ» и она закрыла свое лице обѣими руками и горько заплакала...

Цѣлую ночь, длинную, безсонную, страшную ночь провела Катя въ рыданіяхъ. Ей все казалось, что кто-то стучится въ ея дверь. Она долго ходила взадъ и впередъ по комнатѣ, не будучи въ состояніи успокоиться.

Наконецъ молодость взяла свое. Она тяжело опустилась въ кресло и глаза ея невольно сомкнулись; но сонъ былъ до крайности тревожный.

Сны, одинъ другаго страшнѣе, смѣнялись, какъ въ калейдоскопѣ. Ей снилось мирное, тихое домашнее убѣжище; ее радовала улыбка матери, преданной и кроткой; всюду, куда ни появлялась она, ее встрѣчали привѣтъ и почетъ... Но вдругъ эта свѣтлая картина изчезла. Ее смѣнили совсѣмъ другіе

образы... Она видѣла себя женщиной ослѣпительной красоты; всѣ падали ницъ передъ нею. Она сама начинала вѣрить въ счастіе. Но когда вдругъ она появилась на сценѣ, въ легкомъ платьѣ, величавая какъ царица, воздушная, какъ тѣнь... всѣ подруги съ презрѣніемъ оглядывали ее съ головы до ногъ!.. Кто изъ насъ правъ?.. повторяли онѣ. Проходя чрезъ толпу, до ея слуха отовсюду доходилъ шопотъ клеветы, порицанія... Она же гордо проходила мимо... садилась въ карету, но и на устахъ кучера замѣтна была презрительная улыбка... Завтра же его не будетъ, думала она. И мало по малу, воображеніе перенесло ее на шумное пиршество: ей слышались веселые пѣсни и клики; передъ ней на роскошноубранномъ столѣ, въ блескѣ серебра и золота, появлялись самыя изысканныя кушанья; она видѣла, какъ какой-то статный мущина держалъ въ рукахъ дорогой, свѣтлый хрусталь съ пѣнящимся виномъ и шепталъ ей на ухо слова любви, предлагая къ ея ногамъ всѣ блаженства міра... Но вдругъ роскошныя палаты изчезли... она увидала себя въ рубищѣ на голыхъ камняхъ, на нее падали крупныя капли холоднаго дождя... она была одинока, никто въ мірѣ незаботился о ея участи; она была всѣми забыта... всѣ проходящіе отворачивались отъ нея... вокругъ же кружился рой призраковъ, среди коихъ она узнала свою мать, но и та отвернулась и не желала подать ей руки, приговаривая, съ адскимъ смѣхомъ

на устахъ: отойди... отойди... будь проклята... будь проклята...

Тутъ Катя громко вскрикнула, собрала весь остатокъ своихъ силъ и проснулась... Она съ ужасомъ оглядѣла свою комнату и долго еще не могла убѣдиться, что все видѣнное ею былъ сонъ.

«Ужели же, спасенія нѣтъ? думала она. Нѣтъ, никогда, никогда! она проклянетъ!.. ни за что на свѣтѣ...

Она еще разъ оглянулась кругомъ... Сквозь запушившіяся снѣгомъ окна алѣла зимняя утренняя заря... розовымъ сіяніемъ была озарена вся маленькая комнатка... на столѣ стояла въ рамкѣ небольшая фотографическая карточка матери, а въ углу теплилась лампада передъ иконой...

— Все мое со мною!... Я здѣсь у мамы...

Услыхавши крикъ дочери, Прасковья Ивановна, уже давно хлопотавшая на кухнѣ, вошла къ Катѣ. Она осмотрѣлась: постель не была смята. Все было въ томъ-же точно состояніи, какъ наканунѣ...

Старушка успокоила по возможности свою дочь, разсказавшую ей видѣнный сонъ...

Съ этихъ поръ, добрая Прасковья Ивановна почти не отходила отъ дочери. Она не спускала съ нее глазъ. Всюду ѣздила она съ Катей: и на репетиціи, и въ театръ, и въ школу. Никогда Катя не оставалась одна.

Постоянныя-же отлучки изъ дому отразились весьма неблагопріятно на домашнемъ хозяйствѣ Прасковьи Ивановны. Швейное заведеніе ее приходило въ полное разстройство; всѣ заказы исполнялись неакуратно, такъ что вскорѣ она совсѣмъ лишилась практики и вынуждена была снять вывѣску, закрыть магазинъ и переѣхать на еще меньшую квартиру.

Въ теченіи первой зимы, по вступленіи Кати на сцену, она получила отъ публики, какъ обыкновенно заявляется въ газетахъ, пропасть букетовъ и подарковъ. Публика-же въ этихъ подаркахъ принимала, конечно, очень мало участія. Нѣсколько ухаживателей складывались между собою и подносили любимой ими артисткѣ подарокъ. На долю самаго главнаго ухаживателя падала, разумѣется, большая затрата денегъ... впрочемъ, тому, какъ составляются подписки такого рода, будетъ посвящена особая глава.

Различныя безграмотныя записки со всевозможными соблазнительными предложеніями сыпались на Катю со всѣхъ сторонъ. Но она не обращала вниманія ни на кого. Безумовъ вздумалъ было еще разъ заикнуться о рысакахъ и каретахъ, но презрительный взглядъ, брошенный на него, если не заставилъ его покраснѣть (онъ краснѣлъ только отъ попоекъ), то тотчасъ-же замолчать...

За это время, Катя уже знала въ лице всѣхъ балетныхъ посѣтителей. Чрезъ посредство своихъ

уже *пристроившихся* сослуживицъ, о на была имъ всѣмъ представлена на театральномъ подъѣздѣ, послѣ окончанія спектакля.

Этотъ подъѣздъ по истинѣ можетъ быть названъ историческимъ. Начало всѣхъ амуровъ съ балетными происходитъ здѣсь. Достаточно только одинъ разъ присутствовать при разъѣздѣ артистокъ и о интимной жизни каждой изъ нихъ можно себѣ составить почти вѣрное понятіе.

ГЛАВА V.

На подъѣздѣ.

Занавѣсъ опустилась. Въ то время, какъ нѣсколько самыхъ ярыхъ балетомановъ группою столпились около барьера у оркестра и вызывали балерину, когда ламповщики приступали къ тушенію люстры, другіе балетные хлыщи, толкая другъ друга, спѣшили къ такъ называемому *театральному* подъѣзду...

Въ зрительной залѣ оставались послѣдними Банкометовъ, не перестававшій размахивать руками, какъ вѣеромъ, и Лопуховъ, глубокомысленно считавшій количество сдѣланныхъ вызововъ...

— Въ нынѣшній вечеръ двадцать одинъ, проговорилъ Лопуховъ, оглядываясь кругомъ и самодовольно

улыбаясь. Пора и мнѣ на мѣсто!.. Кажется достаточно!.. должна быть довольна... ужь могу сказать, постарались!...

И Лопуховъ, въ сопровожденіи своихъ не менѣе умныхъ и вѣрныхъ клевретовъ—разорявшагося на русскій драматическій театръ Бергеля и уже разорившагося на французскій театръ Моисеева—направились къ выходу, поспѣшая на театральный подъѣздъ.

Тутъ происходило настоящее столпотвореніе вавилонское. Съ правой стороны отъ входа, густою толпою, стояла публика, и штатская и военная. Тутъ присутствовала, покуривая папиросы, вся балетная тля: это были или ухаживатели, желавшіе перекинуться словцомъ съ своимъ кумиромъ, или счастливцы, поджидавшіе своихъ фей, незадолго передъ тѣмъ снявшихъ театральныя крылья, чтобы заняться болѣе земнымъ, или же, наконецъ, *хлыщи кровные*, еще не осчастливленные, но уже распускавшіе слухъ о своихъ побѣдахъ, конечно мнимыхъ...

Наконецъ дверь театральнаго подъѣзда отворилась.

Прежде всего показался густой паръ, а вслѣдъ за нимъ, какъ въ туманѣ, массою, повалила орда матросовъ, солдатъ, исполнявшихъ въ балетѣ роли рыцарей, чертей, народъ и проч. Они пробирались

большею частью молча, въ перемѣжку съ плотниками, машинистами, музыкантами и другими служащими при театрѣ, возвращавшимися домой.

Преобладающій діалектъ между музыкантами былъ нѣмецкій,—только и слышно было:

— Adieu, Sturm!

— Auf wiedersehen, Treifert!

— Wohin, Franz?

— Auf die Perspective!

— Das war colossal!

— Reizend!

— In № 5! In die Bierhalle... Adieu!...

Нельзя при этомъ не замѣтить, что балетный оркестръ есть чуть-ли не единственное у насъ общественное учрежденіе, гдѣ подчиненные большею частью нѣмцы, а глава ихъ, машущій капельмейстерскимъ жезломъ, чисто русскій съ окончаніемъ фамиліи на «*овъ*».

— Посторонитесь, господа кавалеры! поспѣшно пробираясь и расталкивая толпу, прокричалъ историческій капельдинеръ Игнатій. Э, да что это полиція ничего не смотритъ! Не разорваться-же одному!.. Да посторонитесь-же! сурово прокричалъ онъ.

— Карету его—ства! Подавай!.. живо!..

И къ подъѣзду подкатила щегольская карета, запряженная парою сытыхъ бѣлыхъ коней.

Толпа театральныхъ, стоявшихъ у подъѣзда, разступилась. Всѣ разговоры притихли; не унимался только одинъ Банкометовъ, распоряжавшійся какъ у себя дома.

Не говоря никому ни слова, въ карету поспѣшно сѣлъ его—ство, закутанный въ теплую шинель съ бобровымъ воротникомъ; лица его не было видно; высокая шляпа была надвинута на брови; изъ подъ воротника блестѣли только очки и виднѣлись приличныхъ размѣровъ уши; казалось что уши эти, вопреки законамъ природы, были одарены способностью двигаться по произволу. Его—ство сопровождало другое—ство, неизмѣнно-вѣрный и постоянный его Санхо-Панчо; хотя послѣдній и былъ выше рангомъ перваго, но онъ считалъ долгомъ преклоняться предъ своимъ Донъ-Кихотомъ.

Послѣдовала маниловсвая тонкость въ обращеніи: кому первому сѣсть въ экипажъ? Наконецъ, дѣло уладилось къ общему удовольствію и карета тронулась.

Вслѣдъ за отъѣздомъ ихъ—ствъ, запряженная четвернею къ подъѣзду подтащилась огромная крытая линейка. Въ этотъ единственный въ своемъ родѣ экипажъ, въ которыхъ по Петербургу развозятъ, только придворныхъ пѣвчихъ и театральныхъ воспитанниковъ и воспитанницъ, Игнатій поочередно на-

чалъ съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ проталкивать юныхъ жрицъ Терпсихоры, одѣтыхъ въ зеленые салопы, сѣрые безобразные капоры и голубые шерстяные платки. Самая послѣдняя въ линейку влѣзла классная дама, считая по пальцамъ всѣ-ли воспитанницы находились на лицо.

— Всѣ-ли вы тутъ? строго обратилась она къ дѣвочкамъ.

— Всѣ, мадамъ, всѣ! Катя, Оля, вы здѣсь?— Здѣсь! А Маня тутъ?—Всѣ..

— Трогай! съ Богомъ! проговорилъ Игнатій.

Два полицейскихъ, стоявшіе у дверцы экипажа все время, пока усаживались воспитанницы, неизвѣстно для чего приложили руку къ козырьку и отошли. Четверня тронулась...

— Голубушки вы мои! во все горло кричалъ Банкометовъ, не отходившій отъ линейки. Вотъ красота-то будетъ! Настоящій архангелъ Гавріилъ! Ужъ какъ я вамъ жарилъ! Красавицы вы мои!.. Да что вы боитесь кланяться! голубушки!.. Короткоручки или Сигизмундовны боитесь?..

— Что съ тобою? Умѣрь свои восторги! усовѣщевалъ его стоявшій тутъ же у подъѣзда Толстяковъ, поправляя поднятый мѣховой воротникъ. Перестань, пожалуй, баба еще услышитъ тебя!..

— Плевать мнѣ на короткоручку; мы съ Сигиз-

мундовной еще не такіе виды видали, продолжалъ горячившійся Банкометовъ. Что она прежде была? у кого служила? Знаемъ мы... чортъ ее побери... Рукомойники подавала...

— То было, дружище, прежде, а теперь прошло и быльемъ заросло!.. отвѣтилъ Толстяковъ, хотя и носившій тучную фамилію, но далеко не оправдывавшій своего названія: онъ былъ худъ, какъ спица, и желтъ, какъ лимонъ. Прежнія бури и житейскія невзгоды сильно отразились на всей его физіономіи...

Линейка тронулась небольшой рысцей. Вслѣдъ за нею на борзыхъ коняхъ и на нанятыхъ лихачахъ отправилось нѣсколько человѣкъ ухаживателей; во главѣ поѣзда летѣлъ одинъ изъ служителей Марса. Ему *отвѣчала* одна изъ воспитанницъ, Даша Носова.

Нѣсколько разъ балетоманы обгоняли линейку и снова возвращались, проѣзжая мимо, чтобы быть замѣченными своими кумирами.

— Нужно же ухаживать за кѣмъ нибудь! думалъ молодой поручикъ. Авось будетъ прокъ!.. Такъ же жить безъ привязанности скучно. А то, сначала нравилась мнѣ Рыбкина, но на меня вниманія никакого не обращала; полюбился ей Тигровъ. Ну и шабашъ!.. пріятелю не хочу стать поперегъ дороги. Теперь за Носовой! Пошелъ... обгоняй... рубль на водку...

Наша же Катя съ своей матерью вышла также на подъѣздъ, скромно дожидая очереди и подачи театральной кареты.

— Линію! воспитанники, пожалуйте! распоряжался Игнатій. Разъ, два... тринадцать! Довольно! остальныхъ въ карету!..

— Посторонитесь же, вамъ говорятъ? съ сердцемъ прошипѣлъ все тотъ же Игнатій, ставя посереди входной двери огромную корзину съ гардеробомъ танцовщицы Орловой.

— Ты бы, Игнатій, убралъ эту корзину; она мѣшаетъ намъ проходить! пищали артистки на разные голоса.

— Можете обойти! чай на театрѣ еще не такъ прыгали, скалилъ зубы Игнатій, не трогаясь съ мѣста.

— Помилуйте, дѣвицы, это просто срамъ! каждый день та-же исторія съ этой противной корзиной...

— Да успокойтесь, уберу!... Карету госпожи Орловой.

Подкатила великолѣпная карета. Въ нее была уставлена корзина и усѣлась *воздушная* Орлова, отличавшаяся на сценѣ своимъ *баллономъ*. Снявши трико и тарлатанъ, она спѣшила домой, чтобы обнять своихъ чадъ, изъ которой старшей дочери было уже едва-ли не семнадцать лѣтъ...

— Это Орлова садится въ карету! говорили между собою хлыщи. Хотя бы рысаковъ перемѣнила! а то давитъ народъ на улицѣ! Положимъ, на сценѣ съ

ея элеваціей летать можно, а на улицѣ—это летаніе не совсѣмъ-то удобно!..

Впрочемъ все это говорилось въ тихомолку и каждый изъ хлыщей спѣшилъ отвѣсить низкій поклонъ отъѣзжавшей Орловой.

Въ это время своимъ чередомъ продолжались разговоры у подъѣзда:

— Позвольте мнѣ хоть рубликъ опохмѣлиться!.. за ваше здравіе сбѣгаю въ Нордъ, говорилъ Безумовъ, обращаясь къ одному изъ поджидавшихъ свою дульцинею.

— Вы и безъ того пьяны! Вчера далъ вамъ рубль... У васъ даже валится что-то изъ кармана, послѣдовалъ отвѣтъ.

— Это ничего-съ! Бенефисные билеты нашего перваго артиста Деревяшкина... завтра развезу по принадлежности... а рубликъ не откажите...

— Нѣтъ, нѣтъ!.. довольно съ васъ, а то еще разъ свалитесь въ оперѣ, какъ вчера, когда шутовъ и скомороховъ изображали...

— Вчера, правда, я былъ до безчувствія... все чертиковъ съ носа сгонялъ... Нынче же, въ своемъ видѣ... и начальство, дай Богъ ему здоровья, на тотъ разъ помиловало...

Вышла Дульцинея, ей подали руку, подсадили въ карету и счастливая парочка отправилась дѣлить часы любви...

А Катя все ждетъ очереди...

— Карету Мардиной! прокричалъ Игнатій.

Хлыщи засуетились и въ перегонку бросились подсаживать всѣми любимую и уважаемую красавицу-артистку Любушку.

— Вонъ твоя командирша... Андреевна вышла! Смѣлѣе же, подходи! говорилъ безусый Бушевъ своему другу, юнкеру Юстиніанову.

— Нѣтъ, братъ, довольно! шутъ съ ней совсѣмъ!

— Что такъ? или ты отъ нее отчалилъ?

— Еще бы не отчалить! За нее три дня на конюшнѣ продежурилъ! До сихъ поръ еще помню. Нашъ вѣдь больно ревнивъ! Одинъ только театральный безногій ее провожаетъ... съ нимъ, говоритъ, неопасно!..

— Ну, да и чортъ съ ней!.. За другой, братъ!..

— Идетъ, идетъ! шопотомъ проговорилъ отличавшійся своею геркулесевскою силою Тигровъ, и отправился по тротуару, пробираясь черезъ толпу.

Покрытая непроницаемымъ вуалемъ, мимо него прошла миніатюрная Рыбкина. Тигровъ взялъ ее за руку, сѣлъ съ ней на извощика и влюбленные отправились...

Счастливый, право, этотъ Тигровъ! говорили хлыщи. Другой, подобной Рыбкиной, во всемъ балетѣ не

найдешь? Олицетвореніе скромности!.. Сейчасъ бы на ней жениться можно!.. Эта не измѣнитъ!..

Странно было слышать подобныя слова, исходившія изъ устъ хлыщей. Впрочемъ, по всей справедливости, слѣдуетъ замѣтить, что Рыбкина вполнѣ заслуженно пользовалась репутаціей симпатичной артистки и, кромѣ того, безукоризненной въ семейной жизни дѣвушки...

— Славная! чудная дѣвушка!.. говорили ей вслѣдъ хлыщи...

«Счастливецъ Тигровъ!.. думалъ про себя юный Катинъ.—Люблю ее безъ памяти!.. а она, на меня, и не смотритъ!..»

Въ это время изъ дверей поспѣшно вышла танцовщица, одѣтая въ черную мантилью. Стоявшій на подъѣздѣ юноша Уланчиковъ схватилъ ее за талію.

— Ну, ѣдемъ, скорѣе!..обратился совсѣмъ пьяный юноша.

— Что вамъ угодно!.. оставьте меня, послѣдовалъ отвѣтъ сконфуженной артистки.

— Ахъ чортъ побери! не ту обхватилъ, ошибся, у моей такая же мантилія!..

И вмѣсто извиненія, пьяненькій юноша шмыгнулъ въ толпу.

— Чортъ побери этотъ проклятый балетъ, гово-

рилъ проталкиваясь артистъ Комиковъ. Двадцатый разъ къ ряду даютъ. Очень весело, нечего сказать!

— Да что ты такъ озлобился? спрашивалъ его Левушка.

— Да помилуй, братецъ, вѣдь я въ немъ не участвую; лишенъ десяти рублей разовыхъ, а за все время, вѣдь это двѣсти рублей, на полу не поднимешь!..

— А самъ виноватъ! примазался бы какъ нибудь! Вонъ Алешка, тотъ все не былъ занятъ въ этомъ балетѣ? Ортачился! А теперь самъ себя *занялъ*, да на двухъ театрахъ въ одинъ вечеръ...

— То, братъ, Алешка! Ему бабушка, или лучше дѣдушка ворожитъ! Пойдемте ребята въ Ярославецъ! Тамъ потолкуемъ!..

— Ѣдемъ!..

— Ѳедоръ! твоя очередь, прокричалъ Игнатій. Подавай! Мамзель Куслова, Иванова 25-я, Рябинина, пожалуйте...

— А когда насъ отправятъ? пищали разные голоса.

— А вамъ куда?

— Въ Семеновскій полкъ.

— Послѣднія! рѣшительно проговорилъ Игнатій. Прежде Измайловцевъ надо отправить! Да, слышь

Өедоръ! Развезешь, ворочайся живѣй... Оборотъ сдѣлай...

— Ладно!.. и карета зеленаго цвѣта, съ лирой вмѣсто герба, тронулась...

— Мы, Семеновскія, самыя несчастныя, вѣчно послѣднія!..

— Чѣмъ дожидаться вамъ, обратился Душиковъ къ одной изъ кордебалетныхъ, вы бы на извощикѣ отправились, а то холодно дожидаться!..

— Ишь, вы ловкіе какіе! отвѣтила бойкая балетная. Небось, деньги платить надо! а гдѣ ихъ возмешь?..

— Позвольте, я васъ подвезу, подхватилъ хлыщъ Толстяковъ.

— Ну поѣдемте, пожалуй; только до воротъ моего дома, а дальше не поѣду...

— Садитесь! пожалуйте! и не торговавшись Толстяковъ сѣлъ въ извощичьи сани съ *балетною* и парочка покатила до *воротъ*.

— Подождите меня, господа, я сейчасъ возвращусь, кричалъ онъ изъ саней своимъ компаніонамъ...

— Ступай ужъ! ступай!.. подождемъ!.

— Вотъ служба-то! стой, да мерзни! дожидайся, пока выйдетъ! хоть въ пору расходиться! говорилъ сквозь зубы молодой купчикъ Чернорѣченскій, извѣстный въ балетномъ мірѣ, подъ именемъ Бабашки.

— Да ворчи! поѣдемъ!.. пентюхъ ты этакой!.. приговаривала вышедшая кордебалетная Измѣнщикова, взявшая подъ руку неотесанную Бабашку...

— Ужинать заѣдемъ, Апполоновна!.. мнѣ нынче смерть какъ набрызгаться охота!..

— А кто будетъ?.. Чай, на чужой счетъ напьешься

— Всѣ наши будутъ! нынче раскошелюсь!

— Ну, поѣдемъ! чурбанъ!..

Бабашка съ кордебалетною уѣхали.

— Что это моя страсть долго не выходитъ? — обратился къ Черномазенькому, сынъ бывшаго откупщика, Лососиновъ.

— Что врешь-то? какая у тебя страсть, mon cher!

— Страдаю до сихъ поръ по Мотинькѣ!..

— Вѣдь наклеила тебѣ носъ! чего же больше добиваешься? Tu veux recevoir des giffles de Рукавицынъ...

— А ты что здѣсь толчешься, Малюта! Вѣдь воспитанницы уже уѣхали?

— Нынче не провожалъ, отвѣчалъ храбрый на словахъ дуэлистъ Малюта Скуратовъ. Она больна! въ театрѣ не была!..

— Да у нее отецъ и мать престрогіе! тутъ не пообѣдаешь! лучше отвяжись, усовѣщевалъ его Черномазенькій.

Прислонившись къ стѣнкѣ, Катя все стояла у подъѣзда рядомъ съ матерью. Онѣ дожидались очереди.

Никто изъ балетной тли, при видѣ аргуса, въ образѣ старухи матери, не рѣшался подойти къ Катѣ.

— Да что вы, князь, боитесь подойти къ этой недотрогѣ, обратился Банкометовъ къ князю Тобольскому.

— При старухѣ неловко! отвѣтилъ Тобольскій. Въ немъ еще не совсѣмъ заглохло чувство стыда и скромности.

— Вы съ ней, никакъ, еще не знакомы? Экіе вы право!.. Я просто не могу этого видѣть! Все нутро воротитъ!.. Сейчасъ же васъ представлю!..

— Рѣчь шла о Катѣ. Банкометовъ взялъ князя за руку и почти насильно подвелъ его къ юной артисткѣ.

— Прасковьѣ Ивановнѣ, Катеринѣ Андреевнѣ, глубочайшее почтеніе! обратился къ нимъ Банкометовъ. Ужъ какая дочька ваша красота! Восторгъ просто!.. порхаетъ!.. Вы кажется незнакомы съ княземъ Тобольскимъ!..

Недожидаясь отвѣта, Банкометовъ продолжалъ тараторить:

— Позвольте представить! мой истинный другъ! самый старинный изъ балетныхъ! Бинокля съ васъ не сводитъ! Однѣхъ васъ только и поддерживаетъ! Красота вы моя...

Катя покраснѣла до ушей. Она конфузилась все

болѣе и болѣе, не будучи въ состояніи прибрать двухъ словъ, чтобы отвѣтить на привѣтствіе.

Тобольскій, въ свою очередь, также оторопѣлъ и только успѣлъ снять свою соболью шапку.

— Извините!..мы васъ совсѣмъ не знаемъ, князь! едва проговорила Прасковья Ивановна, не ожидавшая этого приступа. Между тѣмъ, въ лице, она давно уже его знала и весь балетный мірокъ, большой охотникъ до сплетень, уже громко прокричалъ, что князь пріударяетъ за Катей.

— А чтобы вы князя знали, позвольте съ нимъ пріѣхать къ вамъ лично представиться, не унимался Банкометовъ.

— Извините-съ!.. мы живемъ бѣдно!.. въ одной комнатѣ. Гдѣ намъ князей да графовъ принимат?ь..

— Э, пустяки! заживемъ богато! Непремѣнно пріѣдемъ!

— Теперь, князь, шопотомъ проговорилъ Банкометовъ, чуръ не дремать! будемъ ковать желѣзо, пока горячо!..

Къ подъѣзду лихо подкатила тройка маленькихъ клеперовъ, запряженныхъ въ небольшія саночки.

— Г-жа Бррр!.. пожалуйте! подано! закричалъ Игнатій.

Одѣтая въ бархатный на собольемъ мѣху салопъ, въ санки сѣла танцовщица, которую Игнатій назвалъ Бррр!.. Ее подсадилъ состоящій при ней для порученій, ея неизмѣнный Черномазенькій.

Лихая троечка повернула на Большую Морскую и скрылась изъ виду...

— Славныя лошадки! подумала Катя; вотъ бы прокатиться! А шуба-то на ней должно быть теплая и какая красивая!

Первый шагъ былъ сдѣланъ. Знакомство съ княземъ Тобольскимъ началось!..

Въ это время раздалось какое то мычаніе.

— Ммм! гмъ, гмъ!.. шипѣлъ среднихъ лѣтъ мущина, толкая въ бокъ одну изъ кордебалетныхъ, передавая ей свою фотографическую карточку...

— Въ слѣдующій разъ привезу! привезу...теперь забыла! знаками объяснялась кордебалетная.

Этотъ глухонѣмой не пропускалъ ни одного балетнаго представленія, жилъ онъ и лѣтомъ и зимой въ Лѣсномъ Корпусѣ и пѣшкомъ ходилъ въ театръ, заранѣе запасаясь билетомъ въ галлерею. Всѣ балетные его знали и съ удовольствіемъ давали свои портреты, которые глухонѣмой берегъ, какъ святыню; страсть его къ балету была такъ сильна, что онъ даже обращался съ прошеніемъ о принятіи его въ фигуранты... но просьба его была отвергнута...

Наконецъ и Катя дождалась своей очереди. Въ числѣ другихъ *Семеновцевъ*, ее съ матерью посадили въ театральный рыдванъ, который тихою рысцею отправился развозить балетныхъ артистокъ.

У подъѣзда оставалась одна только карета; толпа

же хлыщей не уменьшалась: ожидали выхода балерины, которая обыкновенно уѣзжала изъ театра послѣднею.

Сажаніе и подсаживаніе въ карету первой танцовщицы имѣетъ видъ тріумфальнаго шествія. Ее сопровождали человѣкъ двадцать поклонниковъ ея таланта; впереди всѣхъ съ букетами въ рукахъ шелъ, разумѣется, Банкометовъ; далѣе самодовольно пробирался Лопуховъ, держа въ рукахъ огромную корзинку съ цвѣтами и лентами.

— Permettez-moi de vous presenter, un des plus grands admirateurs de votre talent, говорилъ Лопуховъ, подводя къ балеринѣ Бергеля.

Представленіе новаго знакомаго всегда формулируется этимъ выраженіемъ, гдѣ талантъ — на первомъ планѣ.

— Echantée! отвѣчала балерина.

— Vous avez eté ravissante ce soir!..

— Trop indulgent, monsier! j'espère, que vous viendrez me voir, un jour!..

— Ne manquerai pas!..

И балерина, раскланиваясь и граціозно улыбаясь направо и налѣво, вспорхнула въ карету, наполненную цвѣтами.

— Пошелъ! закричалъ Игнатій.

— Ну, уѣхала, проговорили хлыщи; сдѣлали свое дѣло! ты куда? Банкометовъ!

— Я къ ней, чай пить! Звала!

— Счастливый!.. А мы къ Дюссо! Заѣзжай!..

— Ладно!..

— А ты куда, Толстяковъ? спросилъ его рецензентъ Душиковъ.

— Въ Малый Ярославецъ! Поѣдемъ.. Намъ Павелъ Гурьяновичъ уху стерляжью богатѣйшую приготовитъ!.. Пропустимъ бутылочку...

— На полчаса? небольше! т. е. до шести утра.

И какъ рой шмелей, оставшихся безъ матки, хлыщи разсыпались въ разныя стороны доканчивать leur soirée.

ГЛАВА VI.

Виновата-ли танцовщица?

Если земля есть мѣсто юдоли и страданій, то театръ, а въ особенности балетъ, есть такого рода уголокъ, гдѣ испытанія превосходятъ всякую мѣру терпѣнія. Наша тихая подруга жизни, это слабое твореніе Божье, подвергается въ этомъ очарованномъ (съ виду) кругѣ всевозможнымъ физическимъ и нравственнымъ истязаніямъ. Вытерпѣть эти танталовскія муки не всякая въ состояніи... Много силы воли, много доброй, нравственной закваски должна имѣть танцовщица, чтобы устоять отъ окружающаго ее соблазна. Рѣдкая изъ нихъ не ослабѣетъ, идя по этому скользкому и тернистому пути испытаній...

Балетъ—это винтовая лѣстница безъ начала и безъ конца, окруженная мракомъ и вѣчнымъ хаосомъ. Ступивши на новую ступень, каждая изъ танцовщицъ думаетъ, что эта ступень послѣдняя, что вотъ, вотъ... близко... и она достигнетъ мѣста злачнаго, удобнаго для отдыха и душевнаго спокойствія. Но тутъ-то именно она горько и ошибается... Съ каждымъ новымъ шагомъ она все болѣе углубляется въ бездну, ежеминутно встрѣчая новыя преграды и наконецъ, въ мракѣ ночи, стремглавъ летитъ въ бездную, широкую пропасть... Разумъ и разсужденія не имѣютъ болѣе мѣста... они отодвинуты на задній планъ, уступивши широкую, торную дорогу другимъ побужденіямъ...

Рѣдкій изъ читателей посвященъ въ таинства балетной *науки*; потому не всякому извѣстно, сколько терпѣнія, покорности и неусыпныхъ трудовъ нужно молодой дѣвушкѣ, сколько адскихъ мученій должна она перенесть, сколько горькихъ слезъ должна она пролить, чтобы сдѣлаться хотя *посредственной* танцовщицей, способной *исправлять должность солистки*, съ приличнымъ жалованьемъ...

Ежедневныя терзанія танцовщицы начинаются съ поступленія ея въ школу, т. е. съ семи или восьмилѣтняго возраста. Маленькое, бѣдное существо назначается къ театральному и танцовальному поприщу не по любви къ искусству, не по призванію, а потому, что больше некуда родителямъ сбыть его

съ рукъ. Хотя пытка давно уже изгнана закономъ изъ Россіи, но она нашла себѣ пріютъ въ Театральномъ училищѣ, гдѣ и царитъ до сихъ поръ въ полномъ своемъ блескѣ... Съ перваго-же дня начинаютъ это созданьице мучить и ломать, т. е. обучать хореграфіи.

Прежде всего учитель танцованія приступаетъ къ обученію страдалицы хореграфической *геометріи*. Какъ это ни странно, а между тѣмъ совершенно вѣрно!.. Приставивъ пятки къ пяткамъ, съ мучительною болью, учитель пріучаетъ дѣвочку держать ноги въ горизонтальномъ положеніи. Достигнувши этой цѣли, начинается переходъ къ пыткѣ другаго рода. Нога ребенка приставляется къ палкѣ, упертой въ наклонномъ положеніи въ полъ, чтобы пріучить будущую танцовщицу давать ногамъ почти перпендикулярное положеніе... Развѣ это не *геометрія*?

Послѣ этихъ двухъ пытокъ и ломки ногъ, начинаютъ обучать слѣдующимъ *познаніямъ*: assembles, jetés, balancés, fouettés, cabrioles, пируэтамъ и антраша различныхъ размѣровъ и высотъ. Вотъ и весь академическій курсъ искусства танцованія... Смотря по физическимъ способностямъ и сложенію ногъ, учитель танцевъ дѣлитъ юныхъ воспитанницъ на разряды, обращая вниманіе на развитіе въ нихъ тѣхъ достоинствъ, которыми онѣ въ послѣдствіи могутъ блеснуть... И въ искусствѣ танцованія есть два разряда: ballonné и tacqueté. Balloné —это школа

знаменитой Тальони: воздушность, легкость, соединенныя съ граціей и мягкостью, полеты и роскошныя, полныя нѣги, округленныя движенія. Tacqueté— школа не менѣе знаменитыхъ Фанни Эльслеръ и Феррарисъ: живость, быстрота, прыжки, мелкія па и сладострастныя, пламенныя, пылкія движенія...

Каждая изъ начинающихъ танцовщицъ, желающая развить въ себѣ качества школы Тальони, придумываетъ себѣ разнаго рода муки, совершенно отличныя отъ тѣхъ, которымъ подвергаютъ себя послѣдовательницы другой школы.

Разсказываютъ, что Тальони, послѣ ежедневнаго урока, который давалъ ей ея отецъ, часто безъ чувствъ падала на полъ; ее раздѣвали, переодѣвали и она все еще не приходила въ себя. Получасовое вечернее торжество обходилось ей не дешево! Нѣкоторыя же танцовщицы, которымъ природа не дала тѣхъ средствъ, которыми обладала всемірная сильфида, выдумывали весьма оригинальныя пытки, чтобы стяжать себѣ славу. Разсказываютъ, что одна изъ бывшихъ знаменитостей Наталья Фицъ-Джемсъ, не отличавшаяся *баллономъ*, изобрѣла для себя новую методу пріучать ноги къ горизонтальному и перпендикулярному направленію въ одно время. Она ложилась на полъ, лицемъ внизъ, протягивала ноги горизонтально и потомъ приказывала горничной своей садиться на ея спину и въ такомъ положеніи оставалась нѣсколько минутъ, расправляя свои чле-

ны. Этимъ рядомъ ежедневныхъ добровольныхъ пытокъ танцовщица достигла своей цѣли: она пріобрѣла извѣстность...

Да не подумаетъ никто, что послѣ окончанія полнаго курса, танцовщицѣ остается только отдыхать или танцовать по вечерамъ въ балетахъ! Нѣтъ, никогда! Она отдыха не знаетъ! Всю жизнь свою, всю артистическую карьеру, она должна повторять первые уроки свои и упражняться ежедневно, если только хочетъ сохранить ловкость движеній и легкость. За нѣсколько дней отдыха, она должна будетъ поплатиться нѣсколькими мѣсяцами усиленнаго и постояннаго труда; иначе прежняя гибкость и воздушность будутъ на вѣкъ утрачены...

Утромъ репетиція, вечеромъ спектакль, а нѣтъ его, снова репетиція въ школѣ... вотъ вся жизнь танцовщицы! Наступитъ лѣто... опять отдыха нѣтъ! Тѣ-же батеманы въ танцклассѣ!..

Танцовщица — это театральный *вѣчный жидъ*, которому, съ утра до поздней ночи, только и твердятъ въ уши, вмѣсто: иди, иди!.. *пляши, пляши!*..

Счастлива та изъ юныхъ страдалицъ, если почему-либо учитель или иной изъ лицъ «*власть имѣющихъ*» обратитъ благосклонное на нее вниманіе; въ противномъ случаѣ она осуждена на вѣчныя лишенія, на вѣчное прозябаніе, то есть, въ кордебалетъ, къ *водѣ*... Сампатичная наружность, протекція и прочее производятъ ее въ корифейки; слѣдую-

щій чинъ—солистка и наконецъ высшая ступень хореграфической іерархіи—балерина.

Если одной изъ тысячи и удается достигнуть степеней извѣстныхъ и прославиться, то сколько несчастныхъ не выносятъ пытокъ, перестаютъ заниматься этимъ *умнымъ* искусствомъ и остаются во мракѣ, въ ничтожествѣ, лишь бы дотянуть до скудной пенсіи, въ четырнадцать съ полтиной въ мѣсяцъ. И рада бы другая заняться дѣломъ, пріучать себя къ труду, да нѣкогда! голова не въ силахъ работать, отъ физической усталости. И сколько погибло на этомъ скользкомъ поприщѣ юныхъ силъ, которыя могли бы съ пользою посвятить себя инаго рода служенію, иной дѣятельности...

При поступленіи и выходѣ изъ школы, сколько возлагается надеждъ на блестящую карьеру, громкую будущность... и сколько гибнетъ напрасно затраченныхъ силъ и сколько разбитыхъ надеждъ!.. Горе той, кто не красива лицемъ и не смазлива... исходу нѣтъ, остается преклониться передъ неумолимымъ рокомъ и влачить свои дни, въ лишеніяхъ, трудахъ и вѣчномъ недовольствѣ...

Молодая дѣвушка, посвящающая себя балету, подобна рекруту, поступившему въ службу и отправляющемуся на войну. Плохой солдатъ, кто не надѣется быть генераломъ... Какъ танцовщица, такъ и рекрутъ имѣютъ предъ собою блестящую карьеру, но увы!.. проходятъ годы и солдатъ возвращается

на родину къ старику отцу и старухѣ матери израненный, искалѣченный, и не генераломъ, а тѣмъ же солдатомъ, но только съ деревяшкой... Лѣтятъ тѣ же годы и танцовщица изъ своего театра возвращается на покой къ своимъ пенатамъ, больная духомъ и тѣломъ и не способная ни къ какой, не только умственной, но даже физической работѣ...

Лучшая пора жизни улетѣла въ ученіи танцамъ и ломкѣ ногъ. Много, много десятокъ лѣтъ покружится танцовщица въ вихрѣ жизни, въ интригахъ своего званія, въ соперничествѣ съ сослуживицами и все кончено. Другія, выпущенныя изъ школы, питомицы музъ вытѣсняютъ ее; новые поклонники свѣжихъ ножекъ и алыхъ губокъ уже кричатъ: она стара! она больше негодна!..

И послѣ этого, есть еще охотники, увѣряющіе что танцовщицы вѣтряны, непостоянны... и ставятъ это имъ въ укоръ... Жизнь ихъ также эфемерна, какъ жизнь виллисы въ Жизели, удовольствія ихъ также мимолетны, какъ коверъ самолетъ въ Золотой Рыбкѣ, блескъ же и живость также скоро линяютъ, какъ и всѣ балетныя декораціи... Пустите бѣдную бабочку, способную *только* летать, въ ярко-освѣщенную залу, что изъ нея будетъ? Понятно, она обожжется и погибнетъ!.. Не мудрено, что и танцовщица, эта театральная бабочка, въ своемъ блестящемъ, по наружности, мірѣ, будетъ бросаться отъ одного газоваго рожка къ другому и наконецъ

потеряетъ крылья, чтобъ окончить свою жизнь въ темномъ уголкѣ, забытая людьми и всѣми оставленная...

По мимо своей воли и героиня нашего разсказа, Катя, неминуемо должна была идти по той дорожкѣ, по какой слѣдовали ея сверстницы по школѣ... Она порхала по сценѣ и крылышки ея уже начинали касаться огня... Сидя дома, по возвращеніи изъ театра, она только штопала и зашивала танцовальные, розовые башмаки... тѣмъ и ограничивались всѣ ея занятія... При такомъ положеніи, невольно приходили ей въ голову разныя непрошенныя мысли...

Главный недостатокъ Кати—было нелѣпое и поверхностное ея воспитаніе, которое должно было отразиться во всей ея жизни. О самыхъ обыкновенныхъ предметахъ, она не имѣла никакихъ элементарныхъ и простыхъ свѣдѣній. Объясненіе отъ чего это могло происходить, хотя она и *произошла* полный курсъ наукъ, весьма затруднительно и завлекло бы насъ въ такія разсужденія, которыя, раздразнивъ *гусей*, были бы, сверхъ того, гласомъ вопіющаго въ пустынѣ.

Всѣ увѣрены, что система воспитанія нашихъ танцовщицъ самая лучшая и пригодная; тѣмъ лучше! И да благо имъ будетъ! Спите, спите, сномъ непробуднымъ!..

ГЛАВА VII.

Мать и сынъ.

Князь Тобольскій былъ богатъ. Хотя отецъ его давно уже умеръ, но состояніе родительское не было еще въ его рукахъ. Княгиня—мать была жива и завѣдывала всѣми имѣніями, не отказывая впрочемъ ни въ чемъ своему любимцу—сыну.

Зорко слѣдя за поведеніемъ Пьера, она смотрѣла сквозь пальцы на постоянныя его поѣздки въ театръ и позднія возвращенія домой.

— Послѣ многолѣтнихъ трудовъ и ученья, нужно же моему Пьеру побѣситься... пускай покутитъ... Только во время кутежей, люди узнаютъ другъ друга и сходятся... можно добиться связей. А что онъ, какъ говорятъ, ухаживаетъ за балетными... пустяки!.. пускай добивается... Это нынче въ модѣ; лишь бы не разорялся!.. А тамъ женю его, ну и броситъ старое!.. Ce sont des créatures, dont on ne parle pas...

Такъ говорила уже давно высохшая княгиня своей наперстницѣ, приживалкѣ, бывшей мелкопомѣстной дворянкѣ, проживавшей у нее на хлѣбахъ и считавшей обязанностью передавать все, что творилось не только въ богато убранныхъ княжескихъ палатахъ, но и все, что дѣялось внѣ дома.

— Правда, правда, ваше сіятельство!.. но нынче

порядки завелись новые; пожалуй, князь Петръ влюбится такъ, что послѣ и не отдѣлается... подведутъ такую машину... нарочно подведутъ...

— Ты, матушка, только глупости говоришь!..

— Какое глупости, княгинюшка!..Смѣю-ли я вамъ не то говорить, что слѣдуетъ? Вонъ у насъ въ губерніи, одна актерка также связалась (при этомъ приживалка плюнула), прости Господи! съ однимъ нашимъ-же столбовымъ дворяниномъ; а отецъ-то актерки и узналъ всю эту штуку, да и подвелъ махинацію, свидѣтелей представилъ... ну и заставили жениться...

— Все пустяки, матушка!.. вздоръ!..

— Правда, правда! Хоть перекреститься не грѣхъ!

— То, въ провинціи, а въ столицѣ, chez nous, à Petersbourg, совсѣмъ не то! Qu'est, ce que c'est, le ballet!... За тѣмъ онъ и устроенъ, чтобы наши дѣти могли пошалить..

— Правда!.. правда!.. Княгинюшка!.. вамъ лучше знать; коли такъ, дай Богъ молодому князю въ сласть шалить, да радоваться, вамъ въ утѣшенье..

— Вотъ, для примѣра, я тебѣ разскажу про одну танцорку, какъ ее звать не помню... ну, что была entretenue молодымъ княземъ Перекатовымъ!.. ты помнишь...

— Помню, ваше сіятельство, помню!.. еще фамилія, какъ бишь ее... на какую то фабрику похожа...

— Ну она самая! Князь лично мнѣ разсказывалъ, какъ онъ за ней ухаживалъ, на репетиціи бѣгалъ, черезъ оркестръ, переодѣтый прыгалъ, à mourir de rire! И что-же? теперь женился и бросилъ танцорку....

— Бросилъ, сущая правда!.. такъ и слѣдуетъ эту безнравственность...

— Ничуть и не жаль ее...

— Есть, правда, дураки, которые поженились на балетчицахъ, но за это Богъ ихъ и наказываетъ...

— Всякаго накажетъ княгинюшка! и по дѣломъ получитъ мзду... не на семъ, такъ на томъ свѣтѣ... Богъ виноватаго найдетъ...

— Нѣтъ, мой Пьеръ не таковъ, онъ не похожъ на другихъ... у него въ головѣ совсѣмъ не то...

Въ это время, въ комнату вошелъ князь Петръ. Онъ былъ грустенъ. Лице его было задумчиво.

Дѣйствительно княгиня была права; у сына ея въ головѣ было совсѣмъ не то, какъ выражалась старуха: голова его была набита не сѣномъ, какъ у большинства балетныхъ нюхателей. Онъ относился ко всякой женщинѣ съ глубокимъ уваженіемъ. Каждую артистку онъ уважалъ за то, что она собственнымъ трудомъ и притомъ весьма тяжелымъ трудомъ, въ потѣ лица, добывала себѣ насущное пропитаніе... Получивъ прочное университетское образованіе, князь Пьеръ не увлекался новѣйшими теоріями, но вмѣстѣ съ тѣмъ и не раздѣлялъ воззрѣній на

балетный мірокъ всей прочей балетной тли, воспитанной въ Готтентовскихъ правилахъ и получившихъ скиѳское направленіе...

— Après nous, le déluge!.. сдѣлали дѣло и по боку!.. je m'ene fiche!.. думаютъ Сарматы девятнадцатаго вѣка.

Но князь Пьеръ по своему честному отношенію къ жизни и ко всѣмъ ея проявленіямъ не могъ быть причисленъ къ стаѣ этихъ театральныхъ нюхателей. Каждое дѣйствіе свое, почти каждый шагъ свой онъ привыкъ анализировать и отдавать себѣ отчетъ во всемъ, что происходило вокругъ него, оцѣнивая по достоинству окружавшую его среду. Чувство чести и нравственнаго долга, въ истинномъ значеніи этого слова, были развиты въ его доброй натурѣ въ значительной степени. Одинъ недостатокъ его была слишкомъ большая воспріимчивость и впечатлительность, такъ что окружившая его сфера, *выжимокъ умной молодежи*, нѣсколько отражалась на его натурѣ.

Онъ стоялъ на перепутьѣ, какъ сказочный герой, передъ которымъ стелилось нѣсколько дорогъ... Пойдешь прямо!.. останешься честнымъ дѣятелемъ. Повернешь на лѣво! забьетъ и заморитъ тебя червякъ какой нибудь мелкой страстишки... Своротишь ты на право!.. окончательно втянетъ тебя грязь и болотная тина и будешь ты окруженъ разными болотными гадами и микроскопическими инфузоріями,

прелестными подъ стекломъ, каждая въ отдѣльности, но всѣ вмѣстѣ издающими смрадъ и зловоніе...

Князь Пьеръ вошелъ къ матери задумчивый. Въ рукахъ его дымилась ароматическая, гаванская сигара.

Онъ подошелъ къ ручкѣ старухи—княгини, которая протянула ее съ подобающимъ величіемъ.

— А, вотъ кстати! Nons causions de toi, mon chéri!

— Правда, правда, ваше сіятельство! только объ васъ и бесѣдовали, наше красное солнышко!..

Быстро проговоривши эту фразу, приживалка вскочила съ своего мѣста и подлетѣла къ князю, съ желаніемъ облобызать его руку.

— Не нужно! не нужно! сто разъ вамъ повторялъ... лишнее... цѣлуйте руки у поповъ, да монаховъ, а я не священникъ...

«Бѣдная» дворянка, какъ ужаленная, отскочила. Постой-же, я тебя еще разодолжу, подумала она.

— Ты опять съ своей сигарой, Пьеръ! пожалуйста брось! это такъ дѣйствуетъ на нервы; обратилась старуха—княгиня къ сыну.

— Правда, правда! ваше сіятельство! Еще вчера изволили просить не курить въ вашей анфиладѣ... балетъ видно отшибъ память у молодаго князя, шипѣла приживалка...

Князь Петръ взглянулъ на нее съ презрѣніемъ и съ досадой бросилъ сигару на полъ.

Приживалка быстро вскочила, подняла сигару, плюнула предварительно на пепелъ и кинула ее въ каминъ.

— Вотъ это ваше дѣло, окурки собирать, да хвостомъ вилять.

— Laisse en repos, cette pauvre femme!.. она тебѣ кромѣ добра ничего не желаетъ... Поговоримъ лучше о дѣлѣ!

— Только не нынче, maman! у меня голова болитъ и вообще я разстроенъ...

— Нѣтъ, дѣло совсѣмъ не серьезное! потому говорить можно. Знаешь-ли, мнѣ говорили, что мой charmant prince Pierre влюбленъ.

— Можетъ быть и влюбленъ.

— Какъ? можетъ быть! такъ стало быть это правда?

— Вѣроятно правда, коли вамъ передавали...

— Нѣтъ, ты шутишь!.. Ты давно бы самъ мнѣ это разсказалъ!.. я не вѣрю...

— Ну, такъ не всякому слуху вѣрьте...

— И знаешь въ кого, Пьеръ?.. вообрази, въ балетчицу...

При этомъ и княгиня и приживалка разразились громкимъ смѣхомъ.

— Une femme de ballet... ха! ха!ха! не правда-ли, смѣшно... и le monde en parle...

— Съ чѣмъ и поздравляю весь этотъ le monde.. А продолжать этого разговора я не намѣренъ...

Меня не поймете!.. И весь вашъ monde съ его теоріями и чванствомъ выѣденнаго яица не стоитъ.... Чихать я хочу на всѣ эти сплетни...

Проговоривши этотъ монологъ, князь Петръ приподнялъ портьеру и отправился на свою половину.

— Не правду ли я вамъ говорила, княгинюшка! снова зашипѣла приживалка. Князь вѣроятно что нибудь затѣялъ; у него недоброе на умѣ...

— Elle a raison! подумала княгиня. Да, нужно объ этомъ серьезно поразмыслить... Поѣду посовѣтоваться съ графомъ. Что онъ скажетъ? Прикажите запречь карету.

Оставшись одна, старуха задумалась. Рѣзкій отвѣтъ сына вызвалъ съ ея стороны нѣкоторыя опасенія. Она начала побаиваться, какъ бы Пьеръ дѣйствительно не поступилъ опрометчиво.

— Чего добраго? вѣдь эти балетныя, какъ говорятъ, такія бѣдовыя, сразу опутаютъ... а тамъ и раздѣлывайся.... Впрочемъ, быть не можетъ, въ его жилахъ течетъ дѣдовская кровь; онъ никогда не забудется.

Старуха-княгиня старалась себя утѣшить этимъ сильнымъ, въ ея глазахъ, аргументомъ; но она забывала, что кровь у всѣхъ людей совершенно сходна по химическому своему составу. Разницы никакой. Какъ князя, такъ и простолюдина обурѣваютъ тѣ же страсти. Нервы тоже устроены одинаковымъ образомъ у всей породы людской, по-

тому и раздражительность ихъ, какъ у сапожника, такъ и магната одинакова... Вся разница только въ томъ, что при неудовлетвореніи какой либо мелкой страстишки, богачь-магнатъ запиваетъ свое горе въ теплой, яркоосвѣщенной залѣ и въ пріятельской бесѣдѣ шипучимъ шампанскимъ «золотой головкой», а халатникъ тащитъ свой трудовой грошъ и съ горя тянетъ сивуху, пропивая подъ конецъ послѣдній халатъ, съ тѣмъ, чтобы окончательно итти въ кабалу къ нѣмцу-сапожнику.... и тогда одинъ исходъ: эхъ завей горе веревочкой! посторонись, говоритъ халатникъ, расшибу!.. Тутъ вполнѣ высказывается просторная русская натура, не измѣняющая своему молодечеству, въ какія бы неблагопріятныя она ни была поставлена условія. Въ двадцать пять градусовъ морозу разгуливаетъ халатникъ безъ шапки, съ открытой шеей, въ продыравленныхъ сапогахъ и все таки запѣваетъ свою обычную разухабистую пѣсенку...

Подобныя разсужденія не могли придти въ голову старухѣ-княгинѣ. Она твердо стояла на принципѣ *дѣдовской крови* и считала своего сына *кровнымъ* pur sang, который не преступитъ исконныхъ праотцовскихъ правилъ. Она не допускала возможности mésaillance: одна эта мысль могла ее убить.

Княгиня поѣхала совѣтоваться съ стариннымъ другомъ покойника мужа, графомъ Звѣзднымъ.

Графъ принадлежалъ къ числу вымершихъ или

вымирающихъ типовъ *большаго свѣта*. Это былъ послѣдній не изъ могиканъ, а изъ мастодонтовъ. Постоянное мрачное расположеніе ума отразилось на всѣхъ его поступкахъ. Лице его отличалось мертвенностью и безчувственностью; оно точно было вылито въ какую-то твердую гипсовую форму и форма эта такъ и осталась на его физіономіи. Желтыя пятна на лицѣ остались тѣ-же самыя, какъ и въ первый день его появленія на свѣтъ. На лбу была небольшая впадина, на подбородкѣ складка, которая такъ и осталась съ пеленокъ. Кошачьи глаза съ зеленымъ отливомъ были совсѣмъ лишены рѣсницъ. Ни одинъ мускулъ никогда не шевелился на этомъ угрюмомъ, допотопномъ лицѣ. Всѣ физическія отправленія онъ совершалъ въ урочный, опредѣленный часъ. Ложился спать, вставалъ, чихалъ, каплялъ— всегда въ извѣстныя минуты, никогда ни раньше, ни позднѣе. Это былъ движущійся автоматъ—ходячій миѳологическій сфинксъ. Вся жизнь его была загадка. Говорилъ онъ всегда однимъ и тѣмъ-же ровнымъ тономъ, не возвышая и не понижая голоса. Никто никогда не видалъ его смѣющимся. Ни радость, ни горе не отражались на его физіономіи. Одинаково спокойно выслушивалъ онъ радостное извѣстіе о наградѣ и одинаково-же спокойно узналъ онъ о смерти своей жены и двухъ дочерей. Онъ былъ вдовецъ и не имѣлъ дѣтей. Постоянно ровный, непоколебимый, онъ одинаковымъ тономъ дѣлалъ

внушеніе подчиненнымъ и сдѣлалъ предложеніе своей невѣстѣ.

Дружбы онъ не зналъ, привязанностей никакихъ не имѣлъ. Старикъ князь Тобольскій былъ единственнымъ лицомъ, которому онъ былъ преданъ безгранично. Онъ былъ обязанъ покойнику своею карьерою и общественнымъ положеніемъ. Послѣ смерти князя, онъ конечно не проронилъ ни одной слезинки и вмѣсто утѣшенія сказалъ вдовѣ: «Теперь, что прикажете, я то и сдѣлаю; требуйте, я на все готовъ...»

Злые языки говорили, что неутѣшная вдовица потребовала любви, и графъ, бывшій уже вдовцемъ, не съ радостью кинулся къ ногамъ красивой вдовушки, но сталъ исправлять супружескія обязанности съ полнѣйшимъ хладнокровіемъ и безъ всякаго увлеченія...

А княгинѣ это было съ руки... Она была увѣрена въ скромности своего обожателя, болѣе всего опасаясь быть баснею города... И угрюмый графъ твердо хранилъ тайну... Но стоустая молва не пощадила сіятельную чету... Съ тѣхъ поръ между ними установилась самая прочная и тѣсная дружба.

Свиданіе княгини съ Звѣздинымъ было весьма продолжительно. Только и было разговора, что о молодомъ Пьерѣ, о его будущей карьерѣ и о любви къ балетной артисткѣ. Старикъ графъ вполнѣ раздѣлялъ воззрѣнія княгини. Общій совѣтъ рѣшилъ,

что дѣло это можетъ принять опасный оборотъ, потому необходимо принять своевременныя мѣры для избѣжанія могущей быть семейной катастрофы.

— Впрочемъ, все это одни слухи, princesse, можетъ быть они и лишены основанія.—Во всякомъ же случаѣ надобно принять мѣры; прибѣгните къ родительскому внушенію...

— Да онъ меня не послушается!—отвѣчала княгиня.—Возьмите на себя трудъ поговорить съ нимъ объ этомъ.

— Я, пожалуй, съ удовольствіемъ! Конечно, вамъ, какъ матери, удобнѣе! Пригрозите ему, что лишите его наслѣдства...

— Вотъ чудесная идея! И въ самомъ дѣлѣ! Vous êtes un génie! Ну, а какъ онъ и послѣ этого не уймется?..

— Уймется! Деньги, это такая сила, предъ которою всякій преклонится? А я вамъ сто разъ повторялъ, не отдавайте его въ университетъ, а въ какое нибудь другое болѣе приличное заведеніе! Въ правовѣдѣніе или лицей!.. Вотъ теперь и кайтесь!.. Il fallait lui donner des verges! Въ мое время за это сѣкли и не жалѣли...

— Правда ваша, графъ, правда! Сколько крови перепортилось у меня за нѣсколько часовъ времени. Merci, mille graces за добрый совѣтъ.

И княгиня Тобольская уѣхала домой, съ желаніемъ сдѣлать внушеніе сыну.

ГЛАВА VIII.

—

Что думаетъ о балетныхъ не хлыщъ?

Послѣ разговора съ своей матерью, князь Пьеръ отправился въ свой кабинетъ. Онъ любилъ оставаться одинъ и приводить въ это время свои мысли въ порядокъ.

Въ послѣднее время онъ только и мечталъ о балетной Катѣ. Узнавши о ея скромной жизни, артистка эта еще глубже запала въ его сердце. Каждый день онъ раскаявался въ своемъ поступкѣ, сдѣланномъ по совѣту его пріятелей. Подарокъ, посланный черезъ Безумова, преслѣдовалъ его всюду... Онъ не могъ придумать средства, какъ бы поправить свою опрометчивость и сдѣланную ошибку, такъ глубоко оскорбившую Катю.

До сихъ поръ онъ не рѣшился приступить къ ней съ объясненіемъ. Послѣ каждаго балетнаго представленія онъ поджидалъ ее у театральнаго подъѣзда, но чувство стыда и врожденной скромности не допускали его подойти къ артисткѣ; онъ ограничивался однимъ поклономъ и съ досадой уѣзжалъ или домой, или ужинать съ пріятелями, въ одинъ изъ лучшихъ ресторановъ, гдѣ за бокаломъ вина проводилъ остатокъ ночи.

Князь Пьеръ сѣлъ къ своему письменному столу. Не имѣя еще никакихъ опредѣленныхъ занятій, онъ

любилъ въ часы досуга излагать свои мысли и впечатлѣнія на бумагѣ... Дневникъ его былъ отрывоченъ и безсвязенъ.

Онъ взялъ довольно толстую, мелко исписанную тетрадь и началъ ее перелистывать, прочитывая по временамъ нѣкоторыя выдержки изъ своего дневника:

«Вчера былъ въ балетѣ. Давали какую-то чепуху, которая меня ни мало не занимала. Танцовщицы прыгали и танцовали. Не завидное ремесло! Впрочемъ, ошибся, не ремесло, а искусство, называемое хореграфіею. Происходитъ отъ греческаго хоре и графо—пишу. Поразило меня тупоуміе нашей публики, которая такъ хладнокровно и безстрастно смотрѣла на движущійся кордебалетъ и на всѣ разнообразныя сочетанія группъ. Никто не заботился и не интересовался кому въ этой массѣ принадлежали всѣ эти движущіяся головы и ноги. Зачѣмъ онѣ попали на сцену? Ради какой потребы всѣ ихъ гимнастическія упражненія? Для какой цѣли онѣ мелькаютъ и прыгаютъ взадъ и впередъ по различнымъ направленіямъ? Что думаютъ эти кружащіяся творенія въ то время, когда онѣ улыбаются на сценѣ и по приказу должны веселиться? Неужели же имъ въ самомъ дѣлѣ весело? Нѣтъ, не можетъ быть, чтобы у нихъ у всѣхъ была общая радость на душѣ. Можетъ быть

иная хотя и въ каретѣ пріѣдетъ домой, а встрѣтитъ голодную семью и не пивши и не ѣвши ляжетъ въ холодную постель».

Не написать ли мнѣ разсказъ изъ веселой и вмѣстѣ съ тѣмъ страдальческой жизни этихъ воздушныхъ созданій? — Нѣтъ, писательство, по словамъ матушки и моихъ пріятелей (будто бы есть на свѣтѣ пріятели), унижаетъ человѣческое достоинство. А чувствую себя въ силахъ! Много бы поднялъ я вопросовъ, касающихся внутренней жизни танцовщицъ. Много бы можно разрѣшить физіологическихъ задачъ, если бы заняться жизнью этихъ прыгающихъ и улыбающихся существъ... Цѣлые томы бы исписалъ. Составилъ бы цѣлую философію балета. Новую науку создалъ бы!.. Катя не танцовала... Тоска, тоска!..»

— Мимо! мимо! и князь Пьеръ перевернулъ нѣсколько страницъ.

«Сегодня Катя въ первый разъ играла небольшую роль въ балетѣ «Фаустъ». Зала тряслась отъ рукоплесканій. Во время всего представленія я не спускалъ глазъ съ Маргариты и Кати; я не могъ перевести дыханія. Отъ волненія, мнѣ что-то приступало къ горлу... Я весь дрожалъ какъ въ лихорадкѣ... Всѣмъ своимъ существомъ я былъ прикованъ къ ея обоятельному образу... Тутъ только я понялъ,

что танцы по праву вошли въ область изящныхъ искусствъ... Каждое движеніе, каждая поза балерины дышали пластикой и благородствомъ... Чувственности никакой! Она была цѣломудренна и прекрасна, какъ античный мраморъ. Самъ Фидіасъ преклонился бы предъ ея красотой... Какъ теперь смотрю я на нее, сидящую за прялкой... Это не земное созданіе, а нѣжный едва распустившійся цвѣтокъ, чуждый человѣческихъ страстей и страданій... Ему доступно только чувство скромности и стыда... И вдругъ демонъ соблазнитель встаетъ передъ нею, во всемъ ужасающемъ величіи, холодный, грозный, сверкающій очами; каждая поза Мефистофеля проникнута отчаяніемъ... надъ нимъ царитъ тяготѣющее проклятіе... каждая черта его лица обличаетъ глубокое страданіе... Рѣшительно Перро незабвененъ... онъ великій артистъ... Изъ подъ земли, по мановенію демона, плавно и вмѣстѣ съ тѣмъ грозно-таинственно поднялись дочери грѣха и соблазна, обоятельныя, страстныя, безстыдныя семь смертныхъ грѣховъ... За дѣло! на работу! повелѣваетъ имъ демонъ и онѣ, преклонясь предъ своимъ повелителемъ, приступаютъ къ искушенію Маргариты. Начинается страшная борьба и разыгривается потрясающая драма... Легкія, какъ воздушныя тѣни, всѣ грѣхи въ богохульной радости окружаютъ несчастную жертву... а она,

Маргарита, то отчаянно вырывается изъ ихъ когтей, то змѣею ускользаетъ отъ нихъ, но тщетно, тщетно... Часъ ея насталъ; приговоръ произнесенъ... и она подъ томительные звуки нѣжнаго и за душу хватающаго віолончеля, то легкая какъ паръ плыветъ въ міръ сладостныхъ грезъ, то съ пыломъ любви замираетъ въ лобзаніи на груди Фауста... Катя изображала одну изъ дочерей грѣха... нѣтъ, не ей бы быть представительницей грѣха, а самой Маргаритой... А Мефистофель какъ привидѣніе стоялъ вдали съ торжествомъ и адской улыбкой на устахъ... По движенію его руки, исчадія ада изчезли, вмѣстѣ съ своимъ повелителемъ... На сценѣ одна Гретхенъ, обезсиленная отъ борьбы, полная судорожнаго трепета... слабое созданіе безъ чувствъ падаетъ на землю... но страданіямъ ея еще не было конца... Искусство артистки торжествовало... Честь и слава тебѣ! Оглушительный громъ рукоплесканій потрясъ до основанія зданіе театра...»

«Я вышелъ, чтобы отдохнуть отъ впечатлѣнія. Всѣ нервы мои были разстроены. Нѣсколько стакановъ холодной воды привели меня въ нормальное состояніе. Я вернулся въ зрительную залу къ «сценѣ въ темницѣ». Боже! какъ она была прекрасна! Вотъ она повергласъ на колѣни; потомъ вдругъ вскочила, не будучи въ состояніи совладать съ собою... съ

распущенными волосами, въ бѣломъ какъ снѣгъ длинномъ платьѣ, съ веревкой вмѣсто кушака... она, то выражала отчаяніе... то являлась въ безконечной прелести дѣвственности и дѣтской чистотѣ вѣры. Чего же ей бояться?.. Но вотъ снова тѣ же Фаустъ и Мефистофель... но присутствіе ихъ не продолжительно... Сила креста и молитвы удаляютъ демона соблазнителя и бѣдный ребенокъ снова падаетъ на колѣни... съ этой молитвой какъ будто соединяется все мірозданіе, какъ-бы является на помощь лучшему своему творенію... Она много любила, много страдала и все простится ей... Декорація изчезла... во мракѣ виднѣлись духи ада и тьмы... они прыгали, бѣсновались въ своей богохульной радости... они собрались принять въ свои объятія новую свою жертву... Мефистофель влечетъ Фауста... тутъ завязывается борьба неба и ада... блѣдный, истерзанный, изнеможенный Фаустъ ожидаетъ съ трепетомъ своей гибели... Но приговоръ произнесенъ... и небо давитъ падшаго духа, пораженнаго вѣчнымъ проклятіемъ... Самая высокая, неземная драма совершилась передо мною... Я какъ сумашедшій выбѣжалъ изъ театра и не спалъ цѣлую ночь, преслѣдуемый въ своихъ видѣніяхъ то Катей, то Гретхенъ, то демономъ Перро... Катя совсѣмъ была не на мѣстѣ: не та ли же это Маргарита, а

мы демоны соблазнители... Ея чудный образъ не выходитъ изъ ума...»

— Дальше! дальше!.. сказалъ Пьеръ, продолжая перелистывать тетрадь.

Занятіе князя было прервано приходомъ двухъ его балетныхъ пріятелей.

— Очень радъ, васъ видѣть, господа! здравствуйте! развеселите томимаго скукою друга... Изнываю отъ тоски...

— Да что тебя давно не видать въ балетѣ? кресло твое уже нѣсколько дней пусто! спросилъ его одѣтый въ модный коротенькій пиджакъ, и съ натянутыми на ноги pantalons collant, безбородый Клюововъ, вылѣзавшій изъ кожи, чтобы попасть въ число балетомановъ. Но всѣ старанія были тщетны. Никто его не слушалъ и знать не хотѣлъ, потому что онъ былъ въ состояніи только изрыгать букеты пошлости... Мѣсто его было во второмъ ряду креселъ, но при каждомъ удобномъ случаѣ онъ пересаживался въ первый рядъ, за что неоднократно и получалъ замѣчанія, но онъ дѣлалъ видъ, будто не обижается...

— А мы за тобой! Ѣдемъ нынче въ театръ. Les notres соскучились по тебѣ. Пропасть новостей накопилось за время твоего отсутствія.

— Все разскажемъ! перебилъ Клюова его прія-

тель Катинъ, самый скромный и приличный изъ перворядниковъ.

— Ну, что-же новенькаго? Разсказывайте! Я васъ слушаю...

— Вообрази, cher! — тараторилъ кургузый пиджакъ:—вчера инфернальная ложа послала въ уборную конфектъ, грушъ и другихъ douceurs, танцовщицѣ Саниной...

— Какой это? Я что-то не помню, перебилъ его Тобольскій.

— Ну, та, которая неразлучна съ другой, у которой на лбу постоянно виситъ прядка волосъ...

— Да, теперь помню! Это красивая, безстыжая такая... Ну, что-же дальше?

— Такъ, вообрази, случился скандалъ! просто такой каламбуръ, что страсть! Человѣкъ, этотъ олухъ, имѣлъ глупость съ подносомъ въ рукахъ встрѣтиться на сценѣ съ Скотоуховымъ... тотъ, разумѣется, принялъ этотъ пассажъ къ сердцу... позвалъ la pauvre Санину и публично распекъ ее... бѣдная въ слезы... а онъ при всѣхъ такъ и ляпнулъ ей въ глаза: поздравляю, поздравляю васъ! у насъ прибавилась еще новая *камелія* въ балетѣ...

— Неужели-же такъ и сказалъ: камелія? Это быть не можетъ! Вѣдь это равносиляно *публичной женщинѣ*...

— Онъ превеликая ска-атина! протянулъ Катинъ. Видѣть я не могу этого Скотоухова... Ну, да, говорятъ, его скоро по шапкѣ!

— Пустяки! Твердъ и проченъ, яко гранитъ!

— Ну, а еще что новенькаго?

— Да много, очень много! Слышалъ ты, что танцовщица, la petite... наша балетная кумушка...

— Послѣ разскажешь, въ театрѣ! Уже половина восьмаго—пора намъ на мѣсто!

— Пожалуй, ѣдемте! Развлекусь! Вотъ вы всегда такъ, а я далъ слово сегодня никуда не ѣздить...

Рысаки, стоявшіе у подъѣзда, помчали трехъ юношей къ Большому театру.

ГЛАВА IX.

Въ зрительной залѣ.

На Большомъ театрѣ, какъ извѣстно, даютъ италіанскія оперы и балеты. Тотъ и другой родъ представленій имѣютъ свою особенную публику. Балетные спектакли бываютъ три раза въ недѣлю: по вторникамъ, четвергамъ и воскресеньямъ. Самый благопріятный день для сбора—воскресенье. Что ни давай, публика всегда болѣе или менѣе наполнитъ зрительную залу; количество сбора обусловливается числомъ выставленныхъ на афишѣ чертей, превращеній и великолѣпныхъ табло съ танцующими кам-

нями, звѣздами, рыбами, раками, цвѣтами и всевозможными представителями животнаго и растительнаго царствъ. Самый-же неблагодарный день—вторникъ; этого дня избѣгаютъ даже пріѣзжія звѣзды—балерины, не желающія танцовать передъ пустымъ театромъ. Во вторники, зала Большаго театра представляетъ совершенно своеобразное и умилительное зрѣлище; публика, наполняющая залу, имѣетъ особый отпечатокъ.

Представляя краткій и весьма поверхностный очеркъ публики, наполняющей Большой театръ, въ балетные дни, должно замѣтить, что въ числѣ этой постоянной, осѣдлой публики встрѣчаются цѣлый рядъ замѣчательныхъ типовъ; но въ нашъ вѣкъ, эта каста хлыщей до того стала щекотлива и воспріимчива, что по неволѣ приходится ограничиться слегка набросаннымъ эскизомъ. Малѣйшій лишній штрихъ, приданный абрису характера, принимается за умышленную и злонамѣренную личность. Достаточно сказать, что у такого-то или такой-то есть носъ или черное платье, ротъ или голубые съ розовымъ лампасомъ невыразимые, длинные уши или ротъ, пережовывающій жвачку и вся когорта театральныхъ и нетеатральныхъ безобразниковъ возопіетъ гласомъ веліемъ: это онъ!.. это мы!..

Какія не придумывай прозвища, почерпнутыя изъ чистѣйшаго, случайнаго міра фантазіи и вымысла, сейчасъ-же *нюхатели* потщатся найти совпаденіе

прозвищъ съ ихъ собственными именами и фамиліями и... новое горе!.. новая напасть или напраслина на бѣднаго, ни въ чемъ неповиннаго автора—правоописателя...

Съ подобающею осторожностью и душевнымъ трепетомъ, приступаемъ...

По вторникамъ, въ театрѣ бываютъ только *свои* и спектакли эти носятъ названіе *домашнихъ*: разыгрываютъ балеты en famille. Въ первомъ и частью второмъ рядахъ креселъ обыкновенно возсѣдаютъ балетные завсегдатаи, не пропускающіе ни одного балетнаго спектакля; въ 4-мъ и въ 5-мъ рядахъ, кромѣ двухъ барынь лѣвой стороны неизмѣнно и многіе годы посѣщающихъ балетъ, размѣщаются такъ называемые зрители, не причастные къ балетнымъ таинствамъ, а пріѣзжающіе одинъ или два раза въ годъ взглянуть на балетъ и во время всего спектакля не выпускающіе изъ рукъ афиши или либретто; за тѣмъ 8-й и 9-й ряды занимаются того-же рода публикою, но платящею за свое кресло вмѣсто двухъ, полтора рубля. Эти ряды только позволяютъ себѣ разсуждать объ игрѣ или объ танцахъ артистокъ, а потому сами никогда не начинаютъ хлопать или вызывать; они присматриваются къ вышесидящимъ, и усердно принимаются за аплодисменты, неиначе, какъ по знаку первоначально поданному кѣмъ-нибудь изъ перворядниковъ, на томъ только основаніи, что первому, кто начинаетъ хлопать, вѣроятно лучше

извѣстно, зачѣмъ и ради какой потребы онъ это дѣлаетъ.

— Вѣроятно такъ нужно, разсуждаетъ неофитъ и принимается отбивать себѣ ладони.

Въ 6-мъ, 7-мъ и послѣднихъ рядахъ креселъ размѣщаются неплатящіе посѣтители: чиновники, служащіе при театрѣ, мозольные операторы съ ленточкой въ петлицѣ за труды и заслуги по срѣзыванію мозолей, *незанятые* артисты различныхъ труппъ, пріѣхавшіе полюбоваться своими прыгающими и ного-дергающими собратіями...

Самое пріятное и щекочущее животные инстинкты хлыщей зрѣлище представляетъ по вторникамъ второй ярусъ ложъ. Съ лѣвой стороны, усаживаются будущія хореграфическія звѣздочки въ голубенькихъ платьицахъ съ бѣленькими пелеринками и неизмѣннымъ при нихъ аргусомъ въ допотопномъ чепцѣ, котораго воспитанницы прозвали Есященскою, по поводу слѣдующаго обстоятельства: однажды въ дортуарѣ былъ найденъ чулокъ съ вензелемъ «С.»; аргусъ нашелъ его и по вензелю рѣшилъ, что чулокъ долженъ принадлежать «неряхѣ Ященской»... Логично! Съ тѣхъ поръ имя Есященской переходитъ изъ потомства въ потомство...

Юныя воспитанницы, хотя и надѣленныя природою востренькими глазками, не смѣютъ пошевельнуться во время всего представленія; онѣ сидятъ скромно, смотря исключительно на сцену и только

изрѣдка, какъ бы нечаянно, взглядываютъ на партеръ, съ цѣлью увидать, кто на нихъ лорнируетъ...

Рядомъ съ балетными дѣвственницами во второмъ же ярусѣ и въ литерныхъ ложахъ, особенно почитаемыхъ нѣкоторыми артистками за находящуюся при нихъ комнату, размѣщаются даровыя зрительницы: балетныя солистки, незанятыя или уже окончившія свое *соло*, артистки—первые сюжеты другихъ театровъ, наконецъ маменьки и тетеньки балетныхъ, различныя Степаниды, Варвары, Александры, Марьи и другія вышедшія уже на пенсію, съ сожалѣніемъ воспоминающія про незабвенныя для нихъ времена Дидло, Титуса съ «Корой и Алонзо», «Раулемъ де Креки». Онѣ наѣзжаютъ въ театръ *посудачить*, *покумить*, повздыхать объ упадкѣ искусства и насладиться лицезрѣніемъ своихъ порхающихъ и летающихъ дочекъ и племянницъ...

Всѣ балетныя артистки обыкновенно разсаживаютси въ ложахъ попарно и тутъ не трудно усмотрѣть кто изъ нихъ съ кѣмъ друженъ и къ кому лежатъ ихъ симпатіи и антипатіи. Мужскія физіономіи весьма рѣдко виднѣются въ этомъ балетномъ цвѣтникѣ, общую пріятную гармонію котораго подъ часъ нарушаютъ уже значительно поблекшіе и увядшіе цвѣточки...

Рыбкина постоянно садится съ Шведземъ и въ ихъ ложѣ изрѣдка показывается фигура юнаго Адо-

ниса нашей балетной труппы, постоянно довольнаго собою, но не знающаго къ чьимъ ногамъ повергнуть свое сердчишко, и потому перепархивающаго отъ лидійской пастушки къ бабочкѣ, а отъ послѣдней къ юной Діанѣ, номеръ второй...

Маша Алексѣева постоянно садится съ Шляпкиной, въ ожиданіи прихода бѣлокуренькой Анненьки Хамской, мать которой особенно отличается ехидствомъ и страстью мстить Скотоухову за дурное поведеніе его собакъ...

Нюта съ Наташей обожаютъ литерную третьяго яруса и ихъ навѣщаетъ въ антрактѣ черноусый жукъ Заглаза...

Степанида, какъ копна сѣна, усаживается одна съ своими внуками и внучьками, ругая на всѣхъ перекресткахъ Машу Алексѣеву, а рядомъ съ нею занимаетъ ложу мать послѣдней «Змій» съ вѣрнымъ другомъ своимъ Варварой, въ свою очередь увѣряющая всѣхъ и каждаго, что дочь Степаниды танцовать не умѣетъ, а заучила, твердо заучила антраша, а упругости пальцевъ не имѣетъ никакой.

— Несравненную мою Машеньку не даромъ же прозвали *сталью* носковъ... увѣряетъ «Змій»,— а твоя дочь умѣетъ только *разы* получать... ронжанчика ни одного порядочнаго сдѣлать не умѣетъ...

такъ только чешетъ ногами... да гдѣ ей танцовать?.. у нее икры вырѣзаны...

Перебранка идетъ въ продолженіи всего спектакля...

Или же маменьки-кумки принимаются критиковать танцующихъ солистокъ, и какихъ только при этомъ бранныхъ выраженій не употребляютъ онѣ: такая то не танцуетъ ногами, а полощетъ бревнами, такая-то косолапитъ, такая-то *урѣзаетъ соло* и т. п.

Неразлучныя Санина и безстыжая, страстныя любительницы цирка, также не пропускаютъ случая занять вмѣстѣ даровую ложу. Послѣдняя, танцующая *отчаянно* не ногами, а глазами, долгое время не сводила бинокля съ маленькаго Мишеля, въ котораго она была влюблена по уши и не разставалась съ его портретомъ въ медаліонѣ... сойтись же съ Мишелемъ не рѣшалась, по не имѣнію у него золотыхъ горъ; а потомъ *готовила* себя, какъ говорятъ балетныя кумушки, для черноусаго жука, предлагавшаго ей десять тысячъ, на полныхъ харчахъ...

— Пріѣзжай ко мнѣ завтра, обращается она къ Саниной. Вообрази! Бушевъ привезъ мнѣ серебряный несессеръ, дорогой должно быть, больше тысячи рублей стоитъ! И, дуракъ, думаетъ также...

Тутъ безстыжая шепнула что-то на-ухо подругѣ.

— Неужели?..

— Ей Богу!.. Сначала я хотѣла не принять подарка... потомъ подумала... Глупо!.. отчего и не взять!.. Вѣдь онъ только ручки цѣлуетъ...

— Конечно! отчего и не взять, когда даютъ!.. вотъ мнѣ только скверныя груши, да яблоки посылаютъ, а нѣтъ, чтобы что нибудь по существеннѣе...

Съ правой стороны, въ ложѣ 2-го яруса, частенько появляется бывшая кордебалетная Елисѣевна, на горе, а не на радость созданная... Раньше опредѣленнаго срока, она вышла на пенсію и получила капиталъ, приносящій ей 300 рублей въ годъ, то есть, ровно столько, сколько она получала на службѣ жалованья... Гаденькій, высохшій Юрко Петергофскій почти насильно плѣнилъ сердце Елисѣевны и по своимъ связямъ и положенію выхлопоталъ ей пенсію и не покидаетъ ее своими милостями, которыя, впрочемъ, не смотря на его громадное богатство, расточаются не очень щедро. Скупость Юрки не имѣетъ предѣловъ; такъ, разсказываютъ, что одна изъ балетныхъ пташечекъ попросила у него конфектъ; влюбленный въ нее театральный Гарпагонъ съ тѣхъ поръ къ ней ни шагу... а теперь устроилъ свадьбу одной молоденькой корифеечки; жениху и невѣстѣ далъ по десяти тысячъ, съ тѣмъ, чтобы и самому дозволено было пользоваться милостями...

Тутъ же иногда садится танцовщица съ другаго

театра Бѣлояриха, которой, при раздачѣ даровыхъ ложъ, отдается постоянное преимущество за ея родство съ власть имѣющими...

Далѣе помѣщаются двѣ Марины — маленькія съ ежегодными ревматизмами въ желудкѣ...

Около нихъ, одна безъ подруги, возсѣдаетъ нелюбимая всѣмъ кордебалетомъ; но боготворимая Банкометовымъ и русскимъ Парисомъ, Фенеллина, воображающая себя первоклассною танцовщицей и никогда не удостоивающая поклономъ на сценѣ своихъ низшихъ собратій фигурантовъ...

Рядомъ съ нею, въ богатѣйшемъ нарядѣ и также въ одиночку или вдвоемъ съ бывшей кордебалетной, извѣстной подъ прозвищемъ «дочери цвѣточницы» улыбается красавица Бррр... называющая Скотоухова «папочкой». Дочь цвѣточницы разсказываетъ красавицѣ Бррр... про то какъ она сошлась съ купцомъ, получила отъ него изрядный кушъ денегъ, который потомъ спустила на другаго ничего неимѣющаго любовника, проигравшаго ея капиталъ въ карты и растранжирившаго отчасти ея денежки на разныхъ французскихъ Жюньеттъ, Мари и проч.

Впрочемъ, всѣхъ не перечтешь!.. Это цѣлый восточный базаръ, на которомъ молодыя и не молодыя артистки имѣютъ неотъемлемое право выказывать свою красоту и прелести...

Не видать только одной Кати, которую мать не пускала на эту выставку. .

Третій ярусъ и выше отдаются въ добычу кордебалетнымъ и прочимъ, мелкимъ балетнымъ сошкамъ и подпоркамъ, безъ протекціи. Изъ ложъ виднѣются изнуренныя трудомъ лица *у воды* стоящихъ, съ ихъ чадами и домочадцами... Ни одинъ бинокль никогда не обращается въ ихъ сторону...—Это паріи, отверженныя балетными хлыщами и да не осквернятъ они своими взорами этихъ копѣечныхъ горемыкъ и труженицъ!.. Оставимъ и мы ихъ въ покоѣ... Каждому свое: иная, весь вѣкъ обречена стирать, замывать пеленки и обшивать вѣчно плачущихъ ребятишекъ; такая, конечно, скроена не по мѣркѣ хлыща и какъ износившійся, непригодный для него товаръ, сваливается въ помойную яму его уснувшихъ мозговъ... другой же на роду написано, безъ малѣйшаго вздоха и сожалѣнія, бросать въ воспитательный домъ ею же произведенныхъ на свѣтъ маленькихъ существъ, рожденныхъ съ скрежетомъ и проклятіемъ на устахъ... Вотъ эта—нашего поля ягода, думаютъ (если только они могутъ думать?) балетные кретины.

— Смотри, дружище!.. любуйся!.. не успѣла еще родить, и уже снова рядится, улыбается и...

Подведенные глаза и наштукатуренная физіономія достаточно свидѣтельствуютъ о родѣ ея занятій, о ея профессіи, которую она не покинетъ, пока глу-

бокія морщины не будутъ болѣе принимать подмалевки, или злая чахотка не вгонитъ ее въ тотъ ларчикъ, гдѣ ни встать, ни сѣсть...

Постоянная балетная публика предпочитаетъ вторникъ остальнымъ днямъ недѣли. Въ эти *семейные* вечера, хлыщамъ представляется обширное поле для дѣйствія и въ особенности для глазной перестрѣлки съ артистками.

— Раздолье полное! стрѣляй себѣ во славу нашего оружія! повторяютъ усатые мѣднолобые марсы и выбритые, безъусые фрачники.

Каждое движеніе, каждый жестъ не могутъ пройти незамѣченными ихъ тщедушными божками въ коротенькихъ юбочкахъ и казенномъ трико; потому ихъ слабый и недоразвитый мозжечекъ изощряется въ придумываніи различныхъ, не мудрыхъ комбинацій и любовныхъ ухищреній, вычитанныхъ изъ французскихъ амурныхъ романовъ, съ цѣлью, чтобы одно изъ далеко не эфирныхъ созданій обратило на нихъ вниманіе.

Передъ постороннимъ наблюдателемъ разстилается богатая канва для изысканій: знай себѣ, вышивай самые прихотливые и яркіе узоры!.. Матеріалу хватитъ на нѣсколько томовъ...

Каста хлыщей, въ общемъ смыслѣ этого слова, составляетъ душу балета, необходимую его принадлежность; безъ хлыща не было бы балета, точно также, какъ и безъ балета не было бы хлыща. Они

необходимы другъ для друга и не могутъ существовать одинъ безъ другаго, какъ рыба безъ воды, какъ огонь безъ воздуха... Какъ магометанинъ не можетъ жить безъ перспективы радостей девятаго неба съ райскими гуріями, такъ и хлыщъ не можетъ прожить спокойно одной недѣли, не подышавши театральнымъ воздухомъ. Онъ любитъ все, что касается балета: каждая кулиса, изъ-за которой выглядываютъ смазливенькія и некрасивыя балетныя фигурки, каждое кресло, каждый танецъ, каждый полинялый костюмъ для него пріятнѣе всѣхъ блаженствъ міра... Самый воздухъ театра, подъ часъ далеко не благовонный, для него легче и здоровѣе воздуха Италіи и Ниццы... Когда онъ въ балетѣ, весь остальной міръ, съ его утѣшеніями и заботами, забытъ; онъ не помнитъ ни о чемъ! Каждый мускулъ его лица, каждая жилка бьются радостно и дышатъ особеннымъ животнымъ восторгомъ и жизнью, при видѣ женскихъ тюникъ и трико, тѣльнаго цвѣта. Всѣ его помыслы, всѣ побужденія сосредоточены на его балетномъ идеалѣ, словомъ, сказать: онъ счастливъ, онъ въ апогеѣ блаженства...

Въ балетные вторники рѣзко замѣтенъ духъ партій. Каждая, даже и бездарная танцовщица, имѣетъ свой кружокъ знакомыхъ и покровителей, которые усердно *поддержиеаютъ* ее, во время исполненія танцевъ. Тутъ въ полномъ блескѣ выказывается или тѣсная дружба одной кучки завсегдатаевъ, при-

страстныхъ къ одной изъ артистокъ, или же ненависть ихъ къ другому прыгающему субъекту.

И усаживаются по мѣстамъ хлыщи, словно виги и торіи въ парламентѣ; виги занимаютъ правую сторону отъ прохода въ партерѣ, а торіи—лѣвую.

Одной изъ танцовщицъ, правая сторона начинаетъ хлопать, за то, лѣвая, какъ говорится на балетномъ жаргонѣ—*ни щелчка*, *ни шлепка*, и на оборотъ, лѣвая сторона принимается вызывать, правая, не глядя на сцену и на поднимающійся занавѣсъ, выходитъ изъ залы, съ презрительной улыбкой на устахъ и въ душѣ проклиная противниковъ... Одну артистку вызвали два раза послѣ ея соло, можно быть увѣреннымъ, что артистку, покровительствуемую другою партіею, похлопочатъ вызвать три раза... и это идетъ crescendo...

— Поддержи же! передается изъ перваго во второй рядъ... ударь же, ради Бога!.. самъ услужу!... да скинь перчатки!.. хвати!.. вотъ такъ... спасибо... И сдѣлавши свое дѣло, завсегдатай успокоивается, вытирая платкомъ выступившія крупныя капли пота...

Балетныя партіи, — всякіе цевисты, — ористы, рыбкинисты,—гинисты (имъ же нѣсть числа), въ похвалѣ или брани своихъ кумировъ не имѣютъ границъ. Какъ стая голодныхъ волковъ по веснѣ, они накидываются на каждаго дерзновеннаго, кто

осмѣлится сказать что-либо въ укоръ ихъ предвзятому идеалу. Бывали случаи, что отъ одного нечаянно-вырвавшагося, можетъ быть даже и правдиваго, словечка, многолѣтная дружба на вѣкъ была разорвана и прежніе закадыки—пріятели не кланялись болѣе между собою. Начнутъ эти—исты трактовать о талантахъ, сейчасъ же разговоръ превращается въ брань. Неизвѣстно откуда, что берется! Напримѣръ, самые кровные—цевисты лезутъ изъ кожи, чтобы доказать противоположному лагерю — ористовъ, что и въ танцахъ и въ игрѣ идеала послѣднихъ нѣтъ ни пластики, ни искры чувства и при этомъ не отдаютъ никакой справедливости дѣйствительно замѣчательному таланту... Споръ объ этомъ предметѣ принимаетъ все болѣе и болѣе оживленный характеръ; соперники, наконецъ, расходятся до того, что забываютъ первыя основныя правила приличія и начинаютъ чествовать другъ друга и *супротивныхъ* идеаловъ далеко не великосвѣтскими эпитетами... Или, примутся—гинисты восторгаться *красотой* своей мальчишки — танцовщицы, остальныя артистки, даже и колоссы искусства, признанныя всей Европой, топчутся ими въ грязь. По ихъ мнѣнію: цѣль оправдываетъ средства! Такого туману напустятъ въ глаза, что иной и въ самомъ дѣлѣ подумаетъ: геній! и примыкая къ лагерю маль-

чишки-артистки... дѣлается самымъ жаркимъ ея поклонникомъ.

— А въ сущности, куда не поверни, говорятъ противники, надѣнь ли на нее корону царскую или подвѣнечное платье, все выйдетъ переодѣтый смазливенькій мальчишка съ дерзкими ухватками парижскаго гамена... и только... а не танцовщица...

Вызывая артистку, эти балетные кретины, какъ будто одержимы пляскою Св. Витта или хроническими судорогами; и руки и ноги приводятся въ движеніе, не говоря уже о томъ, что они не щадятъ своего голоса, дѣлаются къ концу вечера совершенно хриплыми. Рукоплесканія бываютъ самыя отчаянныя и неистовыя: обыкновенно начинаютъ *мелкой дробью*, а потомъ это трель переходитъ въ такую штуцерную пальбу рядами, что смиренному зрителю становится жутко и страшно за зданіе театра, за артистку и наконецъ за самаго себя; онъ не знаетъ, куда попалъ: въ мірѣ-ли онъ сумасшедшихъ идіотовъ или въ Бородинской битвѣ? Въ это время, на лицѣ другихъ—истовъ выражается отчаяніе и злоба; но вдругъ появляется ихъ собственный кумиръ, физіономія проясняется и восторгъ переходитъ въ ураганъ криковъ и аплодисментовъ.

Если же—исты начинаютъ хвалить, то надобно удивляться, откуда берутся изъ ихъ головъ цвѣты

поэзіи, которыми они осыпаютъ своихъ кумировъ. И красота она!.. и легка!.. и пластична!.. и играетъ божественно и т. п. безъ конца. Однѣ фразы, громкія, бездоказательныя фразы съ прилагательными въ превосходной степени!.. Ни одинъ изъ изъ нихъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія объ искусствѣ, а между тѣмъ роль, такъ сказать, разыгрываетъ, и понятно судитъ о талантѣ и вкривъ и вкось...

— Я десять лѣтъ сижу на одномъ креслѣ! Мнѣ лучше знать, кто изъ нихъ достойнѣе!.. Словомъ сказать: красота! а ты всего второй годъ ѣздишь въ балетъ!.. Не суйся лучше съ своими мнѣніями, говоритъ хлыщь-ветеранъ.

И юнаго хлыща, вступившаго въ споръ съ ветераномъ, послѣ сказаннаго сильнаго аргумента, считаютъ разбитымъ на всѣхъ пунктахъ.

Но побѣдитель вретъ и сильно вретъ! Онъ десять лѣтъ ѣздилъ не для балета, а для тѣхъ, кто танцуетъ въ балетѣ, а потому въ дѣлѣ искусства онъ совершенно невѣжественный вандалъ.

Пока будетъ существовать балетъ, не выведутся и рыцари бѣлой и алой розъ; балетные Гвельфы и Гиббелины будутъ плодиться и вымирать, а духъ партій не изчезнетъ; но вмѣсто мечей и кровопролитія будутъ пускаться въ дѣйствіе рукоплесканія,

вызовы и букеты... Представители колпаковъ съ погремушками и колпаковъ безъ погремушекъ еще долго будутъ ораторствовать, высказывая свое скудоуміе и духовную нищету...

ГЛАВА X.

Спектакль въ спектаклѣ.

Спектакль былъ *семейный*. Публики было не много, но всѣ балетные кретины и различные «исты» по обыкновенію возсѣдали на своихъ абонированныхъ и не абонированныхъ мѣстахъ.

При входѣ князя Тобольскаго съ пріятелями Клюковымъ и Катинымъ, капельдинеры, стоящіе у дверей партера, отвѣсили имъ низкій поклонъ и поспѣшили снять съ нихъ шубы съ бобрами... Контрмарки отъ шубъ они никогда не брали и, подобно всѣмъ абитюэ, платили за храненіе платья не каждый вечеръ, а единовременно по рублю или по три...

— Мой бинокль, обратился Тобольскій къ капельдинеру, назвавши его по имени.

— Сейчасъ, ваше сіятельство!.. Что это давненько къ намъ жаловать не изволили?..

— Нездоровъ былъ!

— А давно начали? спросилъ Клюковъ.

— Минутъ съ пятокъ будетъ.

— Съ новымъ годомъ, ваше сіятельство, продолжалъ капельдинеръ...

— Послѣ, послѣ, тараторилъ Клюововъ; теперь нѣкогда!..

И поправляя свой кургузый пиджакъ, совершенно изломанный Клюововъ влетѣлъ въ партеръ.

Катинъ, надвинувши на носъ свой pince-nez, смиренно сѣлъ въ первый рядъ, поздоровавшись съ своими сосѣдями.

— Здравствуй, Тигровъ!.. Что Рыбкина уже протанцовала?

— Ты всегда опаздываешь! конечно протанцовала!.. отвѣтилъ Тигровъ.

«Тобольскій задержалъ!.. Досадно! подумалъ Катинъ, влюбленный по уши въ Рыбкину, но, по чувству врожденной скромности, не смѣвшій признаться въ этомъ чувствѣ. Въ душѣ онъ проклиналъ счастливаго своего соперника Тигрова, но съ виду былъ лучшимъ его другомъ. И этой дружбой онъ дорожилъ, потому что черезъ его посредство онъ узнавалъ обо всемъ, что творилось у Рыбкиной, которую Тигровъ навѣщалъ ежедневно».

Общелканный франтъ Клюововъ, не обращая вниманія на сцену, началъ громко переговариваться съ пріятелями, сидѣвшими отъ него черезъ нѣсколько человѣкъ, и даже черезъ рядъ...

Князь Тобольскій занялъ также свое мѣсто. Онъ уже давно не былъ въ театрѣ. Будетъ ли сегодня

танцовать Катя? думалъ онъ. Спросить совѣстно!.. Впрочемъ, въ этомъ дѣйствіи она никогда не была занята... Въ антрактѣ, взгляну на афишу въ буфетѣ, да при томъ и всевѣдущій Банкометовъ мнѣ разскажетъ про нее...

Князь разсѣянно началъ осматривать публику. Все было по старому. Перемѣнъ онъ никакихъ не нашелъ.

Въ первомъ ярусѣ, съ лѣвой стороны, возсѣдали все тѣже сестры-итальянки, пріѣзжія изъ Варшавы, очень любопытно одѣтыя; съ одной изъ нихъ переглядывался бородачъ Зубинъ, а съ другой одноглазка, козлище въ бѣлыхъ ботинкахъ...

Изъ инфернальной ложи выглядывали все тѣже кретины, полупредставленія сидѣвшіе задомъ къ сценѣ, или же занятые передачею различныхъ телеграфныхъ знаковъ, сидящимъ vis-à-vis артисткамъ...

Въ бель-этажѣ № 10, сидѣли по прежнему далеко не элегантныя дамы, съ подвязанными щеками и едва ли не грудными ребятами на рукахъ. Никто никогда не могъ объяснить, какъ могли эти грязныя фигурки попасть въ бель-этажъ, составляющій, извѣстно, достояніе одной аристократіи...

Во второмъ ярусѣ, на самой серединѣ, около царской ложи, окруженная пріятельницами, сидѣла цыганка-Анютка. На нее, въ бинокль изрѣдка поглядывалъ изъ третьяго ряда креселъ длинный, вытянувшійся баранъ, одѣтый постоянно въ одинъ и

тотъ же костюмъ, съ чернымъ шелковымъ платкомъ на шеѣ и безъ воротничковъ.

Тобольскій съ омерзѣніемъ взглянулъ на него.

«Эта гадина, также заглядывается на Катю! подумалъ молодой князь... Недавно даже похвалялся!.. Ну, да придетъ время, я его оборву...»

Тобольскій отвернулся отъ ложъ и началъ разсматривать сидящихъ въ партерѣ... Все тѣ же лица, которыя уже порядкомъ успѣли ему прискучить и намозолить глаза... Передъ нимъ прошла длинная вереница балетныхъ автоматовъ... Въ числѣ этихъ фигуръ особенное вниманіе обращали на себя, имѣющій видъ скопца, Сюлливанъ съ другомъ его абатикомъ.

Они не глядѣли на сцену, а довольно громко разсуждали между собою.

— Пріѣзжай же нынче къ *моей* въ рулетку играть, говорилъ Сюлливанъ.

— Непремѣнно, si la soeur ainée будетъ тамъ. Я въ нее страстно влюбленъ!.. отвѣтилъ абатикъ съ закрученными усиками...

— Постараюсь, чтобы была!.. Пріѣзжай только!..

— А много *твоя* тебѣ стоитъ? вопрошалъ абатикъ.

— Такъ влѣзъ въ долги, что въ пору хоть и бросать!—Впрочемъ у нее отъ старика Мануфактурскаго, да прежняго сокола-яснаго еще кое-что

осталось... Треплюсь кое-какъ! А наряды она любитъ страстно!..

«Вотъ я въ душѣ ихъ ругаю, размышлялъ Тобольскій; всѣ они ухаживаютъ и живутъ съ балетными, а чѣмъ же я лучше ихъ? Ничуть! Чего же я добиваюсь! того же что и они! Нѣтъ! не думаю; не хотѣлъ бы быть похожимъ нъ нихъ!.. у меня есть сердце!.. я еще могу полюбить и полюбить по человѣчески, а не по скотски...»

Его размышленія были прерваны вошедшимъ штатскимъ кавалеромъ, съ постоянной улыбкой на устахъ. Этотъ кавалеръ, изъ іерусалимскихъ дворянъ, имѣлъ привычку выходить изъ партера и снова возвращаться въ залу, покрайней мѣрѣ десять разъ во время представленія. Бывши домашнимъ учителемъ въ одномъ изъ знатныхъ домовъ онъ прельстилъ дочку своихъ благодѣтелей и женился на ней, взявши въ приданое солидные домики въ Питерѣ и въ Москвѣ. Такимъ путемъ, бывшій послѣдователь Моисеева закона попалъ въ почести, знатность и сдѣлался кавалеромъ... но, не смотря на пріобрѣтенное дворянство, любви и уваженія онъ не пріобрѣлъ; еврейскія замашки и іезуитскія наклонности остались при немъ. Единственное же отличіе его отъ обитателей Подъяческихъ улицъ заключалось въ томъ, что онъ не копилъ деньгу, а совершенно промоталъ состояніе жены, пустивши ее почти по міру...

— Неправда-ли, она прелестна! молиться на нее

надо! обратился іерусалимскій кавалеръ къ сидѣвшему рядомъ съ нимъ завсегдатаю Тетеркину.

Рѣчь шла о мальчишкѣ-артистѣ.

— Не раздѣляю вашего мнѣнія, отвѣтилъ Тетеркинъ, не стѣснявшійся въ выраженіяхъ и едва ли не единственный изъ балетныхъ абитюэ, понимавшій хореграфическое искусство и смотрѣвшій на него съ правильной точки зрѣнія.

— Нѣтъ, скажите, вѣдь она идеально хороша? вы понимаете искусство!..

— Вы просто влюблены въ нее! вотъ и восторгаетесь! а она танцуетъ слабо! понятія не имѣетъ объ танцахъ, продолжалъ Тетеркинъ. У меня нѣтъ предвзятыхъ идеаловъ. Что хорошо! то и хорошо! Должному— должное.

— Да вы похлопайте ей!.. еще разъ обратился перекрещенный дворянинъ. Я бы самъ похлопалъ, да мнѣ, вы знаете... въ свѣтлыхъ пуговицахъ... неловко!.. вотъ на репетиціяхъ и на сценѣ я ей хлопаю...

— Ну и хлопайте! коли вамъ нравится, а меня оставьте...

И кавалеръ, видя, что тутъ ничего не подѣлаешь, обратился съ сладенькой, но приторной улыбкой къ сидѣвшему въ уголкѣ Банкометову, дѣлая ему руками знаки, чтобы тотъ похлопалъ..

Банкометовъ, увидавши это движеніе, встрепенулся,

воззрился, распустилъ свои длани и принялся *жарить*...

Сидѣвшій позади кавалера, мозольный операторъ подхватилъ также, поглядывая искоса то на Скотоухова, кивавшаго ему одобрительно головою, то на свѣтлыя пуговицы кавалера...

«Всѣ тутъ! все знакомыя лица, разсуждалъ Тобольскій. Вонъ и горбатенькій около Банкометова, не даромъ затыкаетъ уши... хуже артиллерійскаго ученья съ пальбой...»

— Неужели же и горбатенькій за кѣмъ нибудь ухаживаетъ? спросилъ князь у Долгатина, охотника поиграть въ ланскнехтъ и влюбленнаго въ артистку-мальчугана...

— Уже давно ухаживаетъ!.. За кордебалетной... за Доновой!..

— Неужели!.. вѣдь она очень не дурна... совсѣмъ ему не пара!..

— Любовь не разбираетъ...

Въ первомъ ряду кто-то захлопалъ и сквозь зубы процѣдилъ: бррево, бррево!.. Танцовали «Iankée dedle...» Это былъ единственный танецъ, который заслуживалъ постоянное одобреніе со стороны этого хлопальщика. Впрочемъ ни для одной артистки, онъ никогда не портилъ своихъ перчатокъ; ѣздилъ въ балетъ едва-ли не двадцать лѣтъ, но все таки не могъ запомнить именъ русскихъ танцовщицъ...

— C'est Pauline! обращался онъ къ Барскому...

— Oui, c'est elle...

— Et cella—là... cette petite blonde? C'est Eugénie, продолжалъ онъ, дѣлая неправильныя ударенія на словахъ... O yes! o yes! c'est elle... Bravo Pauline!.. bravo Eugénie...

Въ томъ же ряду, совершенно сосредоточившись въ себя, сидѣлъ негоціантъ нѣмецкій, носящій графскую фамилію и ухаживающій за кѣмъ бы то ни попало, лишь бы субъектъ имѣлъ женскія тѣлеса. Но за то и обращался онъ съ этими тѣлесами какъ съ своею собственностью—подчасъ даже дозволялъ себѣ собственноручное рукоприкладство по лицу обидѣвшей его особы женскаго пола.—Иногда случались съ нимъ и такого рода казусы: подаритъ мебель или рояль, а тамъ и отниметъ.

— Батюшки! кого я вижу! опять начали таскаться въ балетъ! сказалъ Тобольскій, увидѣвши двухъ рядомъ сидящихъ инфантеристовъ.

— Вѣрно Кроликова занята нынѣшній вечеръ, вотъ они и пріѣхали.

— Почему-же они оба тутъ?

— Да, говорятъ, Кроликова ихъ обоихъ любитъ и уважаетъ...

— Да, не можетъ быть?

— Вѣрно!..

— Какъ-же они добились? интересовался Тобольскій, желавшій ознакомиться съ различными способами *ухаживанія*...

— Вообрази, не дальше какъ вчера, въ школѣ на репетиціи разсказывали про эту Кроликову такой курьезъ, что чудо!.. Бой дѣвчонка! всѣхъ провела!.. Imagines toi... она жила по выпускѣ у Сигизмундовны, а къ класной дамѣ началъ ѣздить одинъ изъ инфантеристовъ Лисицынъ; являлся каждый день... вздумалъ Кроликовой амурныя письма писать... та и покажи эти цидулки Сигизмундовнѣ... Ничего—поощрила! отъ чего же и не принять письма отъ жениха; вѣдь онъ женихъ твой!.. Обо всемъ этомъ узнала Короткоручка, ну и досталось всѣмъ; но поздно—было!.. Кроликова удрала и теперь живетъ съ Лисицынымъ...

— Ну а другой инфантеристъ?

— Тотъ по дружбѣ, къ Лисицыну, навѣщаетъ Кроликову...

— Однако поговариваютъ, что и онъ также...

— Конечно!.. также... это вѣрно... оба—два!...

— Но это гнусно! c'est vil!.. c'est bas!..

— Ничего;—уживаются!..

ГЛАВА XI.

Въ театральномъ буфетѣ.

Первое дѣйствіе кончилось... Занавѣсъ опустился... Весь партеръ поднялся съ своихъ мѣстъ и направился къ выходу. Одни спѣшили въ буфетъ, другіе же, толкая другъ друга, отправились въ корридоръ 2-го яруса ложъ поболтать и наговоритькучу. любезностей вышедшимъ изъ ложъ артисткамъ.

Князь Тобольскій, въ обществѣ хлыщей, направился въ буфетъ послушать различныя театральныя сплетни и поразузнать о Катѣ.

Большая часть публики тѣснилась и толкалась у самаго входа.

— Двѣ рюмки крымской?.. Петя выпей... Хватимъ!

— Валяй!.,

— Померанцовой!.. англійской!.. джину!.. да живѣе, только и раздавалось у прилавка.

Тобольскій едва протискался въ первую комнату. Публика изъ залы хлынула густою массою и стоявшіе у буфета водко-пійцы мѣшали другимъ проходить далѣе, такъ какъ «свѣтлана» и иная живительная влага раздавалась жаждущимъ у самой входной двери.

Слышался ропотъ непьющихъ.

— Почему не перенесутъ этой водки по другую сторону буфета... Давки по крайней мѣрѣ не будетъ... Да проходите же... Вы задавили... Это сущее наказаніе... Нашли, гдѣ продавать?.. У самой двери!. Что это никто не обратитъ вниманія на это безобразіе... При царѣ Горохѣ завели эти порядки и думаютъ, что ладно...

На право, у окошка, за маленькимъ столикомъ, пріютился небольшой человѣчекъ въ сѣренькомъ пиджакѣ, со стаканомъ пуншу въ рукахъ. Все «позлащенное» юношество было съ нимъ знакомо. Его величали не иначе, какъ Жаномъ. Главное занятіе Жана было ничего не дѣлать и пить un petit punch, которое онъ истреблялъ въ огромномъ количествѣ. Большую часть спектакля онъ просиживалъ въ буфетѣ за пуншемъ, разсказывая про свои похожденія. Онъ увѣрялъ, что былъ друженъ со всею петербургскою аристократіею и дѣйствительно, хотя дружбы особенной къ нему никто не питалъ, но всѣ любили его держать въ своемъ обществѣ, какъ веселаго собесѣдника и мастера выпить...

При видѣ Тобольскаго, Жанъ привсталъ.

— Mon prince, j'ai l'honneur...

— Ah! Jean! Bonjour! и не обративши на него особеннаго вниманія, князь подошелъ къ висѣвшей въ рамкѣ за стекломъ афишѣ. Ему хотѣлось узнать: танцуетъ-ли въ этотъ вечеръ Катя? Долго разсматривалъ онъ афишу, но не могъ добиться толку. Былъ вторникъ, а въ рамкѣ красовалась афиша спектакля, бывшаго еще наканунѣ.

«На кой же чортъ виситъ здѣсь эта рамка?» подумалъ Тобольскій, плюнулъ съ досады и отошелъ.

Курящіе мелкаго разбора медленно и безъ шуму пробирались въ комнату, спеціально назначенную для куренія. Не смотря на нѣсколько зажженыхъ газовыхъ рожковъ, въ ней царствовалъ таинственный полумракъ. Дымъ отъ табаку стелился по всей комнатѣ густыми облаками. Затянувшись, на скоро, папироской, каждый бросалъ ее съ негодованіемъ на полъ и протирая глаза, безпощадно съѣдаемые дымомъ, спѣшилъ выбраться изъ этой коптильни.

Курящіе же хлыщи пользовались особой привиллегій. Протискиваясь бочкомъ въ узкомъ проходѣ, между прилавкомъ и стѣной, они, гуськомъ, пробирались въ свою ими самими созданную курильню,— мѣсто сборища балетомановъ.

Но и въ этой привиллегированной коптилкѣ было не легче. Вмѣсто дыму густымъ столбомъ стоялъ

чадъ, выходящій изъ кухни. Въ этой курильнѣ было два отдѣленія; въ первомъ стоялъ небольшой столикъ, накрытый салфеткою, далеко не безукоризненной бѣлизны, и съ двумя стульями по сторонамъ. Тутъ же былъ спускъ по лѣстницѣ въ главную театральную кухню, гдѣ производилась по маскарднымъ днямъ стряпня; а на полкѣ стоялъ гигантскихъ размѣровъ самоваръ, способный удовлетворить чайный аппетитъ по крайней мѣрѣ четырехъ или пяти московскихъ купеческихъ семействъ съ чадами и домочадцами. На лѣво вела дверь во второе отдѣленіе; это была не большая, грязная, неубранная кухня, съ дымящеюся плитою и развѣшаннымъ на веревкахъ просушивающимся бѣльемъ... Эта-то кухня была любимымъ мѣстомъ, куда гурьбою стекались «выжимки», «сметана» хлыщей; сюда они собирались въ антрактахъ для передачи свѣжихъ впечатлѣній, навѣянныхъ текущимъ спектаклемъ, ни мало не стѣсняясь въ выраженіяхъ, и для краснаго словца, попирая безпощадно честь балетныхъ артистокъ, забывая въ тоже время, что у нихъ самихъ есть матери, жены, сестры, а у иныхъ даже и взрослыя дочери, въ случаѣ обиды которыхъ, они первые, взъерошивши свою гриву, не преминули бы вооружиться, хотя картонными, но все таки мечами.

Наконецъ, послѣ долгихъ усилій, Тобольскій пробрался въ отдѣленіе съ самоваромъ-левіофаномъ.

Балетные кретины и «исты» различныхъ оттѣн-

ковъ стояли плотною кучкою, дымя папиросами. Тутъ были: пылкіе и хладнокровные донъ-жуанчики, опытные и неопытные ловеласы, марсики и рабчики, каски и цилиндры, тузы и двойки, тугонабитые карманы и пустыя головы и, наоборотъ, пустые карманы и набитыя «золотомъ» головы.

Тобольскій искалъ глазами Банкометова, съ которымъ онъ хотѣлъ поговорить о Катѣ и разузнать, не произошло-ли какихъ перемѣнъ въ ея житьѣ-бытьѣ.

За столомъ сидѣлъ толстопузый, лысый, съ чисто-выбритою бородою, старикъ, давно уже выжившій изъ ума и для котораго старательно приберегалась вакансія на одинадцатой верстѣ, гдѣ ожидали его скораго прибытія въ желтый домъ.

Покуривая папиросу, старецъ пыхтѣлъ и отдувался отъ тучности. Любимою темою его для разговора было куреніе фиміамомъ Скотоухову и восхваленіе его душевныхъ качествъ и геніальныхъ способностей. Съ Скотоуховымъ онъ былъ закадычнымъ пріятелемъ и выслушивая все, что говорилось въ партерѣ и буфетѣ, считалъ священною обязанностью передавать все своему пережевывающему патрону, передъ которымъ онъ разыгрывалъ роль лакея временъ отжившаго крѣпостнаго права... Понятно, Скотоуховъ, любитель наушничества, былъ за то признателенъ...

— Пуфъ! пуфъ!.. Скотоуховъ—душа, а не человѣкъ!.. повторялъ полусумасшедшій старецъ.

— Полно! такъ-ли? спрашивали его окружавшіе хлыщи.

— Совершенно вѣрно-съ, подхватилъ артистъ Комиковъ. Особое уваженіе заслужилъ.

— Даже, вообразите, продолжалъ старецъ, все семейство его обожаютъ: не такъ давно, даже воспитанницы училища прислали дочкѣ его къ празднику конфектъ... Такой чести, не заслуживши, не добьешься...

— Какія конфекты?.. интересовался Толстяковъ, навострившій уши.

— Самъ былъ свидѣтелемъ... На праздникахъ захожу въ школу, продолжалъ Комиковъ, какъ разъ попалъ въ то время, какъ воспитанницъ обдѣляли конфектами... каждый годъ посылаютъ... Всѣ эти сласти Короткоручка высыпала на громадный подносъ; около нее Сигизмундовна такъ и юлитъ... Вотъ эту, говоритъ, въ особую коробочку, и эту также, а вотъ еще... еще... и такимъ образомъ было выбрано болѣе четырехъ фунтовъ самыхъ лучшихъ и вкусныхъ конфектъ.—Кому-же это вы отбираете? спросилъ я...

— Извѣстно кому... дочкѣ Скотоухова, съ новымъ годомъ поздравить...

— Ну что-же и послали?.. спросилъ Толстяковъ.

— Послали.

— Приняла?

— Приняла... еще бы не принять?.. такой чести никто, кромѣ, Скотоухова еще не заслужилъ... лю-

бятъ, значитъ, и уважаютъ, заключилъ, пыхтя, старецъ.

— Ваше сіятельство, позвольте вручить! обратился къ Тобольскому одинъ изъ прислуживавшихъ въ буфетѣ, подавая ему карточку.

Князь взялъ карточку и прочелъ. На ней было написано: «съ новымъ годомъ, поздравляетъ «Носъ».

— Да новый годъ уже прошелъ!

— Это все равно-съ! Всѣмъ господамъ уже роздалъ, а вашего сіятельства я еще не лицезрѣлъ-съ.

— На, возьми, рубль.

— Благодаримъ покорно-съ.

И рублевая бумажка опустилась въ карманъ «Носа».

— Ѳедоръ! флаконъ! да похолоднѣе!.. кричалъ изъ кухни юный золотопромышленникъ, одинъ изъ возсѣдающихъ въ инфернальной ложѣ.

Эти господа, что сидятъ въ инфернальной, называютъ свою ложу: la fausse aux lions...«Пустяки, подумалъ Тобольскій, юны, еще грива не отросла... c'est la fausse aux lionceaux...»

— Сейчасъ, ваше сіятельство!.. суетился кривой Ѳедоръ съ рыжей бородой и въ красной рубашкѣ.

— Не за свое дѣло берешься, огрызались на Ѳедора лакеи, Носъ и Дмитрій; ступай лучше мороженное крути; чего толкаться, хозяину скажемъ...

Но Ѳедоръ настоялъ на своемъ; досталъ бутылку

редереру, поставилъ на подносъ нѣсколько маленькихъ стакановъ и подалъ на кухню.

Флаконъ духомъ былъ роспитъ.

На кухнѣ прибавилось еще новое лицо. Вошелъ молоденькій, съ пунцовыми, пухленькими щечками, офицерикъ закатистый, удалой...

— А! Мотька! послышалось съ разныхъ сторонъ. Выпей стаканъ! мы уже третій флаконъ валяемъ...

— Валяйте, ребята!.. отвѣтилъ Мотька, пожимая руки товарищамъ.

Офицерика этого всѣ знали подъ именемъ Мотьки; а почему ему было придано это прозвище, большинство игнорировало, да и не добивалось узнавать его происхожденія. Прозвали его Мотькой; такъ всю свою жизнь, даже и въ крупныхъ чинахъ, суждено ему остаться Мотькой.

Вошелъ Банкометовъ.

— На пару словъ! обратился къ нему Тобольскій и отвелъ его въ сторону.

— Не слыхалъ-ли чего новенькаго про Катю?

— Какъ, не слыхать?.. многое... многое!..

— Да говори-же! Она танцуетъ сегодня?

— Танцуетъ... а у самой котята на сердцѣ скребутъ... Мать то умираетъ, а дочька пляшетъ... Это вѣрно.

— Да отъ кого ты узналъ?

— Отъ Безумова... Да подожди, дай папиросу закурить, все разскажу... при народѣ неловко...

послѣ, когда разойдутся отсюда... Теперь, навѣрняка тебѣ говорю, устроимъ, будь благонадеженъ, устроимъ...

Банкометовъ отошелъ. Тобольскій покраснѣлъ какъ ракъ. Кровь хлынула ему въ лице; сердце забилось неровно, и только стаканъ выпитой имъ зельтерской воды привелъ его въ порядокъ. Онъ поспѣшно вынулъ изъ кармана платокъ и отеръ выступившія капли пота. Онъ боялся, чтобы его волненіе не было замѣчено.

Поправляя свой кургузый пиджакъ, въ смрадную кухню влетѣлъ совершенно изломанный Клюововъ, передергивая всѣми мускулами на лицѣ, такъ что ротъ его и глаза, то сливались съ носомъ, то мгновенно отскакивали отъ него. Въ этотъ моментъ Клюововъ былъ поистинѣ великъ своимъ ничтожествомъ, и обезьяны изъ породы мандриловъ съ распростертыми объятіями приняли бы этого кретина въ свою родственную семью.

— Bonjour, cher!... здравствуй... bonjour!.. тараторилъ общелканный франтъ.

— Да говори тише, на тебя обращаютъ вниманіе! обратился къ нему Барскій.

— А пускай! еще громче буду горланить... je m'en fiche!

— Да не ори же!

— А посмотри, какой я мунштучекъ купилъ... голова зуава... чудо! неправда-ли, хорошо сдѣлана?

спросилъ Клюововъ, показывая мунштучекъ въ футлярѣ.

— Да, не дуренъ... спасибо! я его беру себѣ...

— Какъ себѣ? Ты у меня уже отобралъ нѣсколько мунштуковъ; почти каждый вечеръ покупаю новый и непремѣнно отнимутъ... Впрочемъ, возьми.

— Ну, то-то... еще разсуждать вздумалъ, Клювъ ты этакой! Ты для того только и созданъ, чтобы надѣлять насъ мунштуками. Не я возьму, такъ другой отберетъ—все равно.

— Et, Мотька, viendra сегодня chez elle?

— Непремѣнно пріѣду, ни одного вечера не манкирую... Пріѣзжай, въ гусекъ поиграемъ,—отозвался юный Мотька.

— Въ гусекъ?.. c'est très весело... пріѣду, просвистѣлъ Клюововъ, издавши при этомъ какіе то неопредѣленные звуки.

— Шутъ ты гороховый! усовѣщевалъ въ другомъ углу Коротконогій друга своего Ярышкина, прислонившись къ плитѣ. Я слышалъ,—ты вчера въ оперѣ на семьсотъ рублей букетовъ поднесъ. Неужели правда?

— Правда. А что? спросилъ Ярышкинъ.

— Приберегъ-бы эти цвѣты для нашихъ, для балетныхъ. Тамъ, въ оперѣ, не разговѣешься. По тридцати тысячъ жалованья получаютъ. Тамъ букетами не удивишь, толку не добьешься...

— Что правда, то правда! — подхватилъ Банко-

метовъ:—умныя рѣчи хорошо и слушать. За это люблю. У насъ вольготнѣе... наши русскія попроще... самимъ-подъ часъ жрать нечего... По неволѣ...

Хотя Банкометовъ и не договорилъ своей мысли, но всѣ ее поняли и одобрили громкимъ ржаніемъ...

— Да не горячитесь... и на балетъ хватитъ... не ударю лицемъ въ грязь, въ тысячу рублей закачу букетъ... если мало, могу и больше, особенно теперь, когда началъ пріударять за Безстыжей.

— Вотъ такъ молодецъ! наускивалъ Банкометовъ:—надо имъ носъ утереть; ввинчивай, дружище... вотъ люблю, и за это балдарю, балдарю—спасибо!

— Чеаекъ! Митгій? юмку коньяку, майенькій кусочекъ йимону и сахару! — процѣдилъ сквозь тубы безусый хлыщь, откидывая борта на фракѣ и засунувши большой палецъ лѣвой руки подъ мышку.

— Ну, а что, какъ твои йимуры?—спросилъ онъ у плотнаго ротмистра Толстопузина.

— Ничего... подвигаются... только тихо!.. все не клеится...

— А ты не скупись, перебилъ его черноусый жукъ,—ишь ловкій какой, на шармака вздумалъ!..

— Какое на шармака! На дняхъ пикникъ устраивалъ... за городъ ѣздилъ... пропасть денегъ истратилъ...

— Знаю, братъ, эту пропасть!.. рублей двадцать пять... Ты у насъ скряга извѣстный... Не даромъ-

же говорятъ, что ты деньги на животѣ носишь... Экъ вѣдь расперло!

— Претъ! претъ! подхватилъ Банкометовъ, и потрепалъ ротмистра по животу, оскаливши при этомъ зубы.

— Ну, не шалите господа! Шутники вы, право... Вы послушайте, я вамъ лучше новость разскажу... навѣрно не слыхали...

— Новость! новость! засуетились хлыщи, окруживши Толстопузина.

— Считаю излишнимъ говорить, за кѣмъ я ухаживаю, то есть, лучше сказать, кого я *добиваюсь*...

— Знаемъ, знаемъ,—продолжай!

— Ну, такъ вотъ въ чемъ дѣло. На пикникѣ, съ нами была Шляпкина и разсказала намъ преуморительную исторію про бывшаго фигуранта Шваля, наушника Скотоуховскаго. Онъ вздумалъ было жениться...

— Позвольте, я вамъ лучше разскажу эту исторію: мнѣ все это дѣло доподлинно извѣстно, перебилъ Толстопузина вошедшій Безумовъ во фракѣ и въ развеселомъ расположеніи духа.

— Выпейте прежде коньяку! затараторили нѣсколько голосовъ.

— Это могу.—Дмитрій! большую рюмку коньяку, безъ лимону и безъ сахару.

Безумовъ опрокинулъ рюмку въ свою бездонную глотку.

— Еще коньяку?

— И это могу. Дмитрій, подноси и угощай!.

Безумовъ, не поморщившись, проглотилъ и вторую рюмку.

— Ну, теперь, разсказывайте; послѣ еще выпьете...

— Продернемъ-съ!.. Это они правду говорятъ, г. Толстопузинъ; бывшій мой же товарищъ Шваль, что теперь при Скотоуховѣ въ наушникахъ служитъ, и вздумалъ обкружиться съ Шляпкиной; та еще въ воспитанницахъ числилась.. Провѣдалъ лопоухой про эту любовь и началъ преферансъ оказывать Шляпкиной... на большой окладъ выпустилъ ее... Однако Швалю не поздоровилось... отецъ Шляпкиной носъ ему наклеилъ и подалъ карету... Шваль духомъ не упалъ и зачалъ по купцамъ таскаться... такую машину подвелъ, что одна купецкая дочка и влюбилась въ него. Посватался... Мать то видитъ, что дочь на стѣны лѣзетъ... дѣлать нечего, согласилась... только прежде, чтобы узнать, взаправду ли Шваль полюбилъ ея дочь... на хитрость пустилась. Очень молъ рада, говоритъ, я согласна — но только мы люди бѣдные, неимущіе... капиталъ еще покойникъ тятенька прожить изволили, такъ приданнаго не ожидайте. Шваль, такъ и ошалѣлъ — съ тѣхъ поръ въ домъ купчихи ни ногой... а черезъ мѣсяцъ, дочька то вышла замужъ, да за ней 60 тысячъ и отвалили... Рветъ, теперь, голубчикъ, на себѣ волосы... да поздно! И по дѣломъ ему, анаѳемѣ!.. одно слово,

доносчикъ, прихвостень, лизунъ Скотоуховскій... Всѣ изъ нашихъ терпѣть его не могутъ..,

— Теперь, Безумовъ, выпейте водочки!..

— И это могу-съ!.. а то грустно что-то!.. Митя! дайка стаканчикъ, а то что этими рюмочками-то баловаться...

Съ какимъ-то остервѣненіемъ, Безумовъ въ два пріема проглотилъ поданный ему стаканчикъ очищенной. Одинъ только лѣвый его глазъ заморгалъ чаще обыкновеннаго.

Во время разсказа Безумова, въ другомъ уголкѣ, около самой плиты, происходилъ оживленный разговоръ объ открывающихся вакансіяхъ, о производствѣ въ слѣдующіе чины, и о томъ, можетъ ли дежурный офицеръ увольнять въ отпускъ солдатъ, безъ согласія на то старшаго вахмистра.

По поводу разрѣшенія послѣдняго вопроса въ особенности горячился Мотька.

— Можетъ отпускать, я утверждаю, что можетъ, на то онъ и дежурный, кипятился Мотька.

— Ты извѣстный спорщикъ!.. молчи лучше, я, слава Богу, четыре года на службѣ, знаю всѣ порядки... дисциплину знаю; а ты лучше скажи, когда ты былъ юнкеромъ, отдавалъ-ли ты честь старшему вахмистру своего эскадрона? спрашивалъ его одинъ изъ марсиковъ.

— На эту удочку меня не поддѣнешь! конечно,

хотя я и столбовой дворянинъ, но вахмистру честь отдавалъ, бывши юнкеромъ...

— Ну молодецъ!.. спасибо!.. посмотрика на Бурлина... опять въ грязной венгеркѣ; сейчасъ видно, что изъ университета... эти университетскіе вѣчно отличаются своимъ неряшествомъ...

— Je ne comprends pas, какъ это ему позволяютъ...

— Однако пора, господа, начинаютъ...

— Завтра заѣзжайте ко мнѣ пораньше, обратился Тобольскій къ уходящему и уже совершенно пьяному Безумову... порученіе есть... благодарность получите...

— Прилечу, ваше сіятельство! для васъ въ огонь и въ воду... а на прощаніе, я бы по хересамъ, съ удовольствіемъ, прошелся...

— Пройдитесь... Ѳедоръ, подай! я заплачу... только не забудьте, пріѣзжайте...

— Сказалъ, что прилечу... вы знаете, я никогда не обманывалъ...

И Безумовъ вышелъ изъ кухни, направивши свои стопы къ буфету, чтобы пройтись по хересамъ.

Мало по малу, комнатка и кухня начали пустѣть. Одинъ за другимъ хлыщи пробирались на свои абонированныя кресла, останавливаясь въ буфетѣ передъ зеркаломъ, чтобы поправить прическу лежавшею тутъ же грязною щеткою...

Нѣмецъ Чемодановъ, квинтъ эссенція хлыща, выходилъ въ сопровожденіи испанца Малюты и Сере-

брянскаго, разсуждая о болѣзни пріѣзжей балерины. Къ нему приставалъ Черномазенькій:

— Я тебѣ вѣрно говорю, по всему городу разсказываютъ, что ты вчера на колѣняхъ стоялъ передъ своимъ дядею банкиромъ и умолялъ его заплатить за тебя долги. Воображаю тебя... на колѣняхъ со слезами на глазахъ... Трогательная картина...

— Ради Бога не разсказывай этого никому... не подрывай кредита... шепталъ ему на ухо Чемодановъ, поправляя свои рыжіе бакенбарды... les femmes, mon cher... что же дѣлать?..

Наконецъ всѣ разошлись и въ кухнѣ остался Тобольскій съ Банкометовымъ.

— Ну, теперь мы одни... разскажи, въ чемъ дѣло? спросилъ князь.

— Разсказывать не долго .. мать ея больна при смерти... недавно Катѣ дѣлалъ предложеніе одинъ изъ артистовъ, Бѣляковъ... ему отказали... старуха отъ того и слегла въ постель... Катя о тебѣ сильно думаетъ и мечтаетъ... не даромъ же она Бѣлякову отказала... что нибудь да значитъ... только не оплошай, куй желѣзо, пока горячо?.. А то отобьютъ какъ разъ... на нее многіе давно точатъ зубы... вѣдь красавица...

— Кто-же это?..

— Бинокля съ нее не сводитъ этотъ длинный изъ третьяго ряда.

— Кто такой? я его не знаю.

— Баранъ, вытянувшійся какъ спичка... Хотя всѣ балетныя терпѣть его не могутъ, иначе не-называютъ, какъ: фи! какой гадкій!.. но, дьяволъ, богатъ .. деньгами засыплетъ... У него десятокъ содержанокъ сразу... и пучеглазая Анютка—цыганка, и всевозможныя француженки... на женщинъ денегъ, старая бестія, не жалѣетъ... всѣмъ любовницамъ въ своихъ домахъ даромъ квартиры отводитъ... получаетъ съ нихъ натурою... съ нимъ братъ держи ухо остро... надо поспѣшить... хоть онъ и фи! фи!.. а тягаться трудно... за каждое непріятное для него словечко, сейчасъ къ высшему начальству жаловаться лѣзетъ... и ничего, уважаютъ!.. богатъ, чортъ!

— Ты говоришь, мать лежитъ больная? нельзя-ли имъ помочь чѣмъ нибудь... можетъ быть нуждаются: я денегъ пошлю...

— Эка дура—голова... не возьмутъ...

— Ну, доктора что-ли послать и заплатить ему заранѣе... я это устрою деликатнымъ образомъ...

— Чертова ты кукла!.. зачѣмъ-же доктора?.. безъ доктора лучше... выздоровѣетъ—хорошо... а не выздоровѣетъ, одной перегородкой меньше... понимаешь...

— Нѣтъ, братъ, какъ хочешь, а я доктора...

— Ну дѣлай, какъ знаешь... только послѣ не кайся!

И Банкометовъ выдулъ изъ мундштука окурокъ папиросы и вышелъ изъ кухни. Въ буфетѣ онъ столкнулся съ горячо разсуждавшими Тетеринымъ и

штатскимъ кавалеромъ, съ неизмѣнной, самодовольной улыбкой на устахъ.

Буфетъ совершенно опустѣлъ. Послѣднимъ вышелъ Тобольскій, соображая, что ему дѣлать и какимъ образомъ удобнѣе оказать помощь Катѣ и ея больной матери.

«Впрочемъ, можетъ Банкометовъ и вретъ, подумалъ онъ. Завтра переговорю съ Безумовымъ и улажу все дѣло, чтобы было только шито, да крыто...»

Но Банкометовъ не вралъ; Прасковья Ивановна была дѣйствительно при смерти, а дочька ея выдѣлывала различные антраша и танцовала въ балетѣ, вынужденная улыбаться и веселиться, по неволѣ... Но улыбки и смѣхъ ея были горькимъ смѣхомъ... смѣхомъ сквозь слезы...

ГЛАВА XII.

Любовь фигуранта.

Катя жила съ матерью въ одной изъ глухихъ улицъ Семеновскаго полка. Обстановка ихъ квартиры была далеко не роскошная. Онѣ занимали двѣ небольшія комнаты съ темной передней и не менѣе темной кухней. Первая комната служила и пріемною и столовою; во второй же комнаткѣ старуха съ дочерью отдыхали отъ дневныхъ трудовъ по театру и хлопотъ по небольшому хозяйству.

Прасковья Ивановна, бывшая содержательница моднаго магазина, уже почти годъ закрыла свое заведеніе и вынуждена была довольствоваться исключительно однимъ жалованьемъ Кати. Сравнительно съ другими артистками, жалованье ея было довольно большое: она получала 400 рублей; но денегъ этихъ едва хватало на удовлетвореніе первыхъ насущныхъ потребностей. При всеобщей же дороговизнѣ жизненныхъ припасовъ въ столицѣ, въ мирную обитель Прасковьи Ивановны подчасъ начала заглядывать и нужда-злодѣйка.

Катя отдавала матери все свое содержаніе и не знала счету деньгамъ. Да, и обвинить ее въ этомъ нельзя: она этой наукѣ не училась. Въ школѣ ее не готовили для жизни, которою живутъ обыкновенные смертные. По выходѣ изъ училища, она вступила на житейскую дорогу, не подозрѣвая, что путь этотъ подчасъ бываетъ усѣянъ терніями... ей же сулили однѣ розы и фіалки. Теперь учиться чему бы то ни было казалось ей поздно, да и не къ чему... Старуха — мать заботилась о всѣхъ ея нуждахъ и по возможности старалась предупредить малѣйшія ея желанія... притомъ же Катя и не подозрѣвала, что въ ихъ хозяйство могла вкрасться нужда...

Прасковья Ивановна иногда кряхтѣла, да вздыхала, считая гроши, но тщательно скрывала отъ дочери недостатки, не желая омрачать и безъ того

непригляднаго житья своего дѣтища. Отказывая себѣ рѣшительно во всемъ, она только и помышляла о дорогой своей дочери...

О нарядахъ и роскошныхъ туалетахъ, на которые такъ падокъ балетный мірокъ, не могло быть и рѣчи, потому Катя—солистка, хотя и была одѣта всегда опрятно, но за неимѣніемъ «*шелковъ и бархатовъ*» чуждалась своихъ подругъ и поневолѣ избѣгала всякихъ приглашеній на вечера, банкеты и пикники, устраиваемые различными балетными соглядатаями.

При видѣ своихъ товарокъ по искусству въ бриллiантахъ и кружевахъ, Катя начинала иногда мечтать о богатствѣ. Ей также хотѣлось блеснуть и похвастаться туалетомъ. Постоянныя столкновенія съ балетными начали вліять на ея мягкое сердце; въ немъ стали развиваться чувства, которыя прежде были недоступны его пониманію... но, пока, ее спасали самолюбіе и гордость, которыми она отъ природы была одарена въ значительной степени...

Въ училищѣ, міръ красуется воспитанницамъ такими свѣтлыми и яркими красками, такъ влечетъ и манитъ ихъ въ свои гостепріимныя объятія, что юныя питомицы музъ считаютъ самымъ высшимъ блаженствомъ отдѣлаться поскорѣе отъ *противнаго* для нихъ заведенія и поспѣшить въ такъ называемый свѣтъ, чтобы всецѣльно предаться удовольствіямъ жизни... Потребность этой жизни выражается у нихъ

гораздо сильнѣе, чѣмъ у дѣвушекъ, которыя воспитываются подъ кровомъ родительскимъ... Но, вотъ наступаетъ переходъ изъ училища въ домъ отчій и разочарованіе бьетъ и давитъ безъ пощады на каждомъ шагу... Что ни минута, пройденная въ этомъ *радужномъ* свѣтѣ, то новый фазисъ грустнаго разочарованія...

Такъ случилось и съ Катей... Изъ темницы, она попала въ монастырь.

Находясь въ постоянномъ затворничествѣ, Катя жила чисто монастырскою жизнью. Прежнія мечты ее о болѣе приглядной и цѣлостной жизни, по выходѣ изъ училища, разсѣялись какъ дымъ. Не имѣя знакомыхъ и видя постоянно около себя мать — старуху, да фигуранта Бѣлякова, юная Катя только танцовала, ѣла, пила и спала... Ни одной книги, ни одного живаго, симпатичнаго слова не слыхала она... И если это особенно ее не печалило, то кого можетъ обвинить читатель, кромѣ извѣстныхъ, даже самому невнимательному, — обстоятельствъ, ставящихъ нашу балетную артистку въ несовсѣмъ высокую ступень въ отношеніи нравственнаго развитія...

Какъ хотите, а при такомъ положеніи даже и самыя нравственныя и чистыя побужденія и чувства пошатнутся...

Отъ постояннаго бездѣйствія дома, въ Катѣ родилась скука и тоска. Это постоянное уныніе засѣло такъ глубоко въ ея натуру, что оно отразилось на

всемъ ея организмѣ: она сдѣлалась молчаливою, несообщительною и даже прежній румянецъ на щекахъ началъ пропадать... Живя скромно и не выѣзжая изъ своихъ четырехъ стѣнъ никуда, кромѣ театра, Катя чувствовала вѣчное одиночество. Любовь матери и частыя посѣщенія Бѣлякова не были въ состояніи пополнить пробѣловъ въ жизни.

Не высказываясь матери, которая не въ силахъ была разъяснить состояніе духа своей дочери, Катя ожидала другой, болѣе цѣлостной жизни. Она жаждала, чего-то лучшаго; но, по своей неразвитой натурѣ, не могла дать себѣ отчета: въ чемъ же заключается это *лучшее*?..

Понятно она домогалася свободы, но не сознавала, что это повидимому небольшое словечко изъ семи буквъ дается очень не легко и для достиженія его требуются жертвы, подчасъ даже очень крупныя, смотря по тому какъ къ нему приступишь...

Иногда, возвратившись изъ театра и увидавши на подъѣздѣ князя Тобольскаго, который отвѣшивалъ ей низкій поклонъ, она долго лежала въ постели и не могла заснуть, стараясь привести въ порядокъ неясныя и безсвязныя мысли...

— Вотъ я завидую и Орловой, и Маринымъ и многимъ, и многимъ, думала Катя; онѣ всегда разряжены, веселы... какъ видно, на душѣ у нихъ легко... а у меня точно гири какія то на сердцѣ... только и отдыхаю, когда въ театрѣ, а вернешься домой...

тоска... но неужели вся ихъ жизнь заключается въ тряпкахъ, подаркахъ, букетахъ?.. Подарки?.. правда, очень пріятно!.. Но нѣтъ, не можетъ быть!.. Есть въ жизни что нибудь *такое*, что гораздо пріятнѣе...

Въ чемъ же состоитъ это «*такое*», она выяснить не могла.

— Князь Тобольскій? спрашивала она себя; кто онъ?.. Всѣ какъ шмели жужжатъ мнѣ въ уши; онъ влюбленъ въ тебя, онъ безъ памяти отъ тебя... а ты ему не отвѣчаешь... Но какъ же мнѣ отвѣчать ему?.. развѣ я его знаю!.. Мама говоритъ, онъ не можетъ тебя любить... такъ только!.. Разъ, было, затѣяла съ ней разговоръ; куда?... и слышать не хочетъ... на порогъ, говоритъ, не пущу... а сама ничего не объясняетъ... Неужели же онъ такой гадкій и не способенъ полюбить и привязаться?... Не вѣрю этому: Онъ такъ хорошъ собою!.. а какіе букеты подноситъ!...

— И сердчишко Кати, при одномъ воспоминаніи о Тобольскомъ, начинало биться сильно и неровно. Во всемъ организмѣ ея совершался непонятный для нее переворотъ... Прежде бывало, она сама не могла слышать равнодушно о князѣ... Теперь же, видя его постоянныя и неотступныя, хотя и молчаливыя преслѣдованія, натура Кати начала понемногу гнуться въ его пользу...

Всѣ разговоры о немъ съ матерью только еще

болѣе раздражали Катю, которая начала уже твердить, что мама напрасно осыпаетъ его незаслуженною бранью... Все это повело только къ тому, что прежняя искренность отношеній матери и дочери поколебалась..

И послѣ каждаго такого разговора, какъ свѣтлое, но вмѣстѣ съ тѣмъ страшное привидѣніе, въ ея воображеніи рисовался новый сфинксъ, въ образѣ князя, котораго не въ силахъ былъ разгадать юный и недоразвитой умъ Кати.

Любить?—она его не любила... А тутъ то и случилось именно то, что всегда случается съ неразвитыми дѣвушками... Онѣ всегда обращаютъ вниманіе и имъ нравится тотъ, кто на нихъ больше обращаетъ вниманіе и кто занимается ими...Если же этотъ «*кто*» еще притомъ плодъ запретный, то почти заранѣе можно предсказать участь и дальнѣйшій исходъ этого амурнаго дѣла...

Ничуть не странно, что Катя, одаренная душой теплой и воспріимчивой, была благодарна Тобольскому за его букеты, подносимые на сценѣ и за вниманіе, которое онъ постоянно оказывалъ бѣдной танцовщицѣ. Она питала къ нему даже нѣчто болѣе благодарности; въ ея сердце закралось какое-то особенное чувство, которое начинало выражаться желаніемъ отблагодарить его за всѣ сдѣланныя одолженія... Въ головѣ ея роился цѣлый рядъ непро-

шенныхъ мыслей: она искала случая, чѣмъ бы отблагодарить ему...

Этотъ случай не заставилъ себя долго ждать...

Съ своей стороны, Прасковья Ивановна также начала призадумываться надъ постояннымъ молчаніемъ Кати. Сердце старухи не знало покоя. Какъ ядовитая змѣя, ее грызла тоска...

— Чуетъ мое сердце горе! предстоитъ мнѣ тяжелое испытаніе. Не даромъ, Катя такая грустная!.. вѣрно задумала что нибудь... Господи! зачѣмъ отдавала ее въ этотъ театръ, въ эту каторгу!... Отберутъ, навѣрное отберутъ злые люди мою дочьку... Недаромъ она невеселая...

Самая горестная въ мірѣ разлука, это разставаніе матери съ единственнымъ своимъ дѣтищемъ. Прасковья Ивановна предчувствовала возможность подобной разлуки, и это то мрачное предчувствіе, какъ тяжелый камень, ложилось на душу доброй старушки. Тоска ея тѣмъ сильнѣе отражалась на разболѣвшемся сердцѣ, чѣмъ болѣе оно сознавало, что могущая быть разлука готовитъ самыя страшныя испытанія.

Есть люди, утверждающіе, что предчувствія чистѣйшій вздоръ,—однѣ грезы разстроеннаго воображенія, но Прасковья Ивановна не принадлежала къ категоріи этихъ людей: она вѣрила въ предчувствія и они рѣдко ее обманывали...

Лучшее лекарство въ ея душевной истомѣ были

слезы. Встанетъ утромъ, пока Катя еще спитъ и отправится старуха на кухню; бросится тамъ на колѣни передъ иконою, рыдаетъ и забываетъ наконецъ даже о чемъ она молитъ заступницу сирыхъ и немощныхъ. Только послѣ долгой молитвы, въ ея душу проникалъ слабый лучь надежды и тогда старуха успокаивалась и принималась за стряпню, или начинала грѣть утюги, для разглаживанія танцовальныхъ *тюниковъ*.

— А хорошо бы выдать мнѣ Катю замужъ, думала Прасковья Ивановна; а то въ этомъ омутѣ, прости Господи, не убережешься? Будетъ мужъ, пускай самъ и присматриваетъ, а то, гдѣ уже мнѣ, старухѣ!.. Позабыла-бъ я свое горе! душенька моя не изнывала-бы, какъ теперь!.. Лишь бы пристроилась, да счастлива была! Хотя бы за бѣднаго вышла!.. Вонъ, Бѣляковъ, души въ ней не чаетъ. Не даетъ мнѣ проходу!.. Переговорите, все проситъ, на счетъ любви моей и законныхъ узъ!.. Чтоже? человѣкъ онъ хорошій! Не пьющій!.. Чего-бы лучше? съ голоду не помрутъ. Я перечить бы не стала. Кажется и онъ ей не противенъ. Хоть и не особенно долюбливаетъ она его; да ничего! выйдетъ за мужъ: свыкнется, слюбится!.. А мнѣ бы только радоваться да внучатъ нянчить!..

Размышляя такимъ образомъ, Прасковья Ивановна рѣшилась не откладывать болѣе этого дѣла въ дол-

гій ящикъ и хотѣла при первомъ удобномъ случаѣ серьезно переговорить съ дочерью о замужествѣ.

— Голубчикъ Катя! обратилась къ ней старуха Съ нѣкоторыхъ поръ, я замѣчаю, ты сдѣлалась скучная, молчаливая! что съ тобою?.. нездорова, что-ли?..

— Нѣтъ, мама! это такъ!.. ничего!..

— Какъ ничего?.. ты вѣрно скрываешь что нибудь отъ меня!..

— Нѣтъ!.. право-же ничего!..

Старуха замялась. Она не знала, какъ бы деликатнѣе приступить къ щекотливому разговору.

— Знаешь что, Катя!... Тебѣ уже девятнадцать лѣтъ... пора тебѣ уже и замужъ!.. Я вотъ по шестнадцатому вышла...

— Что это вы, мама, вздумали говорить?.. уже не нашли-ли мнѣ жениха? спросила Катя улыбаясь.

— А если и нашла?.. ты бы рада была...

— Полноте, мама, вы шутите!.. А интересно знать, я видала этого жениха?

— Какъ-же знакома и даже очень!.. Онъ безъ ума отъ тебя... Каждый день все пристаетъ ко мнѣ, дѣлаетъ предложеніе...

— Знакомъ?.. Неправда, мама!.. съ кѣмъ-же мы знакомы?.. Къ намъ ни одинъ мущина и не ходитъ... Бываетъ только этотъ смѣшной Бѣляковъ... да онъ, развѣ мущина?...

Прасковья Ивановна замолчала. Она слишкомъ

любила добряка Бѣлякова, что не хотѣла поднимать его на смѣхъ. Послѣ нѣкотораго молчанія, она собралась съ новыми силами и рѣшилась высказаться своей дочери.

— Ты уже на возрастѣ, дитя мое!... Въ театрѣ, на сценѣ, и то уже начали ходить про тебя разные дурные слухи!..

— Что-же могли сказать про меня?.. съ волненіемъ спросила Катя.

— Мало-ли что говорятъ злые люди!.. Кумушки рады прицѣпиться къ пустякамъ... Я ничему не вѣрю... Я знаю, ты чиста, какъ голубка!.. Вонъ, смотритъ на тебя этотъ князь и ты со сцены нечаянно взглянешь на него, ну вотъ и толкуютъ...

— А пускай говорятъ!.. Князь мнѣ ничего дурнаго не сдѣлалъ!.. напрасно вы такого о немъ мнѣнія... Князь хорошій человѣкъ... Пускай говорятъ, что хотятъ...

— Къ дѣвушкѣ даже пустяшные разговоры пристаютъ!.. Отчего бы тебѣ не выйдти замужъ!.. Вотъ, Бѣляковъ, человѣкъ прекрасный... вина не пьетъ... по трактирамъ не ходитъ!.. Тогда кумушки прикусили-бы языкъ.

— Ужь не его-ли вздумали мнѣ сватать!.. вы смѣетесь, мама!.. Онъ кукла... онъ не человѣкъ?.. онъ просто фигурантъ... на что онъ годенъ?... вздыхаетъ только! Полноте, мама!.. Пожалуйста не

говорите мнѣ про него!.. Ни за кого не выйду я замужъ!.. полюблю, тогда другое дѣло!..

— Ну, а какъ полюбишь человѣка не подходящаго!.. человѣка, который не женится на тебѣ... вотъ, что страшно!.. Катя, скажи мнѣ правду, вѣдь ты не кинешь меня? вѣдь ты не бросишь?.. останешься честною дѣвушкою!..

— Какія вы нынче смѣшныя, мама!.. Успокойтесь; оставимте лучше этотъ разговоръ!..

— Не смѣшная я, Катя!.. А горе говор итъво мнѣ... Вижу, какъ ты сохнешь... до добра не доведетъ!.. Вѣрно есть у тебя что нибудь нехорошее на умѣ.

И старуха залилась слезами.

Раздался звонокъ. Катя побѣжала отворять дверь!

— На репетицію, въ новый балетъ!.. Да поскорѣе!.. А то на морозѣ сидятъ г-жи Бѣлина, Петрова 5... сердятся!.. сурово произнесъ кучеръ, развозящій артистовъ въ казенной каретѣ, на которой вмѣсто герба красовалась бронзовая лира.

— Сейчасъ, голубчикъ! вмѣшалась Прасковья Ивановна. Захвати только кардонку!..

— А вы, мама, развѣ не поѣдете? спросила Катя.

— Нѣтъ!.. нездоровится что-то!.. Да не забудь, Катя!.. надѣнь на репетицію чистый лифчикъ, да свѣжіе тюники; сегодня нарочно выгладила...

— Хорошо!.. хорошо!..

Катя стала собираться. Она рада была уѣхать изъ дому. Разговоръ съ матерью былъ ей не по сердцу. Прежде, бывало, она пробовала вступать съ нею въ разсужденія, но видя, что это ни къ чему не вело, она всячески старалась избѣгать подобныхъ преній... На этотъ разъ, пріѣздъ кареты пришелся какъ нельзя болѣе кстати. Это избавляло ее продолжать непріятный разговоръ... Она надѣла подбитый ватою бурнусъ, который весьма мало разнился отъ *шинелекъ*, т. е. казенныхъ театральныхъ капотовъ, въ которыхъ облекаютъ воспитанницъ... и опрометью сбѣжала съ лѣстницы...

Не успѣла Прасковья Ивановна успокоиться, какъ въ комнату, какъ сумасшедшій, вбѣжалъ фигурантъ Бѣляковъ.

— Катерины Сергѣевны, нѣтъ дома-съ? быстро спросилъ онъ, цѣлуя руку у старухи.

— На репетицію уѣхала!.. что съ тобой? ты точно шальной какой!

— Однѣ уѣхали-съ?

— Одна!..

— Ну, поздравляю-съ!.. Очень хорошо-съ!.. отпускайте почаще одну.. дождетесь хорошаго!..

— Да что ты?.. бѣлены, что-ли объѣлся!.. говори толкомъ...

— Не бѣлены объѣлся... а вы сидите, да ничего не знаете, что у васъ надъ носомъ творится!..

— Э, да ну тебя!.. И безъ того тошно.

— А мнѣ развѣ не тошно!.. кровью харкать началъ-съ, глядя, какъ Катерина Сергѣевна убиваются!..

Бѣляковъ, дѣйствительно, говорилъ правду. Чахотка была у него въ полномъ развитіи.

— Вы выслушайте меня!.. Вчера послѣ спектакля зашелъ я въ Морду, въ трактиръ... Спать еще думаю рано... ну и пошелъ взглянуть въ билліардную, какъ играютъ... денегъ вѣдь за это не платятъ... Сижу это я... какъ вдругъ входитъ пьяный Безумовъ съ товарищами и какими-то незнакомыми.... Узналъ послѣ, что это все хлопальщики, которыхъ онъ сажаетъ въ раекъ, чтобы они хлопали танцовщицамъ... Кто нибудь, знаете, изъ этихъ богачей заплатитъ ему, вотъ онъ и нанимаетъ съ приказомъ «жарить» той, или другой танцовщицѣ...

— Какое мнѣ до этого дѣло?... говори скорѣе, зачѣмъ пришелъ?

— Подождите!.. я вамъ все по порядку... Больше всѣхъ этимъ дѣломъ заправляютъ два—три изъ постоянныхъ абонентовъ.... Какъ выйдетъ артистка, какая имъ нужна, они тотчасъ же поднимаются съ кресла, взглянутъ на верхи и заорутъ благимъ матомъ браво! браво!.. Верхи подхватятъ, ну и пошла перепалка, только держись!.. Вотъ этихъ-то наемныхъ хлопальщиковъ Безумовъ и угощалъ водкой и бутербротами... Сдѣлались они всѣ въ подпитіи...

«На этихъ дняхъ, обратился къ нимъ Безумовъ,

послѣдуетъ вамъ приказъ... выйдетъ на сцену такая-то, слышите-ли, ни шлепка, будетъ публика аплодировать, а вы потихоньку въ кулакъ шикайте... За это особые будутъ счеты?.. Надо теперь, говоритъ, ловить ее на эту удочку... вретъ шельма, не увернется... уже далъ я слово князю добыть... ну, мы съ нимъ устроемъ и добудемъ... не такіе виды видывалъ... на дняхъ подведемъ такую машину, говоритъ, что она и не ожидаетъ... дѣйствовать, слышите-ли, такъ дѣйствовать! Не мытьемъ, такъ катаньемъ! И при этомъ они всѣ пожали другъ другу руки и подмигнули глазомъ, точно собирались на какой-то подвигъ... При этомъ, Безумовъ только твердилъ: дура не понимаетъ... объ ея-же пользѣ хлопочатъ...»

— Да мнѣ-то что?.. у меня дома дѣла по важнѣе....

— Да вѣдь это про вашу дочь толковали!.. Слѣпыя вы совсѣмъ, Прасковья Ивановна!.. Берегите лучше свою Катерину Сергѣевну!..

— Что-же мнѣ дѣлать? что-же дѣлать!...: Катичка сама знаетъ что дѣлать!.. Стара я стала!.. немощна стала!.. Не справиться мнѣ!..

Слезы вновь выступили изъ глазъ старухи. Она совершенно растерялась, не зная что дѣлать!..

— Я вамъ не за тѣмъ разсказываю, чтобы вы плакали, да сидѣли сложа руки!.. А вы поѣзжайте-ка за дочерью.. Впрочемъ, сидите!.. сидите... мо-

жетъ у васъ ее и отняли... прибавилъ Бѣляковъ съ упрекомъ.

При одной мысли, что она лишилась своего роднаго дѣтища, Прасковья Ивановна вскочила съ дивана, схватила большой платокъ и безъ шубы выбѣжала на улицу, направляясь къ Большому театру... Морозъ пронизывалъ насквозь ея старыя кости...

Слѣдомъ за старухою, ежеминутно задыхаясь и кашляя, бѣжалъ Бѣляковъ...

ГЛАВА XIII.

Въ театръ — на репетиціи.

Фигурантъ Бѣляковъ сильно ошибался въ своихъ догадкахъ и предположеніяхъ. Безумовъ въ винѣ никогда не говорилъ правды. Пословица «in vino veritas» сложилась не для него. Когда онъ былъ въ *веселомъ* настроеніи, то вралъ немилосердно и говорилъ совсѣмъ не то, что думалъ. Въ душѣ онъ былъ малый не злобный. Всѣ свои дѣянія, онъ мотивировалъ желаніемъ добра ближнему. Но это добро, по своей крайне неразвитой природѣ, онъ понималъ по своему... Устраивая счастіе двухъ сердецъ, онъ не размышлялъ о послѣдствіяхъ... Да и какое ему было до этого дѣло!.. Довольствуясь малыми крупицами, перепадавшими на его долю, онъ былъ вполнѣ счастливъ... задумывался онъ только,

когда постоянный и неизмѣнный его костюмъ, фрачная пара, приходилъ въ ветхость... сдѣлавши же нѣкоторый ремонтъ туалету, онъ снова веселѣлъ и принимался усердствовать на пользу балетныхъ фей и ихъ нюхателей...

Такъ и было въ настоящемъ случаѣ. Ни князь Тобольскій, ни Банкометовъ не давали ему никакихъ порученій относительно Кати, а передъ своими *подчиненными* клакерами и передъ публикою трактира Морды, онъ хотѣлъ порисоваться своимъ знакомствомъ и связями съ князьями и графами, съ которыми онъ будто-бы обращался за панибрата. Для этой цѣли, онъ постоянно повторялъ: «мы устроимъ, мы обдѣлаемъ...»

Между тѣмъ, это невинное или скорѣе *винное* хвастовство, принесло горькіе плоды.... Оно не прошло безслѣдно...

Прасковья Ивановна бѣжала безъ оглядки, она безпрестанно ускоряла свои шаги, быстро переходя изъ улицы въ улицу... Наконецъ показался громадный домъ съ коллоннами... Это былъ храмъ Терпсихоры, куда собиралась веселиться публика, не подозрѣвая тѣхъ драмъ, которыя разыгрывались въ этихъ стѣнахъ...

На дворѣ было также холодно, какъ и на душѣ бѣдной старухи; но она не чувствовала двадцатиградуснаго мороза; крупныя капли пота струились по ея морщинистому лицу...

Репетиція еще не кончилась. У подъѣзда стояло десятка два театральныхъ каретъ и съ десятокъ собственныхъ красивыхъ экипажей... Непокрытыя театральныя лошади дрожали отъ холоду, уныло глядя на раскинутое передъ ними сѣно... а кучера разсѣлись на длинной зеленой лавкѣ, стоявшей у подъѣзда, глядя на входящихъ и выходящихъ съ театральнаго подъѣзда.

— Ну что, Ванюха? твоя-то угомонилась, что-ли?.. Слышали, что вчера, не складно будто ты обозвалъ ее?.. спрашивалъ театральный у щегольски одѣтаго чернобородаго кучера.

— Какое, угомонилась! Нонѣ, на послѣдяхъ уже ѣзжу; приказала прогнать!.. Молю Бога, разсчитали-бы, какъ слѣдуетъ. А то, пожалуй, и такъ протурятъ!...

— Н-нну!.. а ты жалуйся!..

— Жалуйся!.. легко сказать!.. На ейнаго-то не очень пожалуешься... я самъ, братецъ ты мой, оченна доволенъ, что съ мѣста отхожу... ужь и лиха же она, собака... Чего? матери даже проходу не даетъ...

— А мать бы ее, по нашему, по мужицкому положенію; за вихры, али за косы... ничего, смирилась-бы...

— Чаго смирилась-бы? сама мать-то, чуть передъ ней не на четвереньках... Я, говоритъ, ученая... всякую мудрость и науку въ школѣ происходила....

а вы, говоритъ, маменька мужичка... хороша наука... хоша и я самъ не грамотный, да смыслю, что это за ученіе... ноги-то задирать!..

— Толкуй!.. въ люди вышла!.. чего-же? значитъ, наука добрая!..

— А что, Петра? много-ли вчера съ Ушковой за «*оборотъ*» получилъ?

— Чего! плевое дѣло! всего пятиалтынный дала!.. Зналъ-бы, не везъ! только лошадей заморилъ.

— А я, такъ счастливше тебя. Вчера «*оборотъ*» сдѣлалъ съ нашимъ старикомъ.. Ужь и пьянъ же онъ былъ... страсти! Полтинникъ далъ... въ трактиръ съ пріятелями довозилъ.

Прасковья Ивановна вбѣжала на крыльцо, такъ что даже капельдинеръ Игнатій, при видѣ не покрытой старухи, посторонился и противъ обыкновенія отворилъ дверь; онъ дѣлалъ это только для артистокъ, пріѣзжавшихъ въ собственныхъ экипажахъ. Потомъ онъ опомнился, досадуя, что исполнилъ эту вѣжливость для «всякой дряни»; взглянулъ на бѣжавшую по лѣстницѣ старуху и плюнулъ вслѣдъ, со злобой махнувъ рукой!..

— Эко ее!.. точно съ цѣпи сорвалась!.. скалили зубы *собственные* кучера, надѣляя въ избыткѣ Игнатія своими разсказами о домашнихъ дрязгахъ ихъ госпожъ.

На сценѣ было темно. У рампы стояли двѣ стойки,

къ которымъ прикрѣплены были нѣсколько газовыхъ рожковъ, освѣщавшихъ сцену...

Придерживаясь одною рукою за кулису, танцовщицы, одѣтыя въ тюники и разнообразные корсажи съ голубенькими и иными лентами, выправляли свои ноги, выдѣлывая батеманы и стараясь по возможности поднять выше ногу...

Другія же, менѣе ретивыя и не заботившіяся болѣе объ *элеваціи* и возможности улучшить свою артистическую карьеру, обнявшись ходили группами по сценѣ. На нѣкоторыхъ изъ нихъ были надѣты бѣлые носовые платочки, прикрывавшіе наготу ихъ шеи... Большинство дрожало отъ холоду; всюду продувалъ сквозной вѣтеръ... Танцовщики, первоклассные сюжеты, составляли также отдѣльную группу. Они окружали извѣстнаго своею бездарностью Алешку, проповѣдывавшаго вѣчную vendetta и трущобную месть изъ за угла одному изъ своихъ сослуживцевъ...

— Нѣтъ, господа! вы мнѣ не товарищи, если не захотите итти со мною рука объ руку!.. вы должны идти всѣ гуртомъ!..

— Правда, что гуртомъ, проговорилъ сквозь зубы юный бѣлокурый Адонисъ, большой мастеръ «острить.» Но вы забываете господинъ Алешка, что гуртомъ ходятъ только скоты...

— Молоды еще, сударь, разсуждать!.. Я двадцать

лѣтъ служу-съ и не позволю вамъ привязываться къ моимъ словамъ...

— Привязаться можно только къ хорошенькой женщинѣ, а вы уродъ!.. не даромъ чорта изображаете на сценѣ, твердилъ юный танцовщикъ.

— Полно-же, полно! усовѣщевалъ его добрякъ, любимый всѣми за свою простоту, Ваничкинъ.

— Чего полно?.. Что онъ тутъ подбиваетъ двадцать человѣкъ идти на одного!.. Это не честно!.. Въ прошломъ году подписи собиралъ противъ поляка!... съ полякомъ, говоритъ, служить не хочу... ишь патріотъ нашелся... а теперь противъ иностранца ведетъ интригу...

— Да-съ!.. подхватилъ Алешка. Не хотите итти съ нами за одно, ну и убирайтесь... и безъ васъ справимся!.. Упечемъ!... я сказалъ, что упечемъ... Сила солому ломитъ... Я уже объ этомъ даже съ Скотоуховымъ переговорилъ... онъ одобрилъ...

— Ну, коли переговорилъ съ Скотоуховымъ, если онъ благословилъ на это дѣло, ну такъ идемъ.... подхватили бездарности, копавшія яму таланту...

— Помните только, господа,—въ лицѣ нашего добраго товарища Собачкина, онъ оскорбилъ насъ всѣхъ *русскихъ*, помните это...

—Да-съ!.. назвавши меня дуракомъ, онъ обидѣлъ всѣхъ моихъ русскихъ товарищей, егозилъ черноусенькій Собачкинъ, вытянувшись въ струнку, будто онъ проглотилъ аршинъ!.. Не меня онъ оскорбилъ!..

Мнѣ бы ничего... а всѣхъ... вѣдь онъ меня, русскаго, обозвалъ дуракомъ.

— Что правда, то правда! вѣдь ты круглый дурачина! Онъ не ошибся, подхватили нѣкоторые, труня надъ Собачкинымъ.

— Кость то на лбу не даромъ у тебя крѣпка!.. благодать не проходитъ! замѣтилъ чистенькій фигурантъ, выдающій себя за ученаго и занимавшійся стихоплетствомъ. Онъ писалъ стихи, по большей части пасквильнаго содержанія, про кого и на кого угодно, лишь-бы угодить и начальству и старшимъ сюжетамъ.

— Коли идти, такъ всѣмъ идти жаловаться.... Что-же не позволимъ иностранцу ругать насъ дураками... Мы русскіе! и я иду съ вами, подтвердилъ жидконогій Комиковъ.

Артистъ этотъ былъ радъ случаю отомстить иностранцу. Онъ имѣлъ какіе то съ нимъ счеты. Но онъ дѣйствовалъ постоянно изъ подтишка и едва доходило дѣло до начальства, то тотчасъ же и на попятный. Пойдетъ со всею ордою, съ цѣлью жаловаться... но едва увидитъ порогъ, какъ съ нимъ постоянно дѣлались колики въ желудкѣ—онъ и лизнетъ домой, отзываясь внезапною болѣзнью, или же опаздаетъ, когда все дѣло рѣшится безъ него, а онъ и отговорится тѣмъ, что у дрожекъ колесо свалилось, потому поневолѣ запоздалъ...

— Господа!.. повторили нѣкоторые: честно ли намъ возставать всѣмъ кагаломъ. Вѣдь намъ ничего

худаго не сдѣлали? Обидѣлъ Собачкина, ну, пускай, онъ и вѣдается одинъ.

— Кто хочетъ за мною!.. ораторствовалъ Алешка...

Нѣкоторые отдѣлились и грозно потрясая кулаками рѣшились завтра же идти съ доносомъ... Они отправлялись *мстить*...

— Посторонитесь, господа! посторонитесь!.. постоянно повторялъ театральный стражъ, проходившій мимо артистовъ съ лѣйкою въ рукахъ, усердно поливая сцену.

Занавѣсъ была поднята. Въ зрительной залѣ царствовалъ глубокій мракъ и какъ мрачныя привидѣнія виднѣлись только куски запыленной парусины, развѣшанной по бархату и золотымъ украшеніямъ большихъ ложъ.

Прислонившись къ барьеру директорской ложи, стояли двѣ танцовщицы, у которыхъ за поясомъ торчали два носовыхъ платочка. Онѣ по временамъ смотрѣли въ оркестръ, прикладывая руки ко лбу на подобіе зонтика, такъ какъ иначе со сцены нельзя было разглядѣть лицъ, сидѣвшихъ въ темнотѣ, музыкантовъ.

Онѣ разсуждали о новомъ балетѣ.

— А что Саша?.. у тебя какое будетъ «соло»— мелкое или крупное?..

— Кажется крупное?.. да мнѣ все равно!..

— А вотъ мнѣ такъ не все равно!.. я предпочитаю мелкое. Вчера пробовали въ школѣ. Такъ,

сочинилъ какую-то белиберду!.. ни адажіо, ни коды нѣтъ, просто точно выходная, одни кусочки, ни на что не похоже...

Мимо нихъ прошли двѣ танцовщицы, мечтавшія сдѣлаться первоклассными солистками. Онѣ обратились къ разговаривавшимъ.

— Я слышала, Нютя, что ты въ новомъ балетѣ не занята?

— Нѣтъ, занята. Въ моемъ соло, даже «*сюжетъ*» (*) есть.

— Вотъ другія хлопочатъ, чтобы имъ дали мѣсто въ новомъ балетѣ, съ горечью проговорила стоявшая вдали кордебалетная, слышавшая разговоръ солистокъ; а я только и мечтаю, чтобы меня *отставили!*.. Ѣздишь, ѣздишь каждый день, просто измучилась; а изъ 18 рублей въ мѣсяцъ не вылѣзаю.

И не вылѣзти тебѣ, бѣдная кордебалетная! Лицемъ не пригожа; ноги выломаны недостаточно, но за то жизнь надломана съ избыткомъ. Ну и не особенно нуждаются въ тебѣ. Ты мелкая подпорка! мелкая былинка! а такихъ сошекъ, какъ ты, которыхъ никто и не удостоиваетъ благосклоннымъ вниманіемъ, много, даже очень много!.. и замѣнить тебя на потѣху публики легко!.. голодныхъ, непригрѣтыхъ ни чьею ласкою или теплымъ словомъ на Божьемъ свѣтѣ не мало!.. Поэтому не сѣтуй, не

(*) Сюжетъ—пантомима.

ропщи на твою горькую судьбину!.. Не поможешь!.. Вѣдь ты еще съ самаго нѣжнаго дѣтства обречена на вѣчную нужду и испытанія!.. Ничему тебя не учили; кромѣ ломки ногъ, мелкихъ и крупныхъ па, никакихъ свѣдѣній въ умишкѣ твоемъ не сложилось... а еще разсуждаешь?..

Разсуждать не приказано. Повиноваться нужно. Анализъ не у мѣста.

На выпачканныхъ табуретахъ сидѣла Катя съ двумя подругами, съ которыми она впрочемъ видалась только въ театрѣ. Видя ея несообщительный характеръ, остальныя солистки и *даже* корифейки обращались съ Катей съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ и постоянно подтрунивали надъ ней. Но сквозь это подтруниваніе проглядывала зависть, потому что Катя была дѣйствительно талантливая артистка и при извѣстной долѣ труда и старанія могла сдѣлаться первоклассной танцовщицей

— Что вы сегодня такъ насупились, Катя!... Посмотрите, дѣвицы! Экія страсти!.. Точно насъ всѣхъ проглотить хочетъ, заговорила разбитная Лиза.

— Я, какъ всегда!.. все такая-же!.. нехотя отвѣтила сидѣвшая въ задумчивости Катя.

— Пошлите, дѣвицы, за пирожками въ кандитерскую! угостимъ Катю, можетъ она и повеселѣетъ.

— Не надо мнѣ вашихъ пирожковъ!.. я сыта!..

— А кто вамъ трико краситъ?

— Конечно сама или мама!..

— Скверная краска!.. не похожа совсѣмъ на тѣлесный цвѣтъ! Вѣрно въ Гостинномъ покупаете?

— Да, въ Гостинномъ!..

— Вы-бы изъ Парижа выписывали!.. Мнѣ оттуда шарики присылаютъ... Отлично краситъ и какъ скоро!.. Посмотрите...

И Лиза вытянула ногу, на которой дѣйствительно было натянуто трико совершенно тѣлеснаго цвѣта...

«Вотъ, подумала Катя, какія онѣ счастливыя. Даже шарики изъ Парижа выписываютъ...»

— А дорого они стоятъ? полюбопытствовала Катя.

— А почемъ мы знаемъ!.. Вотъ еще забота!... развѣ мы деньги платимъ?..

— Даже и не онѣ деньги платятъ, позавидовала Катя».

Въ другой группѣ танцовщицъ происходилъ не менѣе назидательный разговоръ.

— Рекомендую вамъ, дѣвицы, вчера у Мишки купила цвѣты, просто прелесть.. и не дорого, и превкусные...

— А цвѣтъ вечеромъ эфектенъ?... Ярко и изъ залы хорошо видны!..

— Пробовали; чудо, какъ хороши!.. такъ и блестятъ... очень даже чудесно!.. Покупайте у него...

— Посмотримъ!.. сегодня-же вечеромъ, на спектаклѣ закажемъ!..

Къ нимъ подошла портниха; такъ называется на-

емная женщина, обязанная одѣвать танцовщицъ и сшивать имъ *на извѣстномъ мѣстѣ* тюники:

— Васъ и васъ, обратилась она къ двумъ ветеранкамъ — солисткамъ, назвавши ихъ по имени и отчеству, Дарья Петровна проситъ къ себѣ чай кушать въ уборную.

— Да ступайте же скорѣе, а то пожалуй начнутъ... кричала имъ спускаясь съ лѣстницы уборной сама Дарья Петровна. Сама заѣзжала къ Филипову за кренделями и калачами... еще горячія... Сегодня я... а завтра твоя очередь, Любушка!..

И солистки отправились въ уборную пить чай съ Филипповскими кренделями.

Посреди сцены разсуждали декораторъ, въ фуражкѣ съ кокардой, и режиссеръ. Послѣдній былъ окруженъ толпою кордебалетныхъ и корифеекъ. Каждая изъ нихъ настойчиво обращалась къ нему съ просьбой.

— У меня тюники всѣ изорваны!... Если я сегодня новыхъ не получу, то вечеромъ ни за что танцовать не буду!. Слышите-ли!

— А я третій спектакль въ дрянныхъ башмакахъ танцую!... Прошу, прошу, не допрошусь!...

— Да и я штопала свои сама... все не даютъ новыхъ... просто наказаніе...

— Увольте отъ завтрашней репетиціи!... Мать больна!...

— Отставьте и меня!... голубчикъ!. очень нужно!...

— Нельзя-съ!... Теперь время горячее, твердилъ режиссеръ. А тюники и башмаки будутъ. Запишите, кому что нужно, обратился онъ къ своему помощнику и напишите требованіе. Да, вотъ что! Не забудьте рапортичку на нынѣшній вечеръ про статистовъ!... Проставьте число соллатъ, сколько я вамъ говорилъ!...

— Понимаю-съ! и помощникъ хотѣлъ было отойти, но режиссеръ взялъ его подъ руку и отвелъ въ сторону.

— Да, обратите вниманіе, куда это дѣваются фрукты, виноградъ... каждый вечеръ покупаемъ... счеты представляемъ... и лимонадъ газезъ требуемъ...

— Нѣтъ-съ уже увольте меня отъ этой обязанности... Я къ этому дѣлу не приставленъ... Вы сами-съ!... Вамъ лучше знать...

Самую скромную группу изъ всѣхъ находившихся на сценѣ составляла классная дама училища Есященская, около которой на табуретахъ сидѣли воспитанницы, пріѣхавшія *репетовать*. Нѣкоторыя изъ нихъ, старшаго класса, были въ бѣлыхъ тюникахъ; младшій же классъ въ сѣрыхъ. Этотъ цвѣтъ отличалъ лѣнивыхъ отъ прилежныхъ. На плечи ихъ были накинуты синіе платки, въ которые воспитанницы кутались отъ холоду.

Протанцовавши свое соло, каждая изъ нихъ должна была немедленно занять мѣсто на табуретѣ, не смѣя даже перемолвиться ни съ кѣмъ словечкомъ.

Есященская, словно Аргусъ, караулила и примѣчала каждое движеніе своихъ питомицъ, которыя сидѣли точно приговоренныя къ смерти.

— Съ кѣмъ это вы тамъ переговариваетесь, мамзель Петрова? спрашивала суровая Есященская, вѣрная наперстница Скотоухова.

— Съ кѣмъ мнѣ переговарить? видите, какъ я смирно сижу, отвѣтила востроносинькая Петрова, сложивши руки.

— Смотрите! я уже не разъ замѣчаю за вами!... Вамъ непремѣнно будетъ палка; слышите — будетъ палка и Короткоручка вчера замѣтила, что вы на спѣвкѣ дурно пѣли.

— Помилуйте, мадамъ! Это совсѣмъ не я!... право же не я!.

— Все равно; не ваше дѣло разсуждать!... Непремѣнно Павлинькѣ скажу; онъ васъ проучитъ, грозила Есященская.

Дѣйствительно, за спѣвки и за плясы съ воспитанницъ взыскивалось, а за дурное ученіе никогда. Впрочемъ онѣ бы и хотѣли учиться, да имъ этого не дозволяли...

— Чортъ съ ними, съ этими науками!... твердилъ пугало воспитанницъ Павлинька. Вѣдь въ танцовщицы готовитесь, а не въ магистры; знали бы читать и писать—и то хорошо. А то есть и такія, вѣдь срамъ сказать, приходятъ жалованье получать;

а за *безграмотностью*, въ полученіи денегъ, другіе расписываются...

Разсуждая такимъ образомъ, Скотоуховъ противорѣчилъ себѣ и не воображалъ, что онъ читалъ сое собственное обвиненіе и приговоръ.

— Пора! начинай!... Режиссеръ!... зовите 12 мамзель и 12 фигуранъ... A vos places!... закричалъ балетмейстеръ, стоя передъ рамкою, спиною къ зрительной залѣ и отыскивая свой длинный посохъ.

— Знаете, что дѣвицы? я сегодня француза дразнить буду!... будемъ всѣ его дразнить!... приставала къ своимъ товаркамъ курносинькая корифейка.

И она отыскала балетмейстерскую палку и покатила ее по полу за кулисы.

— Бутафоръ! бутафоръ!.. гдѣ мой палка!... C'est toujours этотъ сумашъ!... vous êtes une pollissonne!... Commençons! музикъ начинай!...

На сценѣ все притихло. Слышенъ былъ только голосъ одного балетмейстера, который показывалъ ногами, что должны были выдѣлывать фигуранты и корифейки.

— Balancez! un!. deux!... Fouettez... разъ! два, три!... пируэтъ!... Ни такъ!.... Сначала!... Ничего не понимай!... вы точно утка танцуй, горячился балетмейстеръ, подбѣгая то къ одной, то къ другой танцовщицѣ, безъ церемоніи ворочая ихъ за руки, за плечи, то на право, то на лѣво!...

При этомъ французъ ежеминутно постукивалъ палкою...

— Ну, скверно!. думала про себя хорошенькая бррр!... французъ не въ духѣ!... до четырехъ протянетъ репетицію!... Противный!... не успѣю даже нынче по Невскому прокатиться... Терпѣть не могу этихъ новыхъ балетовъ...

Катя же, ожидая своей очереди, старательно продѣлывала разные пліе и батеманы, разминая окоченѣвшія ноги.

Въ это время изъ за боковой кулисы показалась голова Прасковьи Ивановны. Она увидала свою дочь и остановилась. У нее отлегло отъ сердца.

«Ну, подумала она, не покажусь Катѣ; не стану ее тревожить. А то, еще Богъ знаетъ, что подумаетъ. Дождусь конца и тогда отправлюсь домой».

Позади ее стоялъ блѣдный Бѣляковъ.

— Только вздору наговорилъ мнѣ!... Ну чего вралъ? обратилась къ нему старуха.

Бѣляковъ не могъ подобрать отвѣта. Онъ не спускалъ глазъ съ Кати и стоялъ какъ бы обреченный на смертную казнь. Хотя его и уличили въ несправедливомъ подозрѣніи, но онъ въ душѣ чувствовалъ себя правымъ; потому и не хотѣлъ оправдываться.

— Вѣдь я люблю ее!... понимаете, Прасковья Ивановна, сохну!... мнѣ все кажется...

— Если кажется, перебила его старуха, пере-

крестись, казаться не будетъ!... Ишь нечистый тебя смущаетъ...

— Простите!... простите!... шепталъ совсѣмъ убитый Бѣляковъ.

Наконецъ, репетиція кончилась. Всѣ спѣшили переодѣваться. Въ уборной происходилъ страшный хаосъ.

Катя перемѣнила свой балетный костюмъ на скромное шерстяное платье, сложила въ порядокъ тюники и отправилась на подъѣздъ, не подозрѣвая, что за каждымъ ея шагомъ слѣдили мать и Бѣляковъ.

Подали карету, въ которую усѣлись шесть дѣвицъ и Катю повезли домой, въ Семеновскій полкъ.

Въ свою очередь и Прасковья Ивановна наняла извощика; медленно слѣдуя за дочерью; она одновременно съ нею остановилась у воротъ своего дома.

На порогѣ, мать и дочь столкнулись.

— Откуда это вы, мама? спросила Катя. Въ такой холодъ и въ одномъ платьѣ.

— Такъ, недалеко въ лавочку бѣгала!... Ничего!... Я бѣгомъ вѣдь!... Не озябла... Вотъ вмѣстѣ чайку напьемся... согрѣемся!...

Но Прасковья Ивановна говорила неправду. Она продрогла на сквозь и отъ холоду едва выговаривала слова. Она дрожала какъ въ лихорядкѣ.

ГЛАВА XIV.

—

Безумовъ—философъ.

Княгиня Тобольская была заражена мѣщанскими предразсудками. Весь домъ ея былъ проникнутъ атмосферою чопорности и жеманства; потому честныя, человѣческія побужденія были недоступны ея пониманію. Находясь постоянно подъ какимъ то очарованіемъ невѣжества, она не допускала мысли, чтобы сынъ ея могъ идти на перекоръ ея желаніямъ. Впрочемъ желаній своихъ она и не выражала, а они высказывались ею въ грубой формѣ требованій, не допускавшихъ прекословія.

Наперстница ея и домашніе клевреты, желая угодить «барынѣ», слѣдили за каждымъ шагомъ молодаго князя и съ сообразными комментаріями передавали все по назначенію. Передача эта достигала желанной цѣли. Княгиня начала ежедневно пилить своего сына и выразила ему твердое намѣреніе заняться пріисканіемъ ему невѣсты, равной ему какъ по общественному положенію ея родителей, такъ и по состоянію.

— Напрасно, maman, вы безпокоитесь обо мнѣ!.. Если захочу, самъ себѣ найду невѣсту!.. Не утруждайте себя!... твердилъ ей князь Пьеръ.

Въ головѣ княгини, послѣ подобнаго отвѣта, тотчасъ же мелькалъ образъ «балетчицы», которая овладѣла сердцемъ сына и, по ея мнѣнію, раскинула широкія сѣти, чтобы поймать неопытнаго Пьера.

Когда, послѣ подобныхъ разговоровъ, молодой князь входилъ въ свою комнату, то чувствовалъ свое совершенное одиночество. Даже мать и та представлялась ему въ видѣ врага; но будучи слабъ, онъ не чувствовалъ въ себѣ достаточно рѣшимости, чтобы дѣйствовать энергически. Сознавая всю пустоту и безсодержательность того мірка, среди котораго онъ вращался, онъ не въ силахъ былъ отдѣлаться отъ него. Чувствуя за собою нѣкоторое нравственное преимущество передъ его *будто-бы* друзьями, балетными хлыщами, онъ не рѣшался отдѣлаться отъ ихъ общества и все болѣе и болѣе залѣзалъ въ тину... Ѣдкая, грязная топь балетныхъ болотъ ежеминутно готова была всосать и его довольно честную натуру....

Онъ рѣшительно не зналъ: что дѣлать? Съ одной стороны, въ образѣ матери, въ головѣ его рисовалось страшное пугало, готовое на всякую крутую мѣру; съ другой стороны, пріятели — балетные нашептывали ему, что надо итти на проломъ,—дѣйствовать съ энергіей и завладѣть Катей... Нравственныя же его побужденія гнулись въ иную сторону и не допускали его слѣдовать совѣтамъ окружавшей его среды.

— Что-же? въ самомъ дѣлѣ? думалъ князь. Каторжникъ я, что-ли? Къ чему я мучаюсь ежедневно. Обязательствъ передъ Катей я никакихъ не имѣю; даже не знакомъ хорошенько!.. Бросить все это дѣ-

ло, пока есть еще время... да за работу... за дѣло!..

Бросить!.. слово, которое въ данномъ случаѣ легко выговоривается, но трудно примѣняется къ дѣлу.

Князь полюбилъ Катю; вотъ почему онъ только думалъ, что слѣдуетъ *бросить*, а бросать, не бросалъ.

Постоянные же слухи, что она не походитъ на прочихъ «балетныхъ», еще болѣе укрѣпляло въ князѣ зародившееся чувство. къ неимущей танцовщицѣ.

Щегольски одѣтый лакей доложилъ о приходѣ Безумова.

— По приказанію, вашего сіятельства, счелъ обязанностью быть акуратнымъ и явиться въ часъ и минуту, какъ вы назначить изволили! проговорилъ вошедшій фигурантъ, развязно кланяясь князю.

— Садитесь!.. радъ васъ видѣть!.. что новаго?..

— Новаго много-съ?.. Унасъ, въ балетѣ, что ни день, то тысяча новостей. Сами изволите знать; міръ интригъ, проваловъ и чертей-съ!...

— Я не о томъ спрашиваю!.. Какъ дѣла наши?..

— Пока, плохо клюетъ-съ!.. Надо новыя удочки?.. Уже постараемся!..

— Какъ-же приступить?... Говорятъ, мать ея больна? Правда, что-ли?.

— Больна-съ! да очень даже, говорятъ, больна!...

— Кто ее лечитъ?

— Должно быть сама дочь, да Бѣляковъ; на доктора денегъ не хватитъ; а даромъ, какъ изволите

знать, эти доктора не лечатъ, да и въ аптекахъ лекарства кусаются!..

— Разузнайте хорошенько!.. чѣмъ старуха занемогла и серьозная-ли у нее болѣзнь?...

— Это все могу-съ!... Промаху не дамъ!...

Князь подалъ Безумову папиросу и зажегъ спичку; потомъ самъ закурилъ и въ нѣсколько пріемовъ вытянулъ всю папиросу, бросивъ окурокъ въ пепельницу. Онъ видимо что-то придумывалъ, но не зналъ какъ ближе подойти къ дѣлу.

«Э! да что съ нимъ церемониться!..» подумалъ онъ.

— Какъ хотите, Безумовъ, проговорилъ онъ вслухъ, а вы должны непремѣнно устроить такъ, чтобы мнѣ свидѣться съ нею наединѣ.

— Многого сразу захотѣли, князь!.. у насъ въ балетѣ такъ не дѣлается; надо прежде лимуры подпустить, а потомъ уже исподоволь; а то съ лету, ничего не подѣлаете. Вотъ, съ французинькамп, съ ними просто, безъ затѣй, сторговались, да и шабашъ!. а съ балетными, держи ухо остро...

— Ну, такъ какъ же?

— Надо постараться какъ нибудь свидѣться... у подруги ея!.. Надо подумать! Вотъ бы Ларихѣ зазвать ее къ себѣ въ гости... та на этотъ счетъ мастерица... только этимъ и занимается...

— А кто это Лариха?.. Порядочная?

— Изъ нашихъ-же?.. Чуть молоденькую выпу-

стятъ изъ школы, она такъ и наровитъ къ ней въ дружбу!.. Ну, а потомъ...

— Что же потомъ?

Безумовъ улыбнулся при этомъ вопросѣ.

— Вы точно ребенокъ, ваше сіятельство!.. Дайте срокъ, переговорю и познакомлю васъ съ Ларихой...

— Вы правду говорите, что я ребенокъ въ этихъ дѣлахъ, со вздохомъ сказалъ Тобольскій. Ну, а какже другіе то добивались?..

— Ну, тѣ пошустрѣе были васъ!.. Извините, князь, вы точно мокрая курица! Наши балетныя этого не любятъ... Имъ нуженъ звонъ, трескъ, сабли, шпоры... чтобы такъ и блестѣло.. Поневолѣ и влюбится, такъ, безъ подходу, ошеломятъ... нѣкогда долго раздумывать... дѣло сразу и обкрутятъ...

— Вы все знаете!.. Ну, какъ, напримѣръ, эта бойкая... безстыдная такая сошлась съ Шеромышкинымъ.

— Это вы про красоточку то нашу?

— Богъ ее знаетъ! Можетъ-быть красоточка!

— Съ нею, ваше сіятельство, въ жизни много было романсовъ!.. все на разные голоса... Только недавно послѣдовала развязка...

— Ну, разскажите!..

Тобольскій, посредствомъ этихъ разсказовъ, хотѣлъ изучить нравы балетнаго міра и выбрать примѣнимое и пригодное къ его настоящему положенію.

— Сначала, всѣ думали...

Безумовъ остановился.

— Прежде бы, князь, приказали подать чего нибудь горло промочить, а то какъ то языкъ не двигается.. Вчера, зѣло было заложено... до сихъ поръ отзывается... Прогвозжу одну, какъ рукой сниметъ...

Князь позвонилъ и приказалъ подать водки, вина и закуску.

Безумовъ принялся за свои безконечные разсказы, глотая черезъ каждыя пять минутъ по рюмкѣ водки... Онъ все болѣе и болѣе воодушевлялся и передавалъ князю всѣ извѣстныя ему сокровенныя балетныя тайны.

— Прежде всѣ думали, началъ Безумовъ, что она совсѣмъ неприступная; никто не могъ догадаться для кого она готовитъ себя. Прежде ужинать ѣздила, почти каждый вечеръ съ итальянцемъ-пѣвцомъ... Да такъ, говорятъ... безъ толку. Потомъ указывали на одного, другаго...нѣтъ, все не въ попадъ; думали, что черноусый Жукъ ухаживаетъ... нѣтъ, ошиблись... Что же въ самомъ дѣлѣ, даже балетныя начали бранить ее?.. подарки отъ всѣхъ беретъ... одѣвается такъ, что не подходи, а между тѣмъ чуть дѣло до развязки: ни!.. ни!.. ни за что?.. Вотъ и зачастилъ къ ней этотъ старичекъ, славный, тихій такой, въ очкахъ... вы должны его знать... всегда завитой на подобіе барашка...

— Ну, знаю!.. нетерпѣливо проговорилъ Тоболь-

скій, со вниманіемъ вслушиваясь въ каждое слово Безумова.

— Однихъ браслетовъ что ей подарилъ... что ни визитъ къ ней... то подарокъ!.. Она, ничего! беретъ, да только улыбается, а въ душѣ думаетъ, да и сестрѣ говоритъ: противенъ онъ мнѣ!.. презираю!.. презираю!.. Старикъ совсѣмъ растаялъ. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, устоять противъ такого бутончика...

— Да, правда! красива!...

— Да съ этими браслетами, она такой каламбуръ съ нимъ разыграла! — чудо!.. Другіе дивовались, просто не вѣрили, какъ это она ловко придумала!..

— А что?

— Привезетъ онъ ей браслетъ!.. Бездѣлушка ей не по нраву... вотъ, по ярлыку на футлярѣ узнаетъ въ какомъ магазинѣ куплена вещь; за тѣмъ отправится туда, да и продастъ браслетъ за полцѣны!..

— Это многіе дѣлаютъ!..

— Каламбуръ не въ томъ, ваше сіятельство!.. А старикъ опять къ ювелиру, забудетъ форму купленнаго имъ за недѣлю браслета и долго, долго выбираетъ въ магазинѣ, наконецъ и купитъ снова тотъ же браслетъ, который былъ уже разъ подаренъ... Красоточка снова его въ магазинъ и такимъ образомъ пять разъ къ ней возвращался все тотъ же браслетъ!.. пока наконецъ она не продала его въ другую лавку...

Тобольскій улыбнулся.

— Вотъ онъ и сдѣлалъ ей лично предложеніе!..

— Какъ лично? неужели такъ прямо ей и сказалъ...

— Ну, можетъ быть и не прямо, а такъ, обиняком... Все равно, она поняла... сама послѣ всѣмъ разсказала... Я богатъ, говоритъ ей старикъ... дѣтей нѣтъ!.. все состояніе вамъ отдамъ... вѣкъ будете счастливы!.. полюбите меня!.. Она разумѣется ему ни да, ни нѣтъ!.. Ну, говоритъ онъ, подумайте хорошенько... и если согласны, то завтра поѣдемте въ компаніи обѣдать въ Павловскъ... если на обѣдъ пріѣдете... значитъ, я въ надеждѣ; не пріѣдете... буду самый несчастный человѣкъ...

— Вотъ такъ тонкая дипломатія!.. я бы ни за что не придумалъ такой комбинаціи!.. Ну что же, пріѣхала она? любопытствовалъ Тобольскій, подумавши нельзя ли примѣнить такого же рода дѣйствія къ Катѣ.

— Ѣздила прежде къ сестрѣ совѣтываться. Та, умница у насъ считается... и всѣ любятъ, уважаютъ ее... отвѣтила, какъ хочешь, такъ и дѣлай, я въ это не вмѣшиваюсь; тебѣ, дескать, лучше знать!.. Она подумала, подумала, да и покатила въ Павловскъ... Обѣдъ нарочно былъ заказанъ наканунѣ, персонъ на десять... Сначала, все было благополучно... Старичекъ заранѣе облизывался отъ удовольствія и за обѣдомъ сѣлъ съ нею рядомъ. Подали супъ, она проглотила нѣсколько ложекъ, да вдругъ и вскочила

со стула... Извините, говоритъ, господа, я забыла... яОсейчасъ же вернусь... Всѣ предложили было ей свои услуги... нѣтъ, господа, я сама... и вышла изъ отдѣльной комнаты... Ждутъ ее четверть часа, полчаса... нѣтъ, не возвращается. Пошли справиться и что же оказалось?.. она взяла билетъ, да съ поѣздомъ и укатила обратно въ Питеръ!.. Презираю, твердитъ сестрѣ, противенъ онъ мнѣ!..

— Что же? это очень честно съ ея стороны! замѣтилъ Тобольскій.

Безумовъ засмѣялся.

— Вы шутите, князь!.. Что же тутъ честнаго? бѣщалась, ну и сдержи слово!..зачѣмъ же подарки принимала? Съ тѣхъ поръ, старикъ, разумѣется, къ ней ни ногой...

Даже и Безумовъ, съ его понятіями о чести, и тотъ не могъ оправдать поступка многобраслетной артистки.

— Послѣ этого, ваше сіятельство, извольте судить, какъ трудно съ ними ладить!.. Не знаешь какъ и приступить... Есть такія изъ нихъ характерныя, что бѣда! такъ артачатся, словно лошади съ норовомъ!

— Да вы не философствуйте, а доканчивайте свою исторію!.. интересовался князь; при этомъ изъ головы его не выходила Катя, но онъ только твердилъ про себя: нѣтъ, она не испорченная!.. она не такая!..

Тобольскій рѣшилъ непремѣнно выпытать у Безумова побольше амурныхъ исторій изъ балетнаго міра. Онъ хотѣлъ поучаться и сдѣлать свои собственные по этому поводу выводы.

— Наступило лѣто, продолжалъ Безумовъ, и она осталась безъ ухаживателей... то есть, виноватъ, ихъ много было, но серьезнаго изъ нихъ, подходящаго ни одного. Наконецъ выискался Шаромышкинъ.. у него денегъ, говорятъ, куча... куры не клюютъ...

«Знаю я его, родился круглымъ идіотомъ, такъ весь вѣкъ имъ и останется, подумалъ Тобольскій...»

— И ухаживать то за нею, мало ухаживалъ... Познакомился съ нею, она вѣдь одна живетъ... дѣло сподручнѣе... лишнихъ глазъ нѣтъ... Мать и отецъ померли... она слезинки не проронила.. только тотчасъ мебель ихнюю распродала... гадости, говоритъ, такой не хочу. Шаромышкинъ и предложилъ ей въ Новгородъ прокатиться...она согласилась, ну, а дорогою онъ съ ней объяснился и покончилъ...двадцатью пятью тысячами обезпечилъ... кромѣ того, разумѣется квартиру отдѣлалъ бронзами и лаками, рысаки... все въ порядкѣ... теперь и купается какъ сыръ въ маслѣ... Вотъ, ваше сіятельство, какъ надо дѣла то обдѣлывать!.. добавилъ Безумовъ.

— Но вѣдь вы знаете, Катя не такая!.. подарковъ не принимаетъ!.. отказывается... Что же дѣлать?

Безумовъ задумался; потомъ, нѣсколько погодя,

онъ вскочилъ, какъ будто его мозги озарились блестящею мыслью.

— А вотъ что, князь! Вы попробуйте влюбить ее въ себя!.. Онѣ это любятъ... на подарки не идетъ ... такъ дѣйствуйте иначе!.. На эту штуку ловились... многіе изъ вашихъ обѣщаютъ жениться и все это законнымъ образомъ, а потомъ какъ обдѣлаютъ дѣлишки и на попятный... сегодня да завтра... маменька или тятенька не позволяютъ... Только, чортъ возьми, надо устроить мѣстечко, гдѣ бы вамъ почаще встрѣчаться... чтобы удобнѣе лимуръ подпустить...

— Неужели же, обѣщали жениться, да слова своего не выполняли?.. спросилъ Тобольскій. Быть этого не можетъ!..

— Примѣровъ пропасть!.. вотъ бѣлокуренькая Аненька влюбилась въ одного балетнаго толстяка; онъ и пообѣщалъ на ней жениться... Мать у нее престрогая, потому дочька то и не рѣшалась сойтись съ толстякомъ... тотъ пообѣщалъ жениться... вмѣсто того, чтобы до дому ее довезти и завезъ ее въ гостиницу Европу... пятьдесятъ рублей далъ... а самъ къ себѣ въ деревню... тягу далъ и оттуда бѣдняжкѣ ни слова... Впрочемъ, теперь, кажется, помирились и онъ старается загладить свою ошибку...

«Подлецъ!.. подумалъ Тобольскій. Этихъ жалкихъ балетныхъ, они даже за людей не считаютъ...

Поигралъ, а потомъ какъ сломанную игрушку и бросилъ!..»

— Да мало-ли такихъ?.. почти каждый, кто только сходится съ балетною, обѣщаетъ непремѣнно жениться, а кончается не свадьбой, а пустяками. Всякая подобная связь такъ у насъ и пахнетъ будущими слезами, да горемъ!.. И знаютъ онѣ, что ихъ ожидаетъ!.. Да нѣтъ, не терпится!.. пожить хочется! А мнѣ какое дѣло? Я для нихъ же хлопочу, стараюсь!.. boire и манже желательно!..

— Вы мнѣ, Безумовъ, точно сказки изъ тысячи одной ночи разсказываете!..

— Какія сказки?.. сущая правда!.. хоть провалиться,—не лгу!.. Бываютъ исторіи еще веселѣе... наша Курносинькая, напримѣръ, и лицемъ то не вышла, ни плясками прельстить нъ можетъ... и тѣлеса то не важныя... всѣ были увѣрены, что такъ пропадетъ... нѣтъ таки, Лариха пристроила ее... познакомила съ биржевымъ какимъ-то...и въ балетъ-то онъ мало ходитъ... увѣрили его, что знатная танцовщица... тотъ квартиру и все такое, какъ слѣдуетъ, даже лошадь подарилъ... дура-вотъ удержаться не смогла... какъ попала, такъ и удержу не стало... и лопнуло ее счастіе... Каждый день стали биржевому счеты подавать въ 200 да 300 рублей изъ Милютиныхъ лавокъ... за фрукты... онъ и отретировался, даже безъ поклону... а она кусаетъ теперь съ досады руки... да поздно... право же

глупая!.. съ тѣхъ поръ какъ кипяткомъ она ему животъ ошпарила,—понятно, биржевой, къ ней ни ногой!..

Безумовъ замолчалъ. Отъ слишкомъ частыхъ «возліяній» языкъ его отказывался говорить. Тобольскій замѣтилъ это и рѣшился выпроводить *своевременно* разговорчиваго фигуранта!..

— Не забудьте же справиться про здоровье Прасковьи Ивановны!.. Всѣ подробности узнайте!.. обратился князь къ опьянѣвшему собесѣднику.

— Въ точности отрапортую-съ!..

— Завтра приходите пораньше!... до завтрака только...

— Прилечу-съ!.. не такія еще исторіи разскажу вамъ!.. Позвольте только на извощика... а то, штрафы одолѣли!..

Тобольскій вынулъ ассигнацію и передалъ ее Безумову, который, скомкавши ее, сунулъ въ жилетный карманъ.

— На прощанье, я только рюмку дримадерцы хлопну!..

— Хлопните!..

Безумовъ опрокинулъ въ свою глотку рюмку вина и раскланиваясь вышелъ отъ князя.

Тобольскій остался одинъ. Дни были очень коротки, такъ что вскорѣ, по уходѣ гостя, начало смеркаться. Человѣкъ взошелъ было въ кабинетъ, чтобы зажечь лампу, но князь отправилъ его обратно, же-

лая въ темнотѣ предаться любимому своему занятію — критически относиться ко всему внѣшнему, его окружающему.

— Когда нужно будетъ, позову, сказалъ онъ лакею. Да, не принимать никого; меня дома нѣтъ!..

Юный князь легъ на кушетку. Темнота постепенно окутала всѣ окружавшіе предметы.

Ночной мракъ есть время мечтаній. Когда начинается стелиться сумракъ, когда все живое, подобно толпѣ призраковъ, изчезаетъ передъ одинокимъ человѣкомъ, когда не слышно ни одного живаго звука и все какъ бы погружается въ глубокій сонъ, тогда, напротивъ, начинаетъ выходить изъ летаргіи, начинаетъ пробуждаться голосъ души... Никто не въ силахъ остановить этого голоса, который все громче и громче заставляетъ стучаться неугомонное сердце... Какое то незримое, неосязаемое, и притомъ непрошенное существо предстаетъ передъ вами и открываетъ книгу вашихъ дѣяній и начинаетъ внятное чтеніе всей пройденной жизни, всѣхъ самыхъ сокровенныхъ тайнъ и помысловъ... Тутъ, съ способностью самаго глубокаго экстирпатора, выворачивается наружу все, что скрывается на сердцѣ, что заставляетъ его биться неровно; чѣмъ оно страдало и страдаетъ;... всѣ его крупныя язвы и наросты даютъ себя чувствовать... все выплываетъ на поверхность... все... что оно любило и кого презирало или ненавидѣло... Какъ въ движущейся карти-

нѣ, постоянно отдѣляясь отъ полотна, выходитъ цѣлый рядъ лицъ... даже и такихъ, которыми вы гнушаетесь, которыхъ вы не вызывали и которыхъ вѣкъ не желали бы видѣть...

Тобольскій окончательно погрузился въ свои мечтанія. Если бы даже въ это время вошелъ кто-либо въ его комнату, то онъ не услышалъ бы ничьего прихода.

Онъ вѣрилъ и вмѣстѣ съ тѣмъ силился не вѣрить всему, что разсказывалъ ему Безумовъ. Лица, о которыхъ передавалъ ему фигурантъ, представали передъ нимъ, какъ бы живыя; они улыбались и звали его въ свои объятія, указывая на стоявшую въ отдаленіи Катю. Она плакала и каждая ея слезинка, казалось, жгла насквозь его душу... Зачѣмъ я полюбилъ ее? думалъ онъ; неужели же ради удовлетворенія моихъ скотскихъ инстинктовъ; неужели для того чтобы погубить ее?.. а она стояла передъ нимъ и плакала молча; въ ее слезахъ не было упрека... его еще ни въ чемъ нельзя было упрекнуть... а слезы ея были мученическими, страдальческими слезами... Затѣмъ, въ другомъ уголкѣ, ему представилась чопорная, кружевная мать его, которая съ головы до ногъ обмѣривала Катю и саркастически улыбалась... Образъ же Кати не сходилъ съ картины, рисовавшейся его разстроенному воображенію... Кто бы ни припомнился ему... Банкометовъ-ли съ его «завинчиваніемъ», Безстыжая, съ ея прядкой волосъ, богатый-

ли негоціантъ съ графскою фамиліею и съ «золотою» любовью, ломанный-ли Букетовъ, — словомъ всѣ его балетные друзья... а Катя рисовалась на общемъ фонѣ непривлекательной, разрисованной грязными красками картины.

Съ своею любовью, онъ зашелъ слишкомъ далеко. Не смирилъ ее; а она, какъ разнузданный конь, понесла его... но куда... онъ самъ того не вѣдалъ!..

«Будь, что будетъ!.. подумалъ онъ. А употреблю всѣ усилія, чтобы вытащить ее изъ этой тины.. дамъ ей воздуху... освѣжу... Что мнѣ этотъ проклятый свѣтъ?.. приличія?.. чортъ ихъ возьми... нужно будетъ, такъ женюсь... вотъ и все... что бы не пришлось вытерпѣть, а добьюсь... сдѣлаю ее счастливой... ни на кого не посмотрю».

— Кушанье поставлено!.. Княгиня ждетъ васъ кушать! проговорилъ лакей, отворивши дверь, черезъ которую прорвался длинный лучъ свѣта отъ лампы.

Тобольскій зажегъ свѣчу и съ досадою всталъ съ кушетки. Ему было обидно, что и тутъ-то у него не было свободы; для обѣда съ матерью онъ долженъ былъ оторваться отъ своихъ мечтаній и заняться приведеніемъ въ порядокъ своего туалета...

— Письмо, вашему сіятельству, продолжалъ тотъ же лакей, подавая князю небольшую записку, лежавшую на серебрянномъ подносѣ.

Князь быстро сорвалъ печать и прочелъ слѣдующее:

Cher ami!

«Наши, сегодня, послѣ театра, собираются ужинать у Бореля. Il y aura des femmes. Всѣ хотятъ провести время на холостую ногу. На этотъ вечеръ, всѣ жены и серьезныя связи съ *ахтерками* всторону. Хотимъ повеселиться безъ балетныхъ. Будутъ всѣ французскія кокотки. Одна, есть новенькая, говорятъ, прелесть! A propos, будетъ разговоръ и устроится подписка для бенефиса нашей балерины. Считаю тебя нашимъ и заранѣе увѣренъ, что ты пріѣдешь посмѣяться и не огорчишь отказомъ твоего истиннаго друга»

Толчинскаго.

«Не поѣду! подумалъ князь. Терпѣть не могу этихъ вакханалій... Не то на умѣ...»

— Отвѣта просятъ!.. обратился къ нему лакей.

— Сейчасъ напишу.

И Тобольскій сѣлъ къ столу, въ твердой рѣшимости написать отказъ; но, обмакнувши перо въ чернила, онъ началъ колебаться въ своемъ рѣшеніи.

«А почему мнѣ не ѣхать?.. Можетъ быть въ послѣдній разъ!.. Новенькое узнаю...» подумалъ онъ и написалъ отвѣтъ, съ изъявленіемъ согласія на участіе въ пирушкѣ...

Люди слабы. А Тобольскій былъ человѣкъ и притомъ хорошій человѣкъ.

ГЛАВА XV.

„Наши“ пиршествуютъ.

Полночь. Въ роскошномъ салонѣ гостепріимнаго ресторана, убраннаго дорогими бронзовыми люстрами, зеркалами, мягкою пуховою мебелью и устланнаго бархатными коврами, собиралась большая компанія. Всѣ сливки, хотя отчасти уже прокисшія и превратившіяся въ сыворотку, были на лицо.

Посреди комнаты стоялъ большой столъ, уставленный приборами и убранный букетами цвѣтовъ; хрусталь и серебро такъ и блестѣли, отражая отъ себя лучи отъ свѣта свѣчей. Никто еще за столъ не садился. Ожидали полнаго комплекта и прибытія запоздавшихъ. Позднее ихъ прибытіе объяснялось тѣмъ, что они *своихъ* актерокъ или балетчицъ поѣхали провожать до квартиры и сами вынуждены были отказаться дѣлить съ ними любовь, по какому либо, заранѣе придуманному, экстренному, безотлагательному дѣлу. И затѣмъ, отдѣлавшись отъ нихъ, стремглавъ летѣли на холостое торжище, гдѣ ихъ должны были съ простертыми объятіями встрѣтить раскрашенныя парижскія Аспазіи, дорогія русскому карману, гнусныя искательницы приключеній.

Вся компанія размѣстилась группами по диванамъ и кресламъ. Въ ожиданіи пріѣзда главныхъ распорядителей всѣ больше играли въ молчанку. Даже присутствовавшія рыжія француженки (замѣчатель-

но, что цвѣтъ волосъ всѣхъ этихъ кокотокъ, для которыхъ у русскаго народа есть болѣе типичное названіе,—былъ рыжій) присмирѣли и наблюдали за входившими кавалерами. У каждой изъ нихъ только и было на умѣ: кто побогаче и кого легче обобрать?..

Напрасно придумывали онѣ различныя комбинаціи и хитросплетенія для *пжонированія* тельцовъ. Но тельцы эти были смирны только до начатія ужина, а затѣмъ, осушивши нѣсколько стакановъ игриваго напитка, все забывалось... они превращались въ рогатыхъ дикихъ быковъ... самыя святыя чувства попирались безнаказанно и бумажники широко отверзались для каждой рыжеволосой... тогда начиналось полное царство тупаго безобразія и торжество наштукатуренной французской колоніи...

Тобольскій никогда не былъ поклонникомъ женщинъ этой породы. Онъ ясно сознавалъ, что онѣ составляютъ собою открытый для всѣхъ и каждаго кругъ, гдѣ все основано на одномъ денежномъ разсчетѣ.

Примѣры, которые онъ ежедневно видѣлъ передъ глазами, еще болѣе укрѣпляли его въ убѣжденіи, что назначеніе этихъ Аспазій было—служить гибелью и причиною нравственнаго паденія многаго множества мужей, бросавшихъ женъ, дѣтей и всѣ прежнія симпатіи тихой, семейной жизни, мѣняя все святое въ жизни на продажную любовь.

Кромѣ того, молодой князь понималъ очень хо-

рошо, что много молодыхъ, юныхъ силъ, завлеченныхъ въ этотъ міръ покупной любви, погибло отъ нѣжныхъ, на видъ, когтей крашенныхъ «сестеръ», щедро расточавшихъ каждому свои притворныя чувства.

Онъ понималъ также, что у этой колоніи нѣтъ никакихъ цѣлей въ жизни, никакихъ надеждъ на покойное, тихое пристанище съ домашнимъ очагомъ, и что всѣ побужденія ихъ основаны исключительно на разсчетѣ, и притомъ на золотомъ или брилліантовомъ, такъ какъ душевныя стремленія въ ихъ дряблыхъ натурахъ еще не зарождались...

Глядя но этотъ особый парадный, блестящій мірокъ, Тобольскому казалось всегда страннымъ, почему въ кругу, гдѣ онъ вращался, ни въ одну изъ этихъ крашенныхъ Клеопатръ никто не бросалъ камня и не выражалъ презрѣнія, за поступки и дѣянія, которые вполнѣ того стоили. Не успѣетъ одна изъ нихъ совершенно раззорить какого нибудь юношу,— оберетъ его какъ липку и пуститъ по міру, — какъ уже салонъ (у нихъ у всѣхъ салоны) ея посѣщается другимъ еще неостриженнымъ барашкомъ, руно котораго, въ чаду животныхъ наслажденій, такъ легко поддается подъ острыя ножницы размалеванной дѣвы...

А между тѣмъ, тѣже самые рыцари закидывали грязью тѣхъ несчастныхъ, голодныхъ, горемычныхъ созданій, бродящихъ безъ пріюта по улицамъ, и подобно тѣмъ же Аспазіямъ, безъ разбору, отдающим-

ся каждому встрѣчному, но не съ цѣлью раззорить его, а чтобы самой не умереть съ голоду или купить не дорогую тряпку для прикрытія обнаженнаго тѣла.

Какъ ни печальны были эти размышленія Тобольскаго, но они были совершенно вѣрны съ дѣйствительностью.

Наконецъ прибылъ главный распорядитель пирушки, Толчинскій. Онъ какъ бомба влетѣлъ въ комнату, въ сопровожденіи Банкометова и нѣсколькихъ балетныхъ завсегдатаевъ...

— Наконецъ-то!.. А мы заждались!... Enfin... Quels cretins... и т. д. полилось съ разныхъ сторонъ.

— Прошу извиненія, господа!.. провожалъ балерину до дому; вы знаете, обязанность, noblesse oblige... Всѣ наши тутъ? спрашивалъ Толчинскій.

— Всѣ! всѣ!.. кажется всѣ!..

— Камиль!.. Eugenie!.. Сюзинька!.. Огюста!.. Луиза!.. всѣ здѣсь? интересовался Толчинскій.

— Еще бы не всѣ! вмѣшался Банкометовъ. Эти длиннохвостыя рады до смерти натрескаться. Чортъ ихъ подери!..

Банкометовъ говорилъ по русски и не особенно жаловалъ французскій діалектъ. Француженокъ же онъ терпѣть не могъ и постоянно ругалъ ихъ при каждомъ удобномъ случаѣ.

— То-ли дѣло, твердилъ онъ, наши балетныя!..

которую ни взять!.. Красота да и только!.. да эти, только морды вылощены, да какъ сороки галдятъ!..

Банкометовъ подходилъ къ каждому изъ гостей, пожимая ему руки; француженкамъ же онъ не кланялся, а останавливался передъ каждой изъ нихъ, поднявши руки, выдѣлавая ногами подобіе канкана и съ улыбкой на устахъ припѣвая разные мотивы игривыхъ плясокъ.

— Tu es si drole!.. voila un type, отвѣчали ему крашенныя.

— Однако, чортъ тебя бери! началъ кипятиться Банкометовъ. Что же ужинъ никто не заказываетъ?

— Закажи ты!.. закажи, что знаешь!.. ты на этотъ счетъ мастеръ, обратились нѣсколько голосовъ къ Банкометову.

— Ну, ладно!

И Банкометовъ свиснулъ. Передъ нимъ предсталъ самъ хозяинъ заведенія, заранѣе потиравшій себѣ руки отъ предстоящей поживы.

— Прежде всего водокъ разныхъ сортовъ и приличную закуску!

— Bien, Monsieur!.. Самыя свѣжія есть устрицы и креветы!..

Банкометовъ оглянулъ всю компанію.

— Устрицы если хороши, то двѣ сотни!.. Послѣ закуски, перво на перво, бульонъ-консоме въ чашкахъ!.. потомъ омаровъ нѣсколько штукъ, не всѣ любятъ!.. Есть парижскія соли или тюрбо?..

— Все есть-съ!..

— Ну такъ одну соль и одну тюрбо!.. а то эти форели и стерляди надоѣли!.. потомъ котлетки изъ рябчиковъ съ труфелями, потомъ спаржа, цыплята, пирожное Sapreme ou café, а послѣ подать ананасовъ, персиковъ и сливъ!.. Довольны-ли вы, господа?..

— Очень хорошо!.. молодецъ Банкометовъ, одобрила вся компанія.

Прислуга засуетилась. На столѣ, стоявшемъ около стѣны, появились водки и нѣсколько десятковъ закусокъ разныхъ сортовъ.

Все общество, въ ожиданіи ужина, накинулось и принялось истреблять устрицы, пикантные сыры, редиску и другія яства, способствовавшія раздраженію желудка.

Наконецъ всѣ усѣлись къ столу и размѣстились такъ, что каждая дама сѣла между двухъ кавалеровъ. Сначала потѣшили себя лафитомъ, а затѣмъ перешли прямо къ замороженному шампанскому. Бокалы были прибраны со стола и искрометная влага разливалась по стаканамъ, которые осушались съ быстротою поразительною...

Разговоры дѣлались очень оживленны. Тобольскій сидѣлъ рядомъ съ Сюзинькой; около него пріютился Банкометовъ, а напротивъ безъ умолку тараторила вновь вывезенная изъ Парижа Матильда... Болѣе же всѣхъ за ужиномъ отличались своими нецензурными выходками сестра Огюсты и Луиза...

— Tu es si triste! mon cheri!.. приставала Сюзинька къ Тобольскому. Видя, что молодой князь не охотно поддерживалъ съ нею разговоръ, Сюзинька обняла его обѣими руками и начала шептать ему что то на ухо, положивши одну ногу на его колѣни.

— Да ну ее къ чорту!.. поговоримъ лучше о нашихъ балетныхъ, обратился Банкометовъ къ Тобольскому. Какъ дѣла твои!.. ты у меня уродъ!.. ни рожна не понимаешь!.. Завинчивать, такъ завинчивай, по нашему, жги!.. говори!..

— Радъ бы душою!.. отвѣтилъ Тобольскій. Да, она совсѣмъ не изъ такихъ, какъ ты думаешь!..

— Правда, что не изъ такихъ!.. Одно слово— красота!..

— А тѣлеса-то какія у нее, вмѣшался бородатый негоціантъ съ графской фамиліей, вспомнишь, такъ духъ замираетъ!..

— Что резонъ, то резонъ!.. на счетъ статей, ты у насъ мастеръ разбирать!.. до тонкости науку эту произошелъ!.. вторилъ Банкометовъ.

«Подлецы, шуты гороховые!..» подумалъ Тобольскій.

— Бросимте этотъ разговоръ!.. выпьемте лучше! Эй вина!.. вина! закричалъ онъ.

Пробки хлопнули и вино полилось. Каждый спѣшилъ опорожнить свой стаканъ.

— Ne parlez pas russe!.. nous ne comprenons rien,

загалдѣли француженки. Мы веселиться пріѣхали!.. а не слушать варварскій языкъ...

И веселье началось. По слѣдующему письму, писанному одною «новенькою» своей подругѣ, проживающей въ Парижѣ, можно составить себѣ довольно наглядное понятіе объ этомъ весельѣ. Понятно, письмо было написано по французски, безграмотно и со множествомъ орѳографическихъ ошибокъ.

Мой ангелъ!

«Наконецъ банкетъ, заданный, извѣстнымъ тебѣ и по моимъ письмамъ, Толчинскимъ, состоялся. Разсказываютъ, что наканунѣ онъ получилъ какія то выкупныя pour les мужикъ. И много говорятъ получилъ. Да, чортъ съ нимъ; пускай протираетъ глаза этимъ выкупнымъ. Тутъ познакомилась со всею французскою колоніею и петербургскою блестящею молодежью. Изъ «нашихъ», оказалось много знакомыхъ. Ты ихъ тоже знавала въ Парижѣ: ходили въ простыхъ перкалевыхъ платьяхъ, а здѣсь!.. залиты драгоцѣнными камнями!.. Альфа, ту, которую ты также знаешь, съ большимъ ртомъ и самая effroutée, обираетъ здѣсь всѣхъ безъ разбору и не пропускаетъ случая поживиться на счетъ русскихъ кретиновъ!.. Она все время шептала мнѣ на ухо, чтобы я пользовалась временемъ, пока у бывшихъ владѣтелей бѣлыхъ негровъ еще водятся денежки. А то, говоритъ, протранжирятъ ихъ, тогда намъ, француженкамъ, en Russie, больше дѣлать нечего...

Да и то становится плохо... она на крѣпостниковъ больше вниманія не обращаетъ... теперь обираетъ биржевыхъ. Выгоднѣе. Жаль, что я не попала раньше въ обѣтованную страну золотыхъ Эскимосовъ... По ея совѣту поналягу на коммерсантовъ и негоціантовъ.

«Какъ умѣю, постараюсь обрисовать тебѣ нравы той сферы, въ которой мы вертимся. Ты посмѣешься вдоволь. Вотъ чурбаны—имени имъ не пріищу. Есть тутъ одинъ длинноносый... наши кокотки его обожаютъ... Платитъ очень щедро; но чудакъ большой руки... требуетъ непремѣнно, что-бы у каждой изъ насъ въ комнатѣ была разостлана тигровая шкура. Придетъ: уподобится Адаму и съ своей Евой начинаетъ валяться по кожѣ, только этимъ и пробавляется. Я не вѣрила этому, но и Луиза и всѣ мнѣ говорили... Завтра же завожу себѣ тигра... У насъ, въ Парижѣ, встрѣчаются чудаки, но подобнаго типа ты вѣрно не видала... На видъ—совершенный, длинноносый идіотъ, а въ карманѣ аржанъ безъ конца... Смѣшонъ не помѣрно. Всѣ смѣются надъ нимъ; а онъ только облизывается...

«Намъ вообще здѣсь оказывается большой почетъ!.. Что хотимъ, то и творимъ!.. Если мы уже слишкомъ запутаемся, надѣлаемъ долговъ, то мы не унываемъ... Всегда покровитель найдется. Заступится—и виновная выходитъ сухая изъ воды... Ты знакома съ Жанной, которая теперь въ Парижѣ. Она обобра-

ла одного графа до такой степени, что его за долги куда то къ бухарцамъ сослали. Одному мебельщику, да обойщику тысячъ на восемьдесятъ франковъ векселей надавалъ; тотъ спохватился, что денегъ ему не получить, а наша Жанна, не будь глупа, продала за 20 тысячъ всю мебель и бронзу здѣшнему нѣмцу—негоціанту, любителю и покровителю кокотокъ, а сама запаслась заграничнымъ паспортомъ да и удрала... Хотѣли остановить ее на границѣ, но было уже поздно; поѣздъ уже выѣхалъ изъ Россіи... Такъ обойщикъ и остался съ носомъ: затѣялъ было процессъ съ негоціантомъ и конечно проигралъ его; продажа была совершена законнымъ порядкомъ.

— А вотъ другая еще, дебелая Камилла, и какъ ее по городу не разыскивали за разныя продѣлки, нѣтъ, таки, успѣла безнаказанно также удрать... Поучайся моя милая!..

«Боже! сколько юныхъ птенчиковъ было на банкетѣ!.. Молоды, а вино вливали въ свои внутренности безъ конца!.. точно желудки у нихъ гутаперчевые!.. «Наши» обращались съ этой молодежью, точно съ рабами!.. Право!..

— Принеси мнѣ, mon bichon, то-то!..

— Застегни мнѣ, ma bibiche, ботинку!...

«Даже старики, у которыхъ куча дѣтей, и тѣ гнутъ спины передъ нашими. Такъ и слѣдуетъ обучать этихъ олуховъ!.. Мнѣ это очень нравится!..

«Высокая Како дала легонькую плюху одному зуа-

вику... онъ, ничего!.. вскочилъ и поцѣловалъ ея руку...

— Ты, сказала ему Како, было время лупилъ своихъ неотесанныхъ мужиковъ, а теперь нашъ чередъ просвѣщать и бить васъ, глупышей!.. Вы варвары, а мы цивилизованная нація!..

«Всѣ много смѣялись этой выходкѣ и тотчасъ выпили за здоровье Како!.. Зуавикъ былъ въ восторгѣ и обѣщался подарить Како пару маленькихъ пони и шарабанъ!.. Все другимъ счастье!.. Отчего, не я дала плюху, тогда и я получила бы подарокъ!.. Право же, я дура!..

«Долго хлопотала я и старалась, чтобы кто нибудь облилъ мнѣ за ужиномъ платье!.. Все не удавалось!.. Кавалеры такіе съ нами вѣжливые!.. а на улицахъ, говорятъ, чуть попроще одѣта женщина, проходу не даютъ... непремѣнно оскорбятъ или обидятъ... Наконецъ старанія мои увѣнчались успѣхомъ!.. Я сидѣла рядомъ съ бѣлокурой, стройненькой Сюзинькой, около которой такъ и увивались русскіе—братья торговцы... Кстати, о Сюзинькѣ!.. Вотъ такъ мастерица! наловчилась!.. Такъ опутала этихъ братьевъ, что дѣлитъ любовь со всѣми тремя; ни одинъ изъ нихъ и не подозрѣваетъ этого, и каждый акуратно уплачиваетъ ей по тысячѣ въ мѣсяцъ!.. Одинъ изъ нихъ подносилъ ей стаканъ шипучаго... я его *нечаянно* толкнула... цѣль была достигнута... платье мое было залито и конечно случая я

не упустила и тутъ же мнѣ вручена была радужная на покупку новаго платья... Эта продѣлка, хотя и стара, но, тѣмъ не менѣе, постоянно удается...

«На банкетѣ мнѣ собенно приглянулся одинъ безусенькій, котораго я и выбрала кавалеромъ своего сердца... Мнѣ шепнули, что онъ получилъ отъ родныхъ изъ деревни порядочный кушъ для покупки блестящаго гардероба и лошади... я приняла это къ свѣдѣнію; познакомилась, приласкала такъ, что онъ совсѣмъ ошалѣлъ и съ вечера мы отправляемся вмѣстѣ... Конечно, ты понимаешь, что деньги изъ его кармана перейдутъ ко мнѣ... а платье и лошадь пускай покупаетъ въ долгъ... Какъ денегъ у него не станетъ, на порогъ къ себѣ не пущу... а какъ пронюхаю, что презрѣнный металъ снова завелся въ его бумажникѣ, тогда... милости просимъ... Это общая система дѣйствія *нашихъ*... иначе нельзя!..

«Открыли рояль и *наши* по очереди начали пѣть разныя пѣсенки; чего, чего тутъ только не было!.. Въ выраженіяхъ никто уже не стѣснялся... Послѣ того, скорчивши серьезную мину, каждая пропѣвшая игривый куплетикъ брала огромное блюдо и обходила всѣхъ присутствующихъ, собирая деньги... точь въ точь, арѳистки въ кофейныхъ... Денегъ собрали пропасть!.. Все бумажки... только одинъ длинноносый высыпалъ десятокъ имперіаловъ, за что и получилъ отъ пѣвицы поцѣлуй... Въ отвѣтъ длинноносый только зубы ощерилъ...

«Послѣ пѣнія затѣяли канканъ... Пыль пошла столбомъ!.. Поднялись юбки, скинулись сюртуки, фраки и все смѣшалось въ общей вакханаліи... Визгъ, крикъ, притопываніе, движеніе ногами и руками, на подобіе мельницы... все это сливалось въ какой то нестройный гулъ... Серьезная Мари... та которая въ Парижѣ продала свою дочь какому-то богачу, и та развеселилась и пустилась въ плясъ... А Мари, наше Алькаварское контральто, та нарядилась мальчикомъ, живо скинула платье, осталась въ однихъ панталончикахъ, а сверху надѣла сюртукъ, и на голову мужскую шляпу... что она только выдѣлывала... чудо!.. Но мнѣ пришло въ голову перещеголять ее и дѣйствительно я добилась...

«Долго вертѣлись, задирали ноги и кружились пары въ какомъ то дикомъ безуміи... Наконецъ многіе попадали безъ чувствъ, кто на полъ, кто на диванъ... Мужчины были видимо довольны... тутъ то я и отличилась... протанцовала такое соло, что всѣ мнѣ зааплодировали и съ тріумфомъ на плечахъ пронесли по залѣ... все вниманіе было обращено на меня, такъ что, судя по первому дебюту, я надѣюсь составить себѣ карьеру и фортуну... Теперь, сознаюсь, что только одни русскіе—мастера оцѣнивать таланты... Въ Парижѣ, я проходила незамѣченною, а тутъ мнѣ отдано должное!..

«Протанцовали еще кадриль; я сдѣлала le grand écart и сшибла шляпу съ головы какого то petit

crévé!.. Но тутъ случился небольшой пассажъ: каблукомъ я задѣла его по носу такъ,—даже показалась кровь... Тотчасъ же замыли носъ шампанскимъ и выпили за здоровье раненнаго носа... На эту тему пошли разные каламбуры... много смѣялись... Вернулись домой съ безусенькимъ... Онъ только что вышелъ отъ меня. Цѣлую тебя, пріѣзжай же скорѣе сюда... увѣряю тебя, ты не раскаешься!..»

Твоя на вѣки X.

ГЛАВА XVI.

Подписка на подарокъ.

Было четыре часа утра. Вакханалія въ ресторанѣ была въ полномъ разгарѣ. Половина собесѣдниковъ едва выговаривала слова. Такъ какъ большинство участниковъ пирушки принадлежали къ числу постоянныхъ посѣтителей балета, то и рѣчь въ концѣ банкета перешла на балетныя дѣянія.

Если бы человѣкъ трезвый и не совсѣмъ лишенный способности мыслить попалъ въ этотъ моментъ въ позлащенныя хоромины ресторана, то навѣрно онъ рѣшилъ бы, что находится въ средѣ сумасшедшихъ, сорвавшихся съ цѣпи.

Про кого только не было рѣчи!.. Начиная отъ послѣдней, ничтожной *у воды стоящей*, до первоклассной звѣзды, были разобраны по одиночкѣ ста-

тьи и качества каждой танцовщицы... Понятно, что ноги, икры, руки и прочія части тѣла были подвергнуты самому подробному анализу.

— Вотъ у такой то coup de pied замѣчательное!.. тараторилъ одинъ.

— Обрати вниманіе на эту!.. У нее самая маленькая нога во всемъ балетѣ, завѣрялъ другой.

— Ну а талія у такой то! чудо!

— Да, чего нибудь да стоитъ!..

— А мяса то у этой сколько?

— Выгибъ стана...

— А сложеніе!.. а грудь какъ развита!..

— Шейка немного длинна!..

— Руки не соразмѣрны!..

Словомъ сказать, разговоры были такого свойства, какъ будто бы собрались эксперты для присужденія премій за деликатность и тонкость сложенія животныхъ, представленныхъ на выставку...

Что эти танцовщицы были далеко не вещью, а считались людьми, стоящими значительно выше ихъ цѣнителей, было совершенно упущено изъ виду раскраснѣвшеюся и отупѣвшею компаніею.

Бѣдная танцовщица! за что попирали въ тебѣ все человѣческое, все, чѣмъ ты отличаешься отъ животныхъ не мыслящихъ?.. Если бы ты могла попасть въ сосѣднюю комнату и черезъ замочную скважину подслушать сужденія твоихъ обожателей и цѣнителей, то, конечно, на другой же день ты отвернулась

бы отъ нихъ и вмѣсто улыбки встрѣтила бы ихъ съ презрѣніемъ.

— А что, господа? вскричалъ Толчинскій. Мы сюда за дѣломъ собрались, а совсѣмъ упустили изъ виду цѣль нашего сборища!..

— Еще успѣемъ поговорить!.. раздалось нѣсколько голосовъ; надо бы выпить еще!..

— Вина!.. Шампанскаго!..

Но хозяинъ заведенія, замѣтивши своихъ гостей достаточно нагрузившимися и такъ, что ни одинъ не въ состояніи былъ выговорить безъ запинки 66,666 шилинговъ, призналъ за благо вмѣсто шампанскаго угощать донскимъ и цимлянскимъ...

Компанія ничего не разбирала, а вливала въ себя донскую жидкость уплачивая за нее деньги, какъ за чистое шампанское...

— Нѣтъ пора господа!.. настаивалъ Толчинскій. Всѣ въ одинъ кружокъ къ столу!.. а то никогда не сговоримся...

Покачиваясь изъ стороны въ сторону, строгіе цѣнители и судьи хореграфическихъ талантовъ собрались къ столу. Каждый изъ нихъ шелъ съ твердымъ намѣреніемъ внести новую мысль, по поводу обсуждавшагося вопроса...

Поставленный предсѣдателемъ Толчинскимъ вопросъ былъ дѣйствительно весьма сложный и требовалъ зрѣлаго мышленія...

Рѣчь шла о предстоящей оваціи, которую гото-

вили для бенефиса пріѣзжей балерины знаменитости...

— Сегодня день великій... началъ было общелканный Клюововъ...

— И завтра день, и послѣ завтра день... замолчи! тебя не спрашиваютъ, прервалъ его одинъ изъ собесѣдниковъ.

— Позвольте, господа!.. я прошу слова!.. въ Англіи уважаютъ...

— Замолчи!...

— Ну, пожалуй, я замолчу... а ты кабріоля не сдѣлаешь? а я сотворю!

И при этомъ Клюововъ припрыгнулъ и къ удивленію присутствующихъ сдѣлалъ такой кабріоль, что ему позавидовалъ бы даже танцовщикъ Собачкинъ.

— Молодецъ!.. брраво!.. браво!.. заорали друзья-пріятели.

— Однако этому конца не будетъ!.. Господа, я избираю себя предсѣдателемъ конференціи и буду строго наблюдать за порядкомъ!..

— Хорошо!.. мы всѣ тебя выбираемъ!.. Кто перебьетъ тебя, съ того штрафъ!..

— Идетъ!.. штрафъ!.. а какой?..

— Извѣстно какой!.. Тотъ долженъ будетъ сейчасъ же выпить цѣликомъ бутылку шампанскаго, не отрывая рта отъ горлышка!..

— Я шампанскаго не пью, прервалъ Банкометовъ, потому и этого штрафа не принимаю... А кто по-

зволитъ себѣ перебить оратора не вовремя, съ того двадцать пять рублей штрафу для увеличенія подписки на бенефисъ!..

— Вотъ это умно!.. идетъ! идетъ!.. согласны!..

«То-то образуется подписка!.. подумалъ Банкометовъ».

— Господа! началъ предсѣдатель Толчинскій. Мы собрались сюда, чтобы зрѣло обсудить вопросъ, какимъ образомъ намъ, въ укоръ противоположному лагерю, сдѣлать овацію нашей diva, нашему кумиру...

— Да надо побить этотъ противный лагерь... ничего не пожалѣю... перебилъ Шаромышкинъ.

— Штрафъ... Банкометовъ, записывай!..

И Банкометовъ на листкѣ бумаги помѣтилъ: «разъ»!..

— До моего свѣдѣнія дошло, продолжалъ Толчинскій, что бибисты завербовали въ свой лагерь богача негоціанта и собираются намъ мстить. Подъ его начальствомъ лагерь ихъ значительно окрѣпъ. Месть эта уже и теперь начала выражаться тѣмъ, чхо бибисты начали закидывать цвѣтами свою богиню и къ ея бенефису готовятъ что то ужасное!..

— Я слышалъ что, они хотятъ карету отпречь... на себѣ повезутъ, т. е. въ скотовъ обратиться хотятъ, замѣтилъ Банкометовъ.

— И я слышалъ!.. Музыку пригласили къ ней на подъѣздъ... да говорятъ полиція не позволяетъ...

— Правда!.. серенаду устраиваютъ изъ любимыхъ балетныхъ мотивовъ!..

— Я навѣрно это знаю!.. затараторили сразу нѣсколько голосовъ...

— Экъ, васъ прорвало!.. замѣтилъ Банкометовъ. Штрафъ за тобой, Клюововъ! за тобой!.. и за тобой!.. Валяй, ребята.

— Когда же вы замолчите?.. горячился предсѣдатель.

— Ну, молчимъ!.. продолжай!..

— И такъ, продолжаю!.. Во вниманіе къ вышеприведеннымъ мною злостнымъ намѣреніемъ бибистовъ, слѣдуетъ сдѣлать имъ отпоръ и не посрамить нашей чести—и безъ того, говорятъ, что мы дремлемъ! Господа!.. Теперь настала роковая минута, мы должны собраться съ полными силами и сразу поналечь на это дѣло!.. Вынесемъ же предстоящее испытаніе съ подобающимъ мужествомъ, и тогда мы будемъ торжествовать!..Побѣда останется за нами!..

— Брраво!.. браво!.. бисъ!.. Поддержимъ!.. не посрамимся!.. загорланила необузданная компанія, захлопавши въ ладони.

Толчинскій всталъ и раскланялся. Когда крики утихли онъ снова началъ:

— Чтобы заручиться успѣхомъ, вамъ небезъизвѣстно, господа, что нужны деньги!.. Въ нихъ за-

ключается залогъ нашего будущаго торжества и нашей славы!..

— Въ деньгахъ недостатк не будетъ!.. костьми ляжемъ!..

— Въ прошедшій балетный спектакль, я съ подписнымъ листомъ ходилъ по разнымъ знакомымъ и собралъ только 300 рублей!.. А это капля въ морѣ! Теперь отъ насъ самихъ зависитъ разрѣшеніе вопроса: быть или не быть!..

— Ораторъ!.. говоритъ, какъ пишетъ!.. браво, Толчинскій!..

— И такъ, господа, приступимъ къ подпискѣ; по количеству собранныхъ денегъ рѣшимъ какой купить подарокъ и какого рода устроить овацію... Тогда я попрошу, чтобы каждый внесъ по этому поводу свое предложеніе и свой личный взглядъ!..

Развернутый листъ быстро пошелъ по рукамъ и въ скоромъ времени покрылся подписями.

Толчинскій подходилъ къ каждому и упрашивалъ подписать большую сумму; участіе въ этомъ дѣлѣ принималъ Банкометовъ и нѣкоторые другіе...

— Да подпиши побольше!.. что тебѣ стоитъ, лишнихъ 50 рублей?

— Да я и такъ уже 100 подмахнулъ!..

— Эка удивилъ!.. Вонъ Клюововъ тотъ навѣрное 150 рублей пожертвуетъ!

— Кто я?.. вмѣшался Клюововъ. Двѣсти отсчитаю!..

— Въ такомъ случаѣ, я дамъ триста!

— Этой мерзавкѣ Бертищѣ, по тысячѣ почти каждый день вваливаешь, усовѣщевалъ Банкометовъ негоціанта, а тутъ сотни жалѣешь!..

— Я никогда не прочь! Я, изволь!.. но вѣдь ты знаешь, почему я не могу больше дать... Мимисты будутъ въ претензіи, а я къ ихъ лагерю принадлежу...

— Ну, да ладно, чортъ тебя побери!..

— А вы, милѣйшій, что же мало подписали? 25 рублей только!..

— Ха, ха, ха!.. загоготали разные голоса. Этой бездѣлицы мы не принимаемъ!..

Этотъ милѣйшій, совсѣмъ юный птенчикъ, сконфузился и началъ что то шептать на ухо Толчинскому.

— Вотъ вздоръ-то!.. слышите-ли, господа!.. милѣйшій говоритъ, что ему прислали изъ деревни тысячу на расплату долговъ и на покупку тряпокъ для матери и больше 25 рублей дать не можетъ!.

— Зачѣмъ же къ намъ въ компанію лѣзъ?..

Милѣйшій совсѣмъ оторопѣлъ и не въ силахъ былъ бы проговорить ни одного слова, если бы добрякъ Банкометовъ не принялъ птенца подъ свое покровительство...

— Оставьте его въ покоѣ!.. твердилъ Банкометовъ. Ишь напустились, словно псы голодные!.. на-

пали на одного! черти!.. Не можетъ дать больше и умно дѣлаетъ!..

— Я не могу дать больше?.. неправда!.. заговорилъ съ увлеченіемъ «милѣйшій». Позвольте листъ!

И къ подписанной имъ цифрѣ 25, онъ еще прибавилъ спереди число два и отсчиталъ изъ бумажника 225 рублей.

«Попрошу кредиторовъ подождать!.. Или выдамъ дубликатъ, ничего!.. авось пройдетъ!.. подумалъ милѣйшій. По крайней мѣрѣ не опозорилъ себя въ глазахъ общества!..»

— А Тобольскій гдѣ? спросилъ Толчинскій. Онъ еще не подписалъ?

Тобольскій лежалъ на диванѣ и подъ шумъ бѣсновавшихся товарищей спалъ сномъ не пробуднымъ. Когда въ его головѣ сидѣлъ лишній стаканъ вина, то его тотчасъ же клонило ко сну и онъ старался найти спокойный уголокъ, гдѣ бы онъ могъ приклонить отяжелѣвшую голову...

— Не будите его!.. пускай спитъ!.. Я за него отвѣчаю, сказалъ Толчинскій, и на его имя подписалъ довольно почтенную цифру!..

— А я такъ могу и триста дать!.. меня это теперь не раззоритъ! у меня деньжонки водятся!.. вмѣшался въ разговоръ кругленькій абатикъ съ закрученными усиками, пытавшій напитаться науками и въ лицеѣ и въ университетѣ; но науки юношу не

упитали и онъ предпочелъ посвятить себя служенію балету и его феямъ...

— Ну, такъ давай!.. дери тебя горой, отвѣтилъ ему Банкометовъ.

— Я вчера на двѣсти рублей балетныхъ мужчинъ угостилъ, такъ для женщинъ ничего не пожалѣю, хвастался абатикъ.

— Ну ужъ и двѣсти!.. да не можетъ быть? ввернулъ Бергель!..

— Слышалъ про это угощеніе!.. замѣтилъ Банкометовъ, свинья, ты свинья!.. развѣ можно такъ дѣлать, какъ ты съ ними поступилъ?

— А что?

— Что такое было?

— Разскажи? Банкометовъ!.. спросили разомъ нѣсколько голосовъ.

— Позвалъ онъ, первыхъ сюжетовъ, послѣ балета, въ ресторанъ ужинать... Сдѣлайте, дескать, мнѣ эту честь и все такое... Тѣ согласились... пріѣзжаютъ!.. а абатика нашего нѣтъ, какъ нѣтъ!.. и сталъ каждый изъ сюжетовъ, глядя по своему карману, спрашивать себѣ — кто рюмку водки, кто бифштексъ, кто краснаго... Дошло дѣло до расплаты и, понятно, каждый сюжетъ сталъ платить деньги!.. Но хозяинъ заведенія денегъ не принялъ и попросилъ ихъ требовать что угодно, такъ какъ господинъ абатикъ за все заплатилъ за ранѣе?.. Трескайте,

молъ, свиньи!.. а я заплачу!.. На что дескать мое присутствіе!..

— Чѣмъ же дѣло кончилось?.. интересовались нѣкоторые.

— А они и того лучше!.. Никто денегъ не заплатилъ за съѣденное... такъ и разошлись!..

— Ты бы извинился передъ ними!.. усовѣщевалъ абатика Толчинскій.

— Передъ актерами извиняться!.. никогда... баринъ себя не станетъ унижать передъ актерами!..

— Чертова кукла!.. Вѣдь ты набитый дурачина, порѣшилъ Банкометовъ. Я бы за эту продѣлку тебѣ бы въ глаза наплевалъ.

Но большинство компаніи было на сторонѣ абатика; по ихъ мнѣнію онъ поступилъ съ достоинствомъ, накормилъ ихъ на свой счетъ, а что самъ не пріѣхалъ—не бѣда!.. На то, молъ, они и актеры.

— Однако, господа, такъ мы своего дѣла никогда не кончимъ, прервалъ спорившихъ Толчинскій. Считайте, сколько собрано?

Сочли цифру подписки. Сумма оказалась кругленькая. Образовалось около трехъ тысячъ!..

— Маловато!.. рѣшили нѣкоторые.

— Нѣтъ, довольно!.. что не хватитъ, я прибавлю! отвѣчалъ Шаромышкинъ, захотѣвшій отличиться...

— Ну и я также добавлю!.. подтвердилъ Толчинскій.

— Ладно!.. ладно!..

— Теперь надо рѣшить, какой поднести подарокъ!.. Господа, давайте совѣты!..

Послѣдовалъ такой шумъ, что нельзя было разобрать ни одного слова. Каждый хотѣлъ дать свой совѣтъ, стараясь доказать справедливость своего мнѣнія.

—Вѣнокъ золотой кованный!.. и чтобы на каждомъ листкѣ были вырѣзаны имена балетовъ, въ которыхъ она участвовала..

— Старо!.. Старо!.. не надо!. а что нибудь полезное!.. шубу соболью!..

— Сервизъ серебрянный!..

— Ботинку золотую на малахитовомъ пьедесталѣ!..

— Бюстъ ее вылить!..

— Карету съ лошадьми-рысаками!..

— Все вздоръ вы городите!.. остановилъ шумливыхъ Толчинскій. Надо такой подарокъ, чтобы она могла увезти его заграницу и показать всему міру, какъ мы, русскіе, поощряемъ!..

— Это вѣрно!.. ну такъ что же?

— Понятно, брилліантовъ покрупнѣе, замѣтилъ Банкометовъ. Это самая пользительная штука.

— Я предложу вамъ купить по дешевой цѣнѣ ожерелье изъ горнаго хрусталя, вмѣшался Лопуховъ; на каждомъ камнѣ по мухѣ изумрудной и рубиновой; чудо!..

— Но вѣдь уже разъ подносили такой подарокъ...

— Аллегорія по крайней мѣрѣ есть!.. Вы, дескать

diva, чисты какъ хрусталь и никакая муха васъ ужалить не можетъ!.. сказалъ Клюововъ.

— Балдарю!.. балдарю!.. вотъ такъ одолжилъ!. замѣтилъ Банкометовъ, пожавши руку Клюововy...

— А что? развѣ неправда?.. спрашивалъ озадаченный франтикъ.

— Одно—слово, балдарю!.. разодолжилъ да и только!..

— Господа, начали нѣсколько голосовъ, мы стоимъ за смыслъ; непремѣнно надо, чтобы подарокъ былъ осмысленный!.. Клюововъ правъ!

— Ну такъ, что же по вашему?

— А вотъ что! наша балерина легка какъ бабочка!.. ну и сдѣлать брилліантовую бабочку и на крыльяхъ вырѣзать четверостишіе!..

— А кто же стихи напишетъ?..

— Разумѣется сами!.. или закажемъ!..

— Да позвольте, вмѣшался чистокровный абитюэ, я сейчасъ подберу; позвольте минуточку!.. я сейчасъ!..

Въ залѣ водворилась тишина. Черезъ нѣсколько минутъ чистокровный проговорилъ:

Ты легка какъ олень!
Не забудь ты сей день!

— И прибавь: ты глупъ какъ пень!.. балдарю! остановилъ поэта Банкометовъ.

— Олень? Это очень хорошо!.. приставали къ піитѣ!.. но гдѣ же бабочка?

— Ахъ, я и забылъ, что мы хотимъ подносить бабочку! а я думалъ оленя... Такъ позвольте, я сейчасъ... оправдывался чистокровный.

— Нѣтъ ужь не надо!.. балдаримъ!... А просто за просто, заказать большую звѣзду брилліантовую, чтобы она могла служить и брошкой, и діадемой на голову... Чѣмъ крупнѣе завинтить въ нее брилліанты, тѣмъ лучше!.. увѣреннымъ тономъ, проговорилъ Банкометовъ...

— Нѣтъ, это уже слишкомъ просто!.. гдѣ же смыслъ?.. гдѣ же аллегорія? не соглашались нѣкоторые.

— Какого вамъ еще чорта, прости Господи!.. настаивалъ Банкометовъ. Аллегорія есть.....цѣнно... блеститъ... вотъ тебѣ и аллегорія...

— Господа, замѣтилъ Толчинскій, Банкометовъ геній; я съ нимъ согласенъ. Лучшаго придумать нельзя!.. Успокойтесь, въ этомъ подаркѣ и аллегорія есть!

— Какая же? какая?..

— Въ газетахъ, всѣхъ танцовщицъ первоклассныхъ называютъ звѣздочьками; вотъ и мы поднесемъ звѣзду блестящую, еще болѣе крупному свѣтилу; и стихи можно приложить на тему, что подносимая звѣзда блеститъ, а вы, дескать, т. е. вашъ талантъ, свѣтитъ еще ярче этой звѣзды!..

— Брраво!.. браво! . Толчинскій... Согласны!.. Звѣзду, такъ звѣзду!..

Послѣдовало общее согласіе и конференція рѣшила заказать звѣзду.

— Ну, а какже на счетъ цвѣточковъ? интересовались нѣкоторые.

— Объ этомъ я ужь позабочусь, отвѣчалъ Толчинскій.

— Поменьше бы этихъ цвѣтовъ, замѣтилъ одинъ изъ болѣе благоразумныхъ. А то въ газетахъ осмѣютъ насъ за это цвѣтобѣсіе... деньги, говорятъ, непроизводительно бросаемъ!..

— Чортъ ихъ побери, эти газеты! заголосило нѣсколько человѣкъ. Плевать на эти писанія! Пускай строчатъ, что хотятъ, а мы все таки свое дѣлать будемъ!.. Насъ этимъ не проучишь!..

— Вѣрно! вѣрно! подтвердили всѣ. Цвѣты, букеты и вѣнки, что бы изъ ложъ такъ и сыпались; для публики это метаніе въ носъ бросается!.. недѣлю весь городъ говорить будетъ!.. это-то намъ и надо.

— Кидать изъ ложъ или просто подать черезъ капельмейстера? спросилъ Толчинскій.

— Кидать!.. Засыпать!..

— Ну, ладно!.. Рублей на шестьсотъ закажу!..

Въ это время, черезъ отворенную форточку, на улицѣ послышался шумъ. На дворѣ было уже совсѣмъ свѣтло... и рабочій народъ, водовозы и прочій трудящійся людъ сновалъ уже по роскошной улицѣ, спѣша на работу...

— Что тамъ такое? разузнай!.. приказали нѣсколько человѣкъ прислуживавшему татарину-лакею.

Не успѣлъ татаринъ выйдти изъ комнаты, гдѣ въ такомъ обиліи совершались возліянія, какъ дверь отворилась и въ нее съ шумомъ влетѣлъ растрепанный Безумовъ.

— А! Безумовъ! Какъ? откуда?.. зачѣмъ? почему? послышалось съ разныхъ сторонъ.

— Караулилъ! Всю ночь дежурнымъ былъ, едва выговорилъ пьяный фигурантъ.

— Эй, татаринъ! свиное ухо! поднеси господину Безумову, да попроси хорошенько, чтобы откушать винца соизволили, обратился Толчинскій къ слугѣ.

— Не мо-огу!.. возопилъ Безумовъ.

— Да отвѣчай же, откуда, въ такую пору?..

— Съ подъѣзда!.. Караулилъ!..

— Кого?

— Ярилкина!

— Какого это Ярилкина?

— Юнаго ухаживателя за нашей кордебалетной.

— Вамъ какое дѣло?..

— Ты что за караульщикъ нашелся? загоготали балетоманы.

— Отбивать ее вздумалъ у моего кровнаго товарища!.. Понимаете-ли, кровнаго!.. кровнаго!.. повторялъ Безумовя себя въ грудь.

— Эка важность!.. ну а какъ мы всѣ вступимся за Ярилкина?

—Поздно, господа!.. поздно!.. ораторствовалъ фигурантъ.

—Какъ поздно?.. пускай, господа, онъ объяснится, требовали хлыщи.

— Чего тутъ объяснять?.. Мы всю ночь съ Качевымъ караулили его здѣсь, у подъѣзда!.. Продрогли, какъ собаки!.. Совсѣмъ бы замерзли, если бы не запаслись полуштофомъ померанцевой... только ею и отогрѣлись... Только что онъ вышелъ, мы его раба Божія подъ руки, да холку и нагрѣли!.. Онъ узидалъ Качева и сейчасъ же догадался въ чемъ дѣло!.. не пикнулъ!.. и разумѣется никому объ этомъ пассажѣ ни слова не скажетъ... такъ, засохнетъ!.

— Вотъ дубина то! Гдѣ же несчастному фигуранту съ однимъ изъ «нашихъ» тягаться? Разумѣется, Ярилкинъ побѣдитъ свою Бурскую, а Качева, захотимъ, такъ еще такъ устроимъ, что со сцены выгонятъ!.. Мы — сила!..

— Э! э! Безумовъ!.. да ты, любезный, не за свое дѣло взялся! чѣмъ бы намъ помогать въ нашихъ амурахъ... а ты свою философію затѣялъ!

— Я не виноватъ!.. Ей, ей... не виноватъ! извинялся Безумовъ.

— Проучить его, господа!..

— Проучить!..

— Я право не виноватъ!..

— Заставимъ его бутылку рому гольемъ выпить!..

— Умо-о-орите!.. умру!.. ежился фигурантъ.

— Вретъ, не помретъ!..

— Не околѣетъ!.. Человѣкъ! рому!..

— Чортъ-съ нимъ!.. оставьте его въ покоѣ, вмѣшался Толчинскій!...

— Ты что за покровитель нашелся?...

— Рому!

— Коньяку!...

Отъ шума и крика разгулявшихся «*нашихъ*», Тобольскій проснулся. Увидя, что вся орда обступила пьянаго Безумова, онъ счелъ долгомъ за него вступиться.

— Господа!.. оставьте его!. c'est un pauvre diable!.. Онъ въ жизни еще не мало окажетъ вамъ услугъ!.. бросьте!... упрашивалъ князь.

— Заслышавъ голосъ Тобольскаго, Безумовъ, какъ спуганный заяцъ, подлетѣлъ къ князю, прося его защиты и покровительства.

— Защитите, князь!.. Я, ей, ей, не виноватъ... важную вамъ новость разскажу.

По неотступной просьбѣ Тобольскаго, хлыщи от-

ступили отъ фигуранта; и князь взялъ свою соболью шапку, собираяся оставить своихъ собесѣдниковъ..

— Ступайте за мной! сказалъ онъ тихо Безумову.

— Ты куда? что такъ рано? разомъ закричали нѣсколько голосовъ.

— Какъ куда? домой пора!..

— Рано!.. подожди!.

— Дѣйствительно рано!. почти восемь часовъ утра!..

— Да мы еще не все рѣшили!.. какъ обставить бенефисъ нашей балерины?.. Посовѣтуй! спросилъ черномазенькій.

— Какъ хотите, такъ и дѣлайте! нехотя отвѣтилъ Тобольскій.

— Нѣтъ, подожди!.. безъ тебя, такого серьезнаго дѣла рѣшить нельзя!..

— Ну, говорите скорѣй, съ досадой проговорилъ князь.

— Ну, такъ, слушай!... На счетъ подарка мы рѣшили!...

— Ну и ладно!..

— А вотъ въ чемъ еще не согласились!.. Какъ поступить съ цвѣтами?

— Только пожалуйста не мечите ихъ изъ ложъ, вмѣшался Банкометовъ.

— Это почему? Оно эфектно!.. весь городъ заговоритъ!..

— Глупо!... очень глупо!.. настаивалъ Банкометовъ. Во всѣхъ газетахъ васъ выругаютъ, да еще дураками обзовутъ... Непремѣнно отбарабанятъ и пропишутъ: не мечите бисеръ!...

— Вздоръ! Неправда!... ввернулъ Лопуховъ. Я берусь за это! Вы знаете, я уже себя на этотъ счетъ достаточно зарекомендовалъ!..

— Мастеръ своего дѣла!. А что будутъ говорить?.. Наплевать!.. Лишь бы она была довольна.

— Правда, господа, Лопуховъ на дѣлѣ доказалъ, что онъ швыряетъ изъ бельэтажа букеты мастерски!.

— Ловокъ, чортъ!..

— Лучше, просто подать десятокъ букетовъ, настаивалъ Банкометовъ.

— Я протестую!. я не согласенъ!.. горячился Черномазенькій. Противной партіи надо доказать, что мы сильнѣе. Въ бенефисъ ихъ кумира подавали букеты черезъ капельмейстера, а мы должны превзойти ихъ... Закидаемъ нашу балерину, вѣнками и цвѣтами!..

— Закидаемъ!.. закидаемъ!..

— Забросаемъ!.. забросаемъ!..

— Завинтимъ, сколько то есть влезетъ!..

— Браво!. Черномазенькій!..

— Только — господа, чтобы не мизерно вышло?.. не по прошлогоднему, какъ Толчинскій бросалъ къ ногамъ польки десятка два вѣнчковъ; вѣдь смѣхъ только возбудило!.. А въ литерки лакеевъ какихъ то

насажалъ, чтобы метали букеты... всѣ хохотали, замѣтилъ Банкометовъ.

— Я берусь все дѣло справить, поспѣшилъ перебить его Лопуховъ. Въ ложи насажаемъ все своихъ, лишь бы только въ букетахъ недостатка не было!..

— За этимъ дѣло не станетъ! Всѣ генеральскія оранжереи къ моимъ услугамъ!.. Бррр... мнѣ обѣщала! а ей только приказать стоитъ!.. Башмачниковъ также позволилъ въ своихъ оранжереяхъ срѣзать все, что только въ цвѣту!.. усовѣщевалъ Черномазенькій!..

— Коли такъ, валяйте, ребята!. подтвердилъ Банкометовъ!..

— Молодецъ, Черномазенькій!.. молодецъ!.. вотъ такъ дѣйствуетъ, подхватила вся компанія.

— Метать, такъ метать!..

— Будемъ метать и разсядемся по крайнимъ ложамъ!..

— А букеты большіе съ вензелями и громадные вѣнки съ шифромъ балерины закажемъ на деньги!.. Это я берусь! рѣшилъ Лопуховъ.

— Ну и ладно!.. А что про насъ говорить будутъ, что мы шуты гороховые,—плевать хочу я на это, замѣтилъ Толчинскій.

— Не шуты, а дурачье неотесанное!.. Уроды, черти! пояснилъ Банкометовъ.

— Ну теперь, господа, все порѣшили? спросилъ уставшій Тобольскій.

— Нужно-бы еще потолковать!. вѣдь дѣло серьезное рѣшается!

— Какъ бы въ просакъ не попасть?..

— Повторяю, на все согласенъ!. только увольте, ради Бога; усталъ до нельзя!.. Прощайте!..

И Тобольскій надвинулъ на лобъ шапку и вышелъ изъ столовой, въ сопровожденіи едва державшагося на ногахъ Безумова. Рѣзкій переходъ съ мороза въ теплую комнату совершенно отуманилъ его мозги...

Князь въ дверяхъ остановился, чтобы еще разъ поклониться товарищамъ и его поразила представившаяся ему во всей красотѣ картина.

Полъ былъ почти весь залитъ пролитымъ виномъ; всюду валялись пробки, окурки сигаръ, папиросъ и куски разбитыхъ рюмокъ и стакановъ. На диванахъ, въ безобразномъ видѣ полулежали полурастрепанныя *француженки*, съ лица которыхъ, отъ жары, текли ручьи бѣлилъ и руманъ. По угламъ и на креслахъ валялись сюртуки и фраки. Одни изъ «*нашихъ*», припѣвая фолишонъ или трепака, своими жидкими ногами выдѣлывали передъ полинялыми кокотками различные выкрутасы; а дѣвицы, глядя на нихъ, улыбались, прищелкивая пальцами и думая про себя: то-то, дурни!. то-то, дурни!..

Другіе же безпрестанно чекались другъ съ другимъ и предлагали каждому пить съ ними брудершафтъ, *на ты*, и при этомъ опорожнивали до дна

цѣлые стаканы шампанскаго, заставляя непремѣнно выругать себя самыми площадными словами.

— Хотите выпить на ты?

— Выпьемъ!

Руки скрещивались и черезъ руки въ горло вливалось вино. Осушивши стаканъ приговаривалось: Теперь выругаемся.

— Ты свинья!

— Ты подлецъ! и затѣмъ шли нецензурныя выраженія. Таковъ обычай брудершафта. Съ этой минуты выпившіе *на ты* дѣлались друзьями, такъ что дружба въ этой компаніи пріобрѣтается очень не трудно...

Третьи изъ «нашихъ» обнимались съ полинялыми, не будучи въ состояніи подняться съ мѣста. Наконецъ, какъ бы для полноты общей картины, нѣкоторые сидѣли въ глубокихъ креслахъ, съ головою поникшею на груди и съ прядями волосъ, закрывавшими лобъ и глаза. Это были набрызгавшіеся до положенія ризъ—это были мертвыя тѣла!...

Тобольскій съ соболѣзнованіемъ взглянулъ на результатъ, на послѣдствія вакханаліи, пожалъ плечами и вышелъ съ твердымъ намѣреніемъ никогда болѣе не участвовать въ подобныхъ оргіяхъ.

ГЛАВА XVII.

Катя сирота.

Измученная съ растерзанымъ сердцемъ, съ переболѣвшею душою, Прасковья Ивановна разнемоглась и слегла въ постель...

Черезъ нѣсколько часовъ, по ея возвращеніи домой съ репетиціи, старухѣ сдѣлалось дурно. Она почувствовала ознобъ, потомъ жаръ. Ни насильное питье горячей малины и чаю, ничто не помогало. Къ вечеру показался бредъ и открылись всѣ признаки горячки.

Катя предлагала нѣсколько разъ сбѣгать за докторомъ, но мать ее постоянно отговаривала.

— И безъ того, родная, денегъ нѣтъ!.. Нуждаемся... а докторамъ платить нужно!.. коли на роду написано умереть, все равно и съ докторомъ помрешь... Смерти не избѣжишь!.. едва выговаривала старуха.

Нѣсколько дней лежала она совершенно безъ чувствъ, потерявши сознаніе. Затѣмъ снова появился бредъ и старуха совершенно разметавшись лежала въ постели... съ говѣрщихъ губъ ее по временамъ слетало только имя Кати...

Въ квартирѣ царствовала мертвая тишина. Катя сидѣла у стола съ фигурантомъ Бѣляковымъ, который во все время болѣзни старухи безвыходно сидѣлъ въ ихъ квартирѣ, исполняя порученія упавшей

духомъ танцовщицы. Цѣлые вечера и ночи, пока Прасковья Ивановна находилась въ забытьи, Бѣляковъ и Катя сидѣла потупившись и фигурантъ, безпрестанно покашливая, не сводилъ съ нее глазъ.

Раздался звонокъ.

Бѣляковъ отворилъ дверь и въ прихожую на цыпочкахъ вошли трое мущинъ. Это были: князь Тобольскій, Безумовъ и докторъ.

При видѣ вошедшихъ, кровь хлынула въ голову Бѣлякова.

— Что вамъ угодно? быстро проговорилъ онъ, едва удерживаясь отъ гнѣва.

— Бѣляковъ! или меня не узналъ?.. тише!.. тсъ!.. обратился къ нему Безумовъ.

— Смѣяться надъ чужимъ горемъ пришли!.. мало вамъ, что одну сгубили... я не допущу... ступайте отсюда... кипятился Бѣляковъ.

Тобольскій стоялъ какъ вкопанный, онъ не могъ проговорить ни одного слова; докторъ съ изумленіемъ ожидалъ развязки.

Услыхавши шумъ, Катя вошла въ переднюю и князь рѣшился заговорить.

— Извиненія теперь не у мѣста!.. Я пришелъ помочь вашему горю... Я привезъ съ собою доктора... онъ можетъ спасти вашу матушку...

— Князь!.. я знала, что вы мой спаситель... Я вѣрила, что вы въ несчастіи первый придете на помощь...Помогите...спасите мать... проговорила Катя.

Этотъ порывъ Кати привелъ было Бѣлякова въ совершенное бѣшенство; онъ хотѣлъ что-то сказать, но не могъ. Его душилъ кашель. Онъ махнулъ рукой, съ упрекомъ взглянувъ только на любимую имъ дѣвушку.

Катя же схватила князя за руку и насильно втащила его въ спальню къ матери; но Тобольскій остался въ первой комнатѣ, пропустивъ доктора къ кровати умирающей.

Докторъ взглянулъ на старуху, ощупалъ пульсъ и тотчасъ же вернулся къ князю, попросивъ Катю остаться у больной.

— Сейчасъ пропишу лекарство!.. надѣюсь, ваша матушка скоро поправится, утѣшалъ докторъ танцовщицу.

— Ну что, какъ больная? спросилъ его князь.

— Леченіе больше не нужно!.. Всѣ старанія мои будутъ безплодны. Недугъ такъ силенъ, что болѣзнь прервать невозможно!.. больная не проживетъ и двухъ дней... Впрочемъ, я ей что нибудь пропишу, это продлитъ агонію... рѣшилъ докторъ.

— Не созвать-ли консиліумъ?..

— Не поможетъ!.. Черезъ сутки старухи не станетъ; да и огорчаться объ этомъ нечего: она прожила уже свой вѣкъ, а вы, князь, обратите лучше вниманіе на дочь... эта начинаетъ только жить... а ходитъ совсѣмъ больная!.. Вотъ ей скорая нужна помощь! а то будетъ поздно!.. шепталъ докторъ.

— Не ужели-же она опасно больна? испуганнымъ голосомъ спросилъ князь.

— Опасно и даже очень!.. Спокойствіе ей нужно!.. чтобы заботъ не было! а то этотъ цвѣточекъ скоро поблекнетъ... повѣрьте, князь, она недолговѣчна...

— Я спасу ее!.. непремѣнно спасу!.. рѣшилъ въ своемъ умѣ князь.

Нежданные гости собирались уйти, но Катя взглянула на князя такъ, что Тобольскій невольно опустилъ глаза.

— Князь! умоляю, не оставляйте насъ, хоть пока маменька больна. Я одна!.. не знаю, что дѣлать!..

— Если позволите, я еще разъ пріѣду къ камъ съ докторомъ... Простите, что я васъ обезпокоилъ... я не имѣлъ намѣренія васъ оскорбить или обидѣть, извинялся Тобольскій.

— Пріѣдемъ-съ!.. на счетъ этого не безпокойтесь!.. поддержалъ Безумовъ. Князь человѣкъ добрый-съ!..

— Я все знаю!.. я все знаю!.. и Катя залилась слезами.

Не прощаясь ни съ кѣмъ, посѣтители мрачной квартиры бѣдной танцовщицы ушли.

Послѣ того, какъ Прасковьѣ Ивановнѣ насильно влили въ ротъ лекарство, Катя нѣсколько успокоилась. Она не вѣрила возможности лишиться матери. Всю ночь просидѣла она у ея изголовья, не отрывая глазъ съ пожелтѣвшаго лица старухи, ко-

торая уже цѣлыя сутки лежала безъ сознанія и безъ всякаго движенія. Но надежды дочери не могли исполниться... Болѣзнь такъ сильно боролась въ организмѣ старуха, что всѣ источники жизни прекращались постепенно... Никакія лекарства не могли спасти умирающей... Конецъ приближался...

Въ эту же ночь настала роковая минута... минута разставанья съ жизнью...

На дворѣ былъ двадцати градусный морозъ. Окна были покрыты толстымъ слоемъ льду и инея... Черезъ окно свѣтила блѣдная луна. Катя, держа въ своихъ рукахъ костлявую руку матери, заглядѣлась на бѣлые, сіяющіе круги, окаймлявшіе неизмѣнную спутницу земли. Вдругъ она почувствовала судорожное пожатіе руки.

Ее обдало холодомъ... Лихорадочная дрожь пробѣжала по всѣмъ ея членамъ... Катя взглянула на больную... на лицѣ старухи сіяла какая то радость... сознаніе возвратилось.

Въ свою очередь и Катя улыбнулась: она подумала, что больной сдѣлалось легче; но вскорѣ ей пришлось горько разочароваться въ своихъ предположеніяхъ.

— Катя!.. голубушка! прости!.. я много тебя огорчала... я виновата предъ тобой... но я любила тебя... Прости... береги себя... чувствую, что смерть моя пришла!.. пуще всего стыдъ береги... будь счастлива... Тамъ помолюсь за тебя... Береги себя...

ты теперь одна... останься честною дѣвушкою... помолись обо мнѣ... Про...

Старуха не могла проговорить послѣдняго слова. Она умолкла. Все было кончено. Въ послѣднихъ словахъ, въ поблекшей улыбкѣ, было какое то величественное спокойствіе. Въ послѣднемъ взглядѣ на дочь сіяла надежда на будущее счастіе ея роднаго-дѣтища... Казалось, что переходъ старухи въ міръ иной былъ переходомъ не въ мракъ, не въ ночную тьму, а въ безоблачное, радужное майское утро...

При видѣ умершей матери, Катя остолбенѣла... слезы, какъ двѣ жемчужныя росинки, застыли на ея рѣсницахъ... она не въ состояніи была отдать себѣ отчета обо всемъ, что произошло въ теченіе дня...

Въ первый разъ въ жизни она увидѣла свое совершенное одиночество. Сердце ее сжалось; ей стало больно, очень больно... Тутъ только она вспомнила, что она круглая сирота... Мать, какъ бы живая, представилась ей съ нѣжными ласками и заботами. Она начала приписывать преждевременную смерть своему равнодушію къ матери.

— Но я любила ее... я бы еще больше полюбила бы ее... я сама бы сдѣлала все, что ей угодно... я бы ни въ чемъ не противорѣчила ей... я бы утѣшила ее... Господи!... Господи!.. за чѣмъ ее нѣтъ въ живыхъ?.. Нѣтъ!.. не можетъ быть, она не умерла!.. вслухъ проговорила Катя.

И какъ ужаленная змѣей, она хватала старуху то за лице, то за руки, то за плечи и начала трести ее изо всѣхъ силъ.

Но смерть уже вырвала новую жертву: трупъ не показывалъ болѣе никакихъ признаковъ жизни.

Катя вскрикнула и въ безпамятствѣ упала на полъ.

Бѣляковъ стоялъ рядомъ и плакалъ какъ ребенокъ.

На другой день, Тобольскій пріѣхалъ снова вмѣстѣ съ докторомъ, когда старухи уже не было въ живыхъ. Онъ засталъ Катю совершенно убитую горемъ.

Увидавъ князя, танцовщица только указала ему рукою на спальню, гдѣ на столѣ уже лежалъ трупъ ея матери.

Князя сопровождалъ неизмѣнный его спутникъ Безумовъ. Въ головѣ его тотчасъ родилась мысль о возможности зашибить копѣйку и вмѣстѣ съ тѣмъ оказать услугу... Онъ не желалъ пропустить удобнаго случая.

— Позвольте мнѣ, Катерина Сергѣевна, на счетъ послѣдняго долга... т. е. на счетъ похоронъ распорядиться!.. обратился Безумовъ къ Катѣ.

— Дѣлайте, какъ хотите... мнѣ все равно... я сама не могу... едва проговорила она.

— Распоряжусь!.. а на счетъ денегъ не хлопочите!.. достанемъ-съ!..

— Достаньте... я при жалованьѣ отдамъ!... сквозь слезы отвѣтила Катя.

Чувствуя себя въ крайне неловкомъ положеніи, Тобольскій отвѣсилъ низкій поклонъ Катѣ и, не сказавши ни слова, поспѣшилъ удалиться. Вслѣдъ за нимъ вышелъ и Безумовъ съ цѣлью хлопотать о похоронахъ.

Уже на улицѣ, Тобольскій обратился къ Безумову:

— Если вамъ денегъ нужно—возьмите!.. чтобы ни въ чемъ недостатка не было!.. Понимаете!.. Когда всѣ выйдутъ, опять спросите у меня.. не церемоньтесь!...

— Многаго, князь, не требуется... а сотнягу позвольте!.. хватитъ!..

Получивъ деньги, Безумовъ тотчасъ отправился къ гробовщику заказывать, по его выраженію, сосновый кринолинъ для старухи.

— Гробъ на домъ носить не нужно, говорилъ Безумовъ гробовщику, я самъ завтра за нимъ зайду... мы вмѣстѣ съ пріятелями доставимъ куда нужно... за это вы должны дешевле взять!..

— Это какъ вамъ угодно-съ!.. послѣдовалъ отвѣтъ.

И дѣйствительно на другой же день, Безумовъ

собралъ своихъ товарищей и отправился за гробомъ. По дорогѣ же пріятели, съ задняго, чернаго хода, зашли въ трактиръ согрѣться отъ холода, поставивши гробъ у дверей. Возліяніе было весьма сильное, такъ что, черезъ полчаса времени, Безумовъ опьянѣлъ до совершеннаго безчувствія и не въ силахъ былъ шевелить языкомъ.

Не желая оставить товарища одного, остальные двое пріятелей вывели его подъ руки изъ «заведенія» и придумали весьма оригинальный способъ перенесенія пьянаго Безумова. Они положили его въ гробъ, прикрыли крышей, поставили ношу на свои головы, и по петербургскимъ улицамъ, въ гробу, понесли пьянаго товарища, который тотчасъ же заснулъ сномъ праведника.

Никто изъ прохожихъ и не подозрѣвалъ, что въ гробу былъ заключенъ мертвецки пьяный фигурантъ.

ГЛАВА XVIII.

Эпилогъ.

Прасковью Ивановну похоронили и Катя осталась совершенно одна. Что ей было дѣлать?.. Итти-ли по избитой дорожкѣ?.. или остаться честною дѣвушкою?.. Она стояла на перепутьѣ и рѣшительно не знала, на что рѣшиться!..

Предсмертныя слова матери глубоко врѣзались въ ея памяти и она рѣшилась по возможности стараться избѣгать окружающихъ ее искушеній и остаться такою-же танцовщицею—труженицею, какая она была и при жизни матери.

Ничто въ жизни такъ не сближаетъ людей, какъ постигшее ихъ горе или крупное несчастіе. Вотъ почему Тобольскій, послѣ смерти Прасковьи Ивановны, былъ принятъ Катей едва-ли не съ распростертыми объятіями.

Князь былъ единственный человѣкъ, который принялъ участіе въ горѣ Кати и сочувственно относился къ ея безотрадному положенію; поэтому, какъ долго ни крѣпилась танцовщица, но Тобольскому она не могла отказать въ его посѣщеніяхъ. Онъ сдѣлался неизмѣннымъ ея гостемъ и просиживалъ у Кати цѣлые вечера; оставаясь съ нею наединѣ, онъ ни разу не смѣлъ даже и заикнуться о какомъ либо оскорбительномъ предложеніи.

Такого рода деликатность въ обращеніи конечно не проходила безслѣдно и не ускользала отъ Кати. Со дня на день она все болѣе и болѣе привязывалась къ нему и въ случаѣ продолжительнаго его отсутствія Катя скучала, ожидая съ нетерпѣніемъ прихода князя.

Бѣдняга Бѣляковъ навѣщалъ также изрѣдка Катю и конечно ни разу не смѣлъ даже и намекнуть ей

ни о своей любви, ни о томъ, что князь ей не пара и что онъ посѣщаетъ ее съ далеко не чистыми намѣреніями.

Попробовалъ было фигурантъ поговорить съ ней объ этомъ предметѣ, но Катя тотчасъ же остановила его и предложила выбрать одно изъ двухъ или совсѣмъ оставить ее квартиру, или же никогда не заикаться о Тобольскомъ.

Бѣляковъ предпочелъ послѣднее.

Однажды вечеромъ, Тобольскій пріѣхалъ къ Катѣ взволнованный и долго не рѣшался высказать ей причины своего волненія.

— Что съ вами, князь? вы нынче какой-то странный?.. спросила его балетная артистка.

— Ничего!.. такъ!.. пройдетъ!.. не стоитъ и говорить!.. отвѣтилъ смущенный князь.

— Вы со мною не откровенны!., это не хорошо!.. вы знаете, какъ я принимаю близко къ сердцу все, что до васъ касается!..

— Такъ вы хотите, чтобы я былъ съ вами откровененъ!.. извольте, я рѣшился высказать вамъ все, что накипѣло за эти послѣдніе дни...

— Ради Бога!.. успокойте меня!.. что съ вами?.. вѣрно матушка ваша, княгиня... съ ней не поладили...

— Всего было по немногу!.. и отъ матушки до-

сталось!.. и отъ пріятелей!.. Хороши!.. нечего сказать!.. Слушайте же, Катерина Сергѣевна, все что я вамъ скажу!.. Мамашины приживалки слѣдили за мною, какъ гончія собаки... Каждый мой шагъ маменькѣ извѣстенъ... Она разузнала о моихъ частыхъ къ вамъ посѣщеніяхъ и вчера сдѣлала мнѣ цѣлую исторію... и проклясть-то хотѣла... и лишить меня наслѣдства... никакіе мои доводы и убѣжденія, ничто не дѣйствовало!.. Затвердила одно... Ну, да и я вооружился... также стоялъ на своемъ...

— Князь!.. простите меня!.. но я не понимаю васъ!.. на чемъ же вы настаивали?.. съ едва скрытымъ волненіемъ спросила Катя.

— Какъ на чемъ?.. на томъ, Катерина Сергѣевна... на томъ... что я люблю васъ!.. что безъ васъ мнѣ жизнь въ тягость!...

Слово «любовь» было произнесено въ первый разъ со времени ихъ знакомства. Катя съ благодарностью протянула руку, не будучи еще въ состояніи отдать отчета, къ чему могла повести эта любовь. Князь схватилъ ея руку и осыпалъ поцѣлуями.

— Катерина Сергѣевна!.. Катя!.. вы... ты любишь меня!.. скажите одно слово и я самый счастливый человѣкъ!..

Въ это мгновеніе Катя съ ужасомъ отскочила

отъ князя; ей представилась умирающая мать и даже послышались послѣднія ея слова «ты останешься честною дѣвушкою!..»

Послѣдовало молчаніе. На диванѣ, облокотившись правою рукою, сидѣла Катя, погрузившаяся въ глубокую задумчивость. Нѣсколько минутъ не замѣчалось въ ней ни малѣйшаго движенія... Она сидѣла, какъ бы прикованная. На ея лицѣ отражалась блѣдность... Вдругъ побѣлѣвшія губки ея задрожали; по всему тѣлу ея пробѣжала судорожное движеніе и изъ черныхъ какъ смоль глазъ, подобно двумъ бриллiантикамъ скатились двѣ крупныя слезы. Она поспѣшила закрыть лице платкомъ. Нѣсколько минутъ оставалась она неподвижна и не отнимала платка... потомъ вдругъ она истерически зарыдала...

— Чего же вы отъ меня хотите?... вы знаете, князь, я не могу... я дала слово матери... я не могу быть такою же, какъ наши балетныя...

— Что съ вами, Катерина Сергѣевна... успокойтесь... я не думалъ васъ оскорблять!.. я самъ этого не хочу!..

— Чего же вы требуете отъ меня!.. говорите.. убивайте меня сразу... я васъ люблю... вы это знаете... но... игрушкой вашей... чтобы на меня всякій пальцами указывалъ... никогда...

— Катерина Сергѣевна!.. умоляю васъ!.. выслу-

шайте меня хладнокровно... Что всѣ пальцами на васъ будутъ указывать?.. это пустяки!.. и теперь всѣ пріятели мои уже поздравляли меня съ побѣдой... Вчера только объ этомъ и было разговору.. но я имъ всѣмъ заткнулъ ротъ... я объявилъ имъ, что вы моя невѣста... и что я надняхъ женюсь... Согласны-ли вы? Рѣшайте!..

Тобольскій матери не послушался. Онъ пошелъ на перекоръ ея желанію. Противъ воли чопорной старухи, бракъ ея сына съ Катей состоялся.

Шаферомъ у танцовщицы былъ фигурантъ Бѣляковъ, истратившій по этому случаю послѣднія деньги на покупку фрака и бѣлаго галстуха. Но ему не долго пришлось радоваться счастью Кати: съ открытіемъ навигаціи, чахотка окончательно вступила въ свои права и могила на Волковомъ кладбищѣ приняла въ свои холодныя объятія тѣло покойнаго фигуранта, не знавшаго въ жизни никакихъ радостей. Никто кромѣ Кати и мужа ее не провожалъ несчастнаго въ послѣднее его жилище. Довольно роскошный памятникъ, поставленный Катею надъ прахомъ покойника, служитъ и до настоящаго времени какъ бы насмѣшкою надъ бѣдностью и горемъ, которые терпѣлъ при жизни четырнадцати рублевый фигурантъ.

Что же сталось съ Банкометовыми, Толчинскими, Клювовыми, Черномазенькими и прочей длинной когортой балетныхъ нюхателей!?.. Понятно что?.. Если не умерли они!.. то духъ ихъ паритъ вѣроятно и до сихъ поръ въ стѣнахъ Большаго театра. Если не они, то сыновья, внуки ихъ и безчисленная лѣстница всякихъ завсегдатаевъ, по прежнему, до мозолей отбиваютъ себѣ ладоши, хлопая танцовщицамъ, рода удовлетворенія своихъ нескромныхъ инстинктовъ... Честь же, имя этихъ танцовщицъ—игрушекъ, какъ и было встарь, вѣроятно попирается ими безнаказанно и топчется въ грязь... На балетную артистку смотрятъ они какъ на кусокъ продажнаго мяса, какъ на лакомый кусочекъ, способный расшевелить ихъ дряблый организмъ послѣ вкуснаго обѣда или ужина... А чтобы видѣли они что либо человѣческое въ артисткѣ, то должны еще пройти многіе и многіе годы, пока окончательно выродится у насъ типъ балетнаго абитюэ!..

Не прошло и года со времени замужества Кати, какъ старуха княгиня Тобольская смирилася и, узнавши всѣ качества своей дочери — танцовщицы, первая подала руку примирѣнія своему сыну, но съ условіемъ, чтобы Катя оставила сцену... Конечно

это было не медленно исполнено и фамилія Кати уже болѣе не показывалась на афишахъ...

Весь рядъ пройденныхъ передъ глазами читателей живыхъ картинокъ, иногда весьма не привлекательныхъ и мрачнаго свойства, далеко не исчерпываетъ собою весь балетный мірокъ, со всѣми его ежедневными фазисами и проявленіями. Картинки эти бываютъ подъ часъ еще грязнѣе и сѣроватѣе..

Винить мы никого не обвиняли, и не обвиняемъ! но что во всякой винѣ есть виноватые—это аксіома. Кто же виноватъ предоставляемъ догадкѣ читателей...

LE Ap '09

Изданія Редакціи «ПЕТЕРБУРГСКАГО ЛИСТКА»

„ПЕТЕРБУРГЪ“

КАЛЕНДАРЬ

НА 1870 ГОДЪ

съ литературными и учеными прибавленіями.

Календарь этотъ предназначается **спеціально** для жителей **Петербурга** и будетъ составлять **настольную справочную книгу,** необходимую для каждаго изъ жителей столицы.

а) Справочный листокъ.

ЗДѢСЬ БУДУТЪ ПОМѢЩЕНЫ СВѢДѢНІЯ:

a) Церковныя,
b) Статистическія,
c) Финансовыя,
d) Промышленныя,
e) Торговыя,
g) Почтовыя,
h) Телеграфныя,
i) Желѣзнодорожныя,
j) Пароходныя,
k) Полицейскія,
l) Врачебныя,
m) Адресныя,
n) Судебныя,
o) Библіографическія,
p) Ученыя,
q) Благотвор. обществъ.

Подробныя правила о 14-й Всероссійской мануфактурной выставкѣ въ 1870 году.

II. Ученый отдѣлъ:

Статистика Петербурга.
Санитарное состояніе Петербурга.
Проституція Петербурга.

III. Литературный отдѣлъ:

Быль.
Виновата - ли она? (Повѣсть).
Изъ Института. (Очеркъ).
Братское участіе. (Стихотвореніе).
Полина. (Изъ жизни трудящагося люда).
Изъ быта бурсаковъ. (Съ натуры).
Въ мастерской фотографа. (Стихотвореніе).
Иванъ Холера. (Воспоминаніе заключеннаго).
Колокольчики и Звоночки. (Фельетонъ).

А. С. и К°.

Цѣна **75** к.; въ папкѣ **1** р.; въ переплетѣ **1** р. **25** к.
На пересылку за *три фунта.*

ТЕАТРАЛЬНЫЯ БОЛОТА

Хроника-романъ въ 3 частяхъ.

Часть первая: «Жизнь и воспитаніе въ Театральномъ училищѣ» . . . . . 1 р.

Часть вторая: «Отъ берега до берега: Жизнь въ провинціи» . . . . . 1 р.

Вторая часть выйдетъ въ концѣ Декабря.

ЛЕКОКЪ.

Соч. Габоріо.

ДВѢ ЧАСТИ.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

Выйдетъ въ концѣ Ноября.

ДНЕВНИКЪ ПРАПОРЩИКА ВЛАСА ЛОВЛАСОВА.

Цѣна 50 коп.

Выйдетъ въ Январѣ.

ПРОДАЮТСЯ:

БРОШЮРА:

ДРАМАТИЧЕСКІЙ КЛАССЪ

Соч. Е. Воронова.

Цѣна 25 коп.

ИЗЪ МІРА УМЕРШАГО И ПОГРЕБЕННАГО

(ОЧЕРКИ ЗАПАДНАГО КРАЯ.)

Цѣна 1 руб.